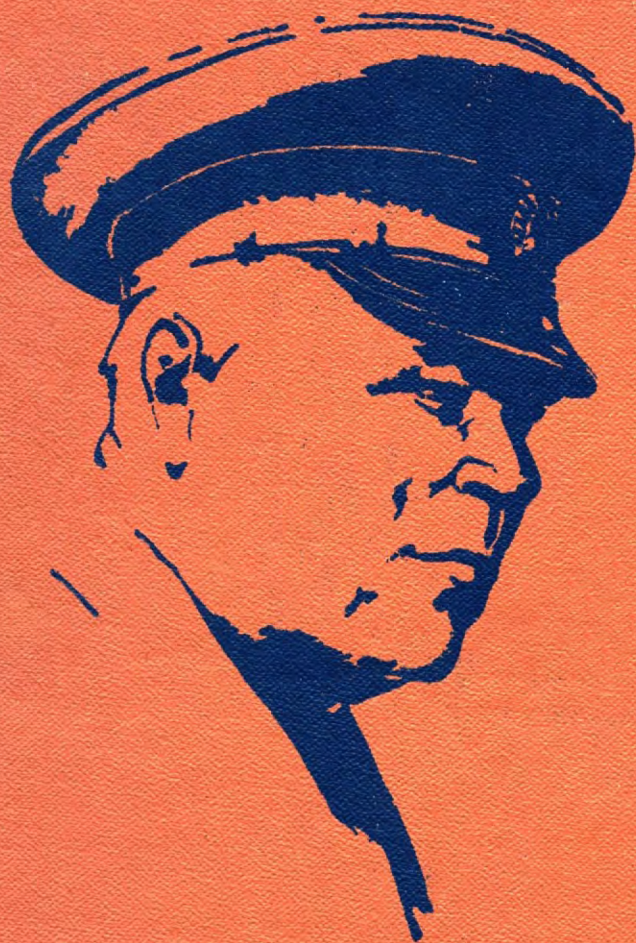


В.С. ГОЛУБОВИЧ

МАРШАЛ МАЛІНОВСКИЙ



МАРШАЛ  
МАЛІНОВСКИЙ

В. С. ГОЛУБОВИЧ

# МАРШАЛ МАЛИНОВСКИЙ

Киев  
Издательство политической  
литературы Украины  
1988

*В документально-публицистической книге рассказывается о жизненном и боевом пути видного военачальника, Маршала Советского Союза Родиона Яковлевича Малиновского, отдавшего все свои силы, богатый военный опыт делу укрепления оборонного могущества социалистической Родины.*

*Рассчитана на широкий круг читателей.*

Г62 Голубович В. С.  
Маршал Малиновский. — К.: Политиздат Украины, 1988. — 224 с., 8 л. ил. — ISBN 5-319-00002-2

*В документально-публицистической книге рассказывается о жизненном и боевом пути видного военачальника, Маршала Советского Союза Родиона Яковлевича Малиновского, отдавшего все свои силы, богатый военный опыт делу укрепления оборонного могущества социалистической Родины.*

*Рассчитана на широкий круг читателей.*

Г 1304010000—029  
М201(04)—88 КУ—№ 1—563—1988

ББК 68.49(2)243

ISBN 5-319-00002-2

© Воениздат, 1984  
© Политиздат Украины, 1988,  
изменения и дополнения,  
художественное оформление

## НАЧАЛО ПУТИ

Родион Яковлевич Малиновский родился 23 ноября 1898 года в Одессе. Мальчик воспитывался без отца. Его мать, Варвара Николаевна, была бедной женщиной и тяжелым трудом зарабатывала средства на жизнь. Она часто переезжала с места на место в поисках работы. В 1910 году Варвара Николаевна вышла замуж и вместе с сыном поселилась у супруга в селе Клищев Подольской губернии. Но и здесь Родиону жилось нелегко, у него не сложились отношения с отчимом. В семье происходили постоянные ссоры из-за материальных недостатков, непокорности пасынка и т. д. Кончилось тем, что Малиновскому пришлось уйти из дому весной 1911 года сразу же после окончания церковно-приходской школы.

Так, Родион в свои 13 лет вступил в самостоятельную жизнь. Он определился разнорабочим в близлежащий фольварк помещика Ярошинского.

Два тяжелых батрацких года многому научили. В свободное от работы время Родион жадно читал попадавшие под руку книги. Однажды ему принесли календарь, посвященный столетию разгрома наполеоновских войск в России. Благодаря этому изданию он познакомился с образами героев сражения под Бородино: фельдмаршала Кутузова, генералов Багратиона, Ермолова, Раевского, многих других участников Отечественной войны 1812 года. А после прочтения романа Л. Н. Толстого «Война и мир» в Родионе окрепла гордость за свое Отечество, за русский народ. В минуты грустного одиночества Малиновский задумывался над прочитанным, вспоминал разговоры взрослых, и у него постепенно формировались собственные взгляды на жизнь.

Родиона постоянно тянуло в родной город. О своей горькой судьбе он написал тете и дяде, которые прожи-

вали на станции Одесса-Товарная, и они пригласили племянника к себе. Осенью 1913 года Малиновский переехал в Одессу. Здесь стал работать подручным в галантерейном магазине купца Припускова, но через полгода заболел скарлатиной и лишился места. В дальнейшем юноше пришлось перебиваться случайными заработками.

...Стояло жаркое лето 1914 года. Началась первая мировая империалистическая война. Родион нередко бродил по залитым солнцем улицам города, вглядываясь в лица проходивших небольшими колоннами солдат в новых шинелях. Уже давно подсознательно росло в нем тяготение к воинской службе. А тут еще военные события подогрели фантазию юноши. Он видел, как из Одессы войска отправлялись на фронт. Малиновский был захвачен общим патриотическим порывом и побежал записываться добровольцем, но ему в воинском присутствии отказали: не подходит по возрасту.

С тех пор юноша пропадал на железнодорожной станции, помогал грузчикам, в товарной конторе у дяди Миши переносить в пакгаузы грузы. Но его неудержимо влекло к людям в серых шинелях. И Родион вновь и вновь рассматривал проходившие колонны и формировавшиеся воинские эшелоны.

Однажды при погрузке воинского эшелона Малиновский незаметно пробрался в теплушку и притаился на полке для вещей. Когда же беглеца обнаружили, он стал умолять взять его с собой. Солдатам юноша понравился своей непосредственностью и смелостью: они приютили Родиона и кормили из своих пайков. По прибытию эшелона в Вильнюс Малиновского представили командиру, который хотя и проявил недовольство, но все же зачислил его добровольцем в пулеметную команду 256-го Елизаветградского пехотного полка.

В пулеметном расчете Родион выполнял обязанности подносчика патронов, а затем паводчика. После непродолжительной подготовки он уже участвовал вместе с полком в боях. В октябре 1914-го под Сморгонью получил первую боевую награду — Георгия IV степени и был эвакуирован в глубокий тыл по ранению. Около двух месяцев лечился в Казани. Здесь впервые услышал откровенные высказывания раненых солдат о напрасных жертвах рабочих и крестьян, о том, что война ведется имущими классами в интересах передела мира, наживы еще больших богатств

путем завоеваний территорий, рынков сбыта, новых колоний и эксплуатации трудящихся масс.

После выздоровления Малиновский был направлен для прохождения дальнейшей службы в запасной пулеметный полк в Ораниенбаум.

В это время ухудшилось положение на франко-германском фронте. Союзническая армия терпела неудачу за неудачей и отступала. Правительство Франции обратилось к России за помощью. Царь Николай II начал спешно готовить экспедиционный корпус для участия в боях против немцев на территории Франции. В Самаре формировался 2-й пехотный полк. В его состав и была включена маршевая пулеметная команда, с которой прибыл Малиновский. Специальной комиссией он был назначен на должность начальника пулемета как отличник стрелковой подготовки.

Прямой путь во Францию отрезали германские подводные лодки, поэтому царское правительство по согласованию с французскими властями избрало круглой сухопутно-морской маршрут протяженностью 30 тысяч верст.

Пехотные полки сначала пересекли Сибирь, затем Маньчжурию и прибыли в порт Дальний, в котором после поражения России в войне с Японией хозяйничали японцы. Эшелоны подали прямо в порт, где покачивались на воде два французских военных транспорта. Русских солдат погрузили на корабли, и они, помолившись на палубах, отправились в далекий путь под прощальные звуки оркестра.

Плавание было долгим и трудным. Всего натерпелись: вначале стыли от холода, потом изнывали от невыносимой жары палящего южного солнца, страшилась ревущей морской пучины во время штормов. Никто из солдат точно не знал, куда держат путь. Разговоры на эту тему категорически запрещались.

При входе транспортов в Суэцкий канал возросла опасность нападения подводных лодок противника, и союзные стороны решили перевести русских солдат на крейсер французского флота «Лютеция», вооруженный несколькими пушками и глубинными бомбами. По сравнению с прежними кораблями это был комфортабельный лайнер с глубокой осадкой, хорошей скоростью и твердым ходом. Сопровождаемый боевыми патрульными кораблями, он уверенно отправился в путь.

Наконец, 20 апреля 1916 года суда прибыли в Марсель. В портальных пакгаузах пехотный полк получил винтовки, карабины и боевое снаряжение. Пулеметную команду снабдили боеприпасами и пулеметами французского образца 1907 года. Оркестр заиграл марш, и солдаты строем двинулись по улицам города в казармы. Малиновский шел чеканя шаг и наблюдал, как полицейские сдерживали веревочным канатом ликовавшую и напивавшую публику.

Русских воинов временно поселили на окраине Марселя, а затем перевели в лагерь Майн, недалеко от Шалона-на-Марне. Личный состав разместили в сборных деревянных бараках легкого типа. В четырех казармах-стационарах проживали французские солдаты и служащие лагеря.

Учебные занятия проходили на лагерном стрельбище, здесь же пристреливалось оружие и отрабатывались упражнения в стрельбе. Тактическая подготовка проводилась в поле. Родион быстро освоил устройство пулемета новой системы, запомнил названия частей по-французски, подготовил расчет для боевых действий.

Летом русские покинули лагерь Майн и через несколько дней уже сражались недалеко от Реймса — под Мурмелоном. С прибытием русской бригады фронт на этом участке заметно оживился. Особенно активными были разведывательные вылазки со стороны передовых позиций, так называемых аванпостов, хорошо оборудованных и укрепленных для круговой обороны.

Пулемет Малиновского был установлен на аванпосту № 2. И вот однажды, во время наступления противника, на аванпостах завязался ожесточенный бой. Пришлось сражаться в окружении. Выручили контратака пехотных рот из основных траншей, а также бесперебойный пулеметный огонь Малиновского, который заменил наводчика и стрелял до тех пор, пока его не контузило. После боя командующий 4-й армией генерал Гуро поблагодарил личный состав 1-й русской бригады за беспримерную храбрость. Ефрейтор Р. Я. Малиновский был награжден бронзовым крестом с мечами.

Но после каждого сражения Родион все больше осознавал бессмысленность этой войны, уносившей тысячи человеческих жизней. Он открыто говорил об этом близким друзьям и разъяснял своим подчиненным, помогая понять им их собственное положение.

В середине октября 1916 года бригаде пришлось испытать на себе ужас газовой атаки противника, после которой русских солдат отвели на короткий отдых. Но немцы активизировали свои действия, и командование опять начало бросать бригаду то под Сюлери, то под Бримон на выручку французам в Шампани. После каждого большого боя многие уже не откликались на поверку, и на родину шли бумажки, извещающие жен, отцов и детей о гибели близких.

Весной во Францию прибыли подарки от царицы для русских солдат — маленькие молитвенники. Но вместе с ними пришел слух, что в России победила революция, царь свергнут, и молиться, в сущности, было не за кого. Еще раньше из Парижа время от времени в бригаду приезжали русские эмигранты и рассказывали о событиях, происходивших в покинутой ими стране. Эти известия быстро распространялись среди солдат, жадно прислушивающихся к любому слову о далекой родине.

Стали стихийно собираться митинги. Все, о чем думалось за годы войны, что накопило здесь, на чужой стороне, прорывалось в выступлениях ораторов. Смысл их был прост: «Назад — на родину! Назад — к своим семьям, городам и деревням! Назад — на помощь революции!»

Вскоре в 1-м полку возник совет. Его примеру последовали во 2-м полку, где состав полкового совета и комитетов в подразделениях был объявлен приказом № 1. Малиновского избрали председателем ротного комитета, в основу деятельности которого были положены борьба против империалистической войны, требования возвращения в революционную Россию. Хорошо законспирированная агитационная работа комитетчиков среди солдат давала свои результаты.

Тем временем на франко-германском фронте готовилось апрельское наступление союзников, рассчитанное и на участие русских войск. Командование экспедиционного корпуса во главе с генералом Занкевичем было встревожено создавшимся положением в войсках и предпринимало всевозможные меры, прибегая к угрозам и запугиваниям.

После долгих дебатов на собраниях и делегатских совещаниях 14 апреля 1917 года 1-я бригада все же приняла решение участвовать в общем наступлении союзников.

16 апреля началось сражение у замка Курси и форта Бримон. После сильного артиллерийского обстрела одна за другой следовали атаки пехотинцев. Но подавить все огневые точки противника не удалось. Уцелевшие пулеметные гнезда на обратных скатах высот прижимали наступавших к земле и наносили им огромные потери. И все же сопротивление немцев на этом участке было сломлено. Успешные действия русских отмечались французской прессой. В наступлении, прозванном «бойней Нивеля»\*, погибло свыше 5 тысяч русских солдат. Наскоро вырытые могилы заполнили поля Шампани. Во время одной из атак вражеской обороны под фортом Бримон Родиону Малиновскому разрывной пулей раздробило кисть левой руки, и он длительное время лечился в русских госпиталях в Бордо, Сен-Серване и Сен-Мальо.

Бессмысленные потери окончательно вывели многих из заблуждения. Пламенные слова комитетчиков все больше доходили до сердец солдат, и уже в мае стало ясно, что после победы Февральской буржуазно-демократической революции в России и провала апрельского наступления французской армии они больше сражаться не будут. Русские бригады отвели в глубь Франции, в департамент Крез, в лагерь Ла-Куртин.

Малиновский узнал, что в лагере каждое утро проходят митинги под лозунгами «Свобода, равенство, братство!», «Домой — в революционную Россию!». Эмиссары Временного правительства уговаривали солдат смириться и выполнить свой «долг» до конца, но они отвечали непокорностью, отказывались идти на фронт и требовали отправки домой.

После продолжительных переговоров в верхах о создавшемся положении в русских бригадах министр иностранных дел Временного правительства Терещенко уведомил французские власти и начальника генерального штаба Фоша, что генералу Занкевичу поручено занять пост главноначальствующего русскими войсками во Франции и при помощи любых мер восстановить в них порядок.

К концу июля по распоряжению генерала Занкевича бригады были изолированы для психологической обработки порознь. Солдат разместили в бараках, окруженных

\* Главнокомандующий французской армией.

колючими проволочными заграждениями. Обстановка накалялась с каждым днем.

После госпиталя Малиновский прибыл в свой полк. Его опять избрали членом ротного и делегатом отрядного (бригадного) комитета. Но недели через две открылась недолеченная рана, и Родион опять был направлен в госпиталь Сен-Серван.

В конце августа 1917 года поступил приказ о разоружении русских солдат. 1-я бригада из-за отказа сдать оружие была объявлена взбунтовавшейся. Не желая доводить дело до вооруженного конфликта, отрядный комитет вынес решение о добровольном разоружении. С этим, однако, не согласились солдаты бригады и избрали новый состав комитета. К ним присоединились полки 3-й бригады, и 10 тысяч солдат окопались в лагере Ла-Куртин, требуя одного — отправки на родину.

В Петроград последовала телеграмма с вопросом: «Как быть?» Ответ был кратким: «Немедленно привести восставших к повиновению силой оружия».

В Ла-Куртине разыгралась страшная трагедия. 10 сентября лагерь был оцеплен 2-й Особой артиллерийской бригадой генерала Беляева, двигавшейся через Францию в Салоники по воле Антанты. Солдатам предъявили ультиматум. Реакционное командование ожидало вооруженного сопротивления, но этого не случилось. Воины построились на плацу. Они предпочли умереть стоя.

Начался артиллерийский обстрел. Три дня в упор расстреливали русских рабочих и крестьян, вся вина которых заключалась в том, что они не хотели больше сражаться за «демократию» банкиров и политических шулеров и требовали отправить их на родину.

На третий день лагерь сдался. Часть оставшихся в живых была разбита на рабочие команды и расселена по департаментам Франции. Три тысячи непокорных и упорствовавших отправлены в ссылку во Французскую Африку.

15 сентября Малиновский вышел из госпиталя и был направлен в лагерь Курно, где размещалась наиболее реакционная часть экспедиционного корпуса. Последовал его арест. Пока шло следствие, в России свершилась Октябрьская социалистическая революция.

После ленинского воззвания «К гражданам России!», принятия II съездом Советов Декретов о мире и земле французское правительство издало приказ о разоружении

всех, без исключения, русских войск и отправке их на работы в каменоломни. Так Малиновский оказался в Бель-форе. Каторжный труд был не под силу — болела раненая рука.

Французское правительство вербовало добровольцев для продолжения войны с Германией. Зная, что немцы оккупировали Советскую Украину и издеваются над мирным населением, сотни русских, в том числе и Малиновский, согласились пойти на фронт. В январе 1918 года они прибыли в иностранный легион 1-й марокканской дивизии французской армии, которая уже в марте выступила прорвавшимся немецким войскам навстречу в Пикардии. С того дня дивизия не знала передышки: ее безжалостно бросали на самые трудные участки, особенно в последнем осеннем общем наступлении союзных войск под командованием генерала Фоша, продолжавшемся вплоть до капитуляции Германии.

Глубокой осенью Антанта окончательно сломила сопротивление кайзеровской армии. Теперь союзники получили возможность использовать свои войска против молодой Советской Республики. Началась иностранная военная интервенция. На юге России Антанта добилась объединения Донской и Добровольческой армий под командованием генерала Деникина.

В это время вспомнили о русских, их срочно вывели из иностранного легиона, где Малиновский воевал наводчиком, а затем начальником пулемета, и разместили в деревне Плёр, недалеко от города Сюзанна. Сначала было решено направить всех к Деникину, но оставшиеся в живых комитетчики, в том числе Малиновский, призвали солдат отказаться воевать против своих братьев в революционной России. Наконец, в июле 1919 года стали записывать желающих вернуться на родину. Малиновский и еще человек двадцать пожелали отправиться в Одессу. Никому не верилось, что тревогам и лишениям на чужой земле скоро придет конец. Месяц ожидания показался вечностью.

И вот группа русских солдат в конце лета 1919 года погрузилась на пароход «Поль-Лека» и покинула Францию. Русских поместили в темном трюме. Французским морякам было запрещено всякое общение с ними. На палубе все время находились люди в штатском, создавая видимость безучастных пассажиров. По всему чувствовалось, что отправка русских была тщательно подготовлена

и обеспечена соответствующими инструкциями на случай неповиновения. Тем более, что вывозились самые стойкие из оставшихся в живых: около трехсот человек.

В дороге Родион пытался представить, что происходит в его родном городе и с чего начнет он там свою жизнь. Это никак не удавалось: слишком противоречива и непонятна была обстановка. Но Малиновский твердо решил стать на сторону революции и не боялся об этом говорить расположившимся рядом солдатам.

Состояние почти полного неведения крайне угнетало. По прибытии в Суэц выяснилось, что об Одессе не может быть и речи. «...Тогда куда же нас везут? Мы требуем ответа. Давайте сюда капитана!» — кричали солдаты при появлении в трюме французов. В ответ — молчание. Для выяснения положения была избрана делегация во главе с Малиновским, которую после неоднократных отказов принял капитан парохода.

— Мы уполномочены узнать: куда плывем?

— Во Владивосток, — сказал капитан.

— Чем можете подтвердить свои слова?

— Ничем другим, как высадкой.

— В Африке?

— В Сингапуре мы предоставим возможность убедиться самим. И передайте солдатам пусть не поднимают шума.

На остальные вопросы ответа не последовало. Члены делегации поняли, что от капитана больше ничего не добиться, и на этом беседа была закончена.

После того, как миновали Африку и взяли курс на Восток, было похоже, что капитан сказал правду. Теперь всех беспокоил вопрос — в чьих руках власть во Владивостоке и что их там ожидает.

Через некоторое время русские солдаты заметили, что обстановка на пароходе смягчилась и французские моряки стали общительнее. Видимо, окончательно убедились, что никакого взрыва негодования со стороны русских не будет.

...Намного позже Р. Я. Малиновский понял, почему тогда они не пошли на Одессу и такой безлюдной и тапштенной была их отправка в марсельском порту. Оказалось, что в июне — июле 1919 года в Бизерте, Итее, Тулоне восстали моряки возвратившейся из революционной России черноморской эскадры, которые двумя месяцами раньше выступили против антисоветской интервенции и

потребовали немедленной отправки на родину. Команды флагманского корабля «Жан Бар» и линкора «Франс» в Севастополе, крейсера «Вальдек-Руссо», миноносцев «Мамелюк» и «Фокопно» в районе Одессы подняли красные флаги. Правительство Клемансо подавило восстание и вынуждено было эвакуировать свои войска, опасаясь новых выступлений и перехода их на сторону Советской власти. В французских портах к восставшим морякам присоединились рабочие. Поэтому боясь выступления интернированных русских солдат, их решили отправить в занятый японцами и белогвардейцами Владивосток.

...В середине октября пароход прибыл во Владивосток. В порту было безлюдно. Потом неожиданно появились белогвардейские офицеры, начавшие агитацию за вступление в контрреволюционную армию.

Неясность обстановки, распространение клеветнических слухов о красных и скорой гибели их не сломили революционного духа бывалых солдат. «Если выстояли там, на чужбине, как же можно продаться дома, на своей земле!» — думал Малиновский. Необходимо было предпринять меры, чтобы выпутаться из создавшейся ситуации, уйти от предательства.

Малиновский и группа одесситов стали просить, чтобы их отпустили на побывку по домам, мол, они заслужили такое право в боях за старую Россию во Франции. Разрешение с трудом удалось получить в комитете Пленбеж. Первую радость за долгие годы скитаний на чужбине никто не скрывал. Но кругом были белогвардейцы. В свои двадцать один год Родион Малиновский понимал, что на родной земле его еще ждут новые испытания.

...Солдаты, которых отпустили на побывку, сели в поезд, направлявшийся в Омск. Суровое время давало о себе знать. Эшелоны охранялись от нападения партизан и почти не останавливались на станциях и полустапках. При проверке документов в Иркутске колчаковцы стали задерживать отпускников, появившихся в такую тревожную пору. Малиновский с группой солдат успел бежать. На станции они осторожно выяснили, что почти все железнодорожники настроены против белогвардейцев. При содействии кондукторов одного из товарных поездов группе Малиновского удалось благополучно доехать до Омска. Остальные добирались разными способами.

В находившемся на осадном положении Омске ютились где придется. Родион узнал, что колчаковцы по ут-

рам разрушают ледоколом лед на Иртыше для остановки частей Красной Армии, которые успешно продвигались на Восток. Было решено перейти реку до взлома образовавшегося за ночь льда.

В первых числах ноября 1919 года Малиновский пересек Иртыш. Где-то рядом должны были переходить реку по льду его товарищи: движением поодиночке достигалась большая гарантия добраться до своих.

С трудом переставляя ноги по снежной целине, Родион шел по полю, ориентируясь по телеграфным столбам. Он знал, что вдоль железной дороги и линии связи тянется шоссе, по которому в беспорядке отступают белогвардейцы, поэтому часто оглядывался, стараясь первым увидеть человека и вовремя от него скрыться. Рваные ботинки с обмотками, истрепанная и грязная шинель, такая же папаха и подвязанный веревками вещевой мешок за спиной придавали Родиону вид старого путника. Так он шел день, ночь и еще день... Питевой водой служил снег, а завалившиеся сухари приглушали чувство голода. Вечеру шум со стороны шоссе стих. Малиновский повернул к дороге, прошел несколько сот метров и, зарывшись в запорошенный снегом кустарник, стал наблюдать: никакого движения. Невыносимо клонило ко сну. «Нет! Нет! Только не это» — промелькнуло в полудремотном сознании. Он еле поднялся и, пошатываясь, вышел на дорогу. Укатанная и промерзшая, она позволяла ускорить шаг. Вдруг его остановил резкий окрик:

— Стой! Кто идет? Руки вверх!

Подняв руки, Родион ответил:

— Свой!

Люди подошли вплотную. Малиновский увидел шлемы с красными звездочками, и у него от радости захватило дух. Один из красноармейцев начал обыскивать Родиона, другие стояли наготове. Вдруг Малиновский вспомнил, что на нем форма царского солдата и в кармане лежат французские награды. До этого они выручали его, а теперь могут подвести. Так и случилось. Особенно подозрительными показались бронзовые кресты с мечами «Круа де Гер», полученные за бои во Франции. Все зло заключалось именно в них, поскольку задержавшие его красноармейцы посчитали, что такие награды получали только офицеры. Все попытки Родиона доказать, что он не офицер и идет к красным, были бесполезны.

— Тащи его в кусты — и крышка! — слышались голоса.

Все кинулись к Малиновскому. Наперерез выскочил стоявший сбоку старший и, закрыв собою «лазутчика», громко сказал:

— Мы отведем его в штаб, пусть командир разберется, кто он.

Красноармеец взял винтовку наперевес и сопроводил Малиновского в ближайшую деревню, где расположился на ночлег штаб батальона 240-го Тверского полка 27-й стрелковой дивизии, разведчики которого и встретили его.

В избе, куда ввели Родиона, топила большая русская печь. За дубовым столом сидел красный командир и что-то размашисто писал при тусклом свете лампы.

После продолжительной беседы комбат распорядился накормить «лазутчика» и устроить на ночлег. Впервые за долгую дорогу Родион спал спокойно и безмятежно.

Наутро в деревню вошел штаб 240-го Тверского стрелкового полка, а с ним товарищи Малиновского — Василий Ермаченко, Сергей Трифонов, Иван Цыб, перешедшие линию фронта на других участках. Слезы радости, крепкие объятия. На глазах у всех друзья сорвали с себя папиры царской армии и втоптали их в снег. Командование предлагало им поехать домой отдохнуть после столь продолжительных и необычных путешествий и скитаний, но они изъявили желание служить в Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Так четверо бывших царских солдат стали красноармейцами 240-го Тверского полка 27-й стрелковой дивизии, которая неотступно преследовала колчаковцев.

...В Омск вступили после короткого боя с небольшим вражеским арьергардом и погнали колчаковцев дальше. Под Каинском, Ново-Николаевском и станцией Тайга красноармейцы разбили белогвардейцев и банды воткинцев. К началу 1920 года армия Колчака была полностью разгромлена. Вместе с остатками его войск поспешно бежали на восток и иностранные интервенты. Теперь они объявили себя «нейтральными» и, чтобы обеспечить беспрепятственное продвижение своих эшелонов, передали Колчака восставшим рабочим Иркутска. Молодая Республика Советов горжествовала еще одну крупную победу.

В начале февраля 1920 года Малиновский заболел тифом, лечился в Мариинском военном госпитале. Болезнь протекала очень тяжело. Вскоре его перевели в Томск,

где размещался более благоустроенный госпиталь. В апреле благодаря усилиям врачей болезнь отступила. Малиновский выписался из госпиталя, но был еще очень слаб. В таком состоянии он добрал до городской комендатуры и оттуда направился на новое место службы в Канск-Енисейский. Расквартированный в этом городке 137-й отдельный батальон нес охрану железной дороги от Нижне-Удинска до Верхне-Удинска. Здесь узнал, что, пока болел, 27-я дивизия из Мариинска передислоцировалась в Минусинск, а оттуда — на Западный фронт. Так Р. Я. Малиновский расстался со своей первой на Родине боевой воинской частью.

За время службы в охранных войсках Малиновский окончил школу младшего комсостава при бригаде и вновь вернулся в свой батальон, но уже начальником пулемета: в его жизни это было третьим назначением на одну и ту же должность. В период пребывания в 1-й Сибирской стрелковой дивизии, сформированной на базе 35-й отдельной стрелковой бригады и переброшенной в Забайкалье на охрану туннелей и советско-монгольской границы, он был повышен в должности. В ликвидации банды Уигерна в Монголии участвовал уже начальником пулеметной команды полка, в которой насчитывалось восемь пулеметов. Последний бой произошел в декабре 1921 года. Малиновский вновь попал в строевые войска — сначала в 309-й, а затем в 104-й полк 35-й стрелковой дивизии на ту же должность — начальника пулеметной команды. Здесь, в 1922 году, впервые на него была написана аттестация: «Дисциплинированный, энергичный, настойчивый. Пользуется уважением среди подчиненных. Имеет большой практический опыт по пулеметному делу. Будучи беспартийным, является вполне благонадежным и преданным Советской власти».

В августе 1922 года дивизия прибыла в Иркутск, где Родион Яковлевич стал помощником командира 1-го батальона 104-го стрелкового полка. К тому времени ему исполнилось 24 года. Это была пора, когда молодой Советской Республике и ее Рабоче-Крестьянской Красной Армии требовались грамотные, политически стойкие, готовые на любые испытания командиры. За восемь лет военной службы Малиновский подготовил себя к этому. Уже в те годы он стал душой солдат: разделял с ними тяготы службы, заботился о быте, политическом и военном образовании, вникал в характеры.

В конце 1923 года Малиновский был направлен в Калугу на должность командира батальона 243-го полка 81-й стрелковой дивизии. Служба у Родиона Яковлевича проходила напряженно. Первое время пришлось решать хозяйственные вопросы для обеспечения только что сформированного подразделения. Затем началась боевая и политическая подготовка, которой он уделял много внимания, умело опираясь на штаб и командиров подразделений, партийную и комсомольскую организации.

Малиновский требовал от командиров своевременного составления расписаний, графиков. Он имел свой план контроля за проведением намеченных мероприятий. Тщательно готовился к ним сам, продумывал их организацию до мельчайших подробностей. А после того, как подчиненные узнали, что комбат в совершенстве владеет пехотным оружием до тяжелого пулемета включительно, улучшились условия его хранения и сбережения, усилилось внимание к огневой подготовке.

Находясь в поле на тактических занятиях, Родион Яковлевич оценивал местность с военной точки зрения, давал неожиданные вводные. По ним он требовал быстрых и смелых решений командиров, инициативных действий воинов.

Бойцам и командирам нравились в комбате собранность, подтянутость, неторопливая, спокойная манера разговаривать с людьми и умение их выслушивать. Присутствие Малиновского в батальоне, его непринужденные беседы вызвали доверие у подчиненных.

Малиновский постоянно совершенствовал методы работы, обогащался духовно и становился все более авторитетным командиром. Он уже так врос в армейскую жизнь, что и не мыслил своей судьбы без военного дела.

В 1926 году командование отметило качества Родиона Яковлевича в аттестации: «Обладает твердой и резко выраженной волей и энергией. Дисциплинированный и решительный. С твердостью и строгостью к подчиненным умело сочетаются элементы товарищеского подхода и «держанности». В те годы Р. Я. Малиновский был практически готов занять более высокую должность, но для этого ему не хватало теоретических знаний. «Военное образование не имеет, является в этой области талантом самоучкой. Благодаря своему упорству и настойчивости приобрел необходимые познания в военном деле путем

самоподготовки... Заслуживает командирования в военную академию», — писал командир полка в аттестации.

В 1926 году Родион Яковлевич вступил в ряды Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). На следующий год перед молодым коммунистом и опытным командиром распахнулись двери Военной академии имени М. В. Фрунзе. Став слушателем академии, Малиновский прежде всего заинтересовался ее историей, полководческой деятельностью Михаила Васильевича Фрунзе, внесшего большой вклад в советское военное строительство. Осуществленные под руководством М. В. Фрунзе военные реформы: принятие Закона о всеобщей воинской обязанности, создание территориальных частей и национальных формирований, реорганизация управления Вооруженными Силами СССР, введение единоначалия, коренное изменение системы подготовки командных кадров и методики обучения — лежали в основе учебных программ академии. Над изучением существа реформ Р. Я. Малиновский работал упорно и много. Он читал литературу, посвященную определению характера войн, роли в них экономики, перспективам развития различных средств вооруженной борьбы, соотношению техники и человека, единой военной доктрине Красной Армии. Это расширяло его общевойennyй кругозор, помогало в решении оперативно-тактических задач. Родион Яковлевич впервые научился составлять листы больших топографических карт, правильно их читать, наносить обстановку, оценивать ее и принимать соответствующие решения. Вначале тактическая подготовка давалась ему нелегко, но, понимая ее значимость в военном деле, Малиновский с упорством преодолевал эту трудность. Засиживаясь допоздна в кабинете тактики, он изучал формы документов, организацию войск, производил расчеты сил и средств сторон по условиям заданий, тренировался на картах. Благодаря трудолюбию и исполнительности Родион Яковлевич вскоре приобрел необходимые знания.

Во время двусторонней курсовой игры на тему «Против стрелковым корпусом позиционной обороны противника с ходу» Малиновский в должности начальника штаба корпуса быстро нанес на карту обстановку, выработал грамотное решение и умело обеспечил его силами и средствами, за что получил хорошую оценку руководителей занятий. На последнем курсе ему было поручено самостоятельно разработать оперативно-тактическое задание

на встречный бой дивизии и провести групповое занятие. И он с этим поручением успешно справился.

В 1930 году Родион Яковлевич окончил академию в числе лучших слушателей. «Общеакадемический курс усвоил хорошо. На стажировке в кавалерийской дивизии проявил особую активность в работе. Аккуратный, добросовестный и старательный. Дисциплинирован, скромн, выдержан», — таковы были оценки в характеристике тех лет.

После окончания академии Малиновский около года служил в 10-й кавалерийской дивизии Северо-Кавказского военного округа в должности начальника штаба 67-го кавалерийского полка, затем — помначсектором оперативного отдела штаба Белорусского военного округа, а с 1933 года — начсектором. В январе 1935 года Родиона Яковлевича назначили начальником штаба 3-го кавалерийского корпуса. С введением в этом же году персональных воинских званий ему было присвоено звание полковника. В июне 1936-го Малиновского вновь перевели в Минск на должность помощника кавинспектора округа.

За годы оперативно-штабной работы в Белорусском военном округе Р. Я. Малиновский участвовал в различных учениях, которые проводились под руководством командующего войсками И. П. Уборевича. У него многому научился, особенно выработке решений в управлении войсками. И. П. Уборевич был очень строгим, умным и деятельным человеком. По его указаниям Малиновский готовил разного рода справки и разработки. Обычно командующий, давая задание, устанавливал жесткие сроки исполнения. Родион Яковлевич, имея всего лишь двух помощников, обеспечивал своевременную подготовку нужных документов.

На учениях Малиновский участвовал в роли играющего или посредника. На одном из них обстановка сложилась таким образом, что войска «противника» выступили из занимаемого района и начали двигаться навстречу «красным». Получив эти данные, командир кавалерийского корпуса «красных» затруднялся принять решение на встречный бой, и дивизии продолжали стоять на месте. Малиновский был посредником при начальнике штаба и понял, что корпус может проиграть из-за медлительности командира. Понимал это и начальник штаба корпуса.

— Как мне поступить, товарищ полковник? — спросил он у Малиновского, изложив свою точку зрения по выдвижению войск с целью упреждающего захвата выходного рубежа...

— Советую, не теряя времени, просить у командира корпуса разрешения дать приказ дивизиям на движение и предупредить их командиров, что приказ на боевые действия они получают на марше.

Начальник штаба корпуса так и поступил.

Этот случай помог Малиновскому глубже уяснить роль командира, лучше понять, как он должен действовать, распорядясь судьбами десятков тысяч людей.

Вскоре в жизни Р. Я. Малиновского произошли важные события. В феврале 1936 года в Испании после длительной борьбы Народный фронт одержал победу на выборах в кортесы. Фашисты и реакционная часть правящих кругов не скрывали своих намерений свергнуть республиканский строй. Началом вооруженной борьбы явилось восстание в Испанском Марокко наиболее зажиточной и реакционной военщины во главе с генералом Франко. Мятеж распространился на метрополию и в конце июня был поддержан военными Мадрида. Сопротивление последних было сломлено в течение месяца отрядами народной милиции и верными республике воинскими частями. Вместе с ними на защиту свободы и независимости выступили рабочие, крестьяне, служащие и студенты во главе с Коммунистической партией Испании.

Однако угроза столице с юга, со стороны ударных сил старой армии, частей марокканской пехоты, кавалерии и иностранного легиона, сразу же поддержанных германо-итальянской военщиной, продолжала возрастать. Благодаря обеспеченности транспортными средствами и вооружением мятежники имели возможность быстро передвигаться и мощно атаковать.

У республиканцев не существовало военной организации, единого командования, должной дисциплины. Было лишь одно — желание победить. Но для этого необходима регулярная народная армия, которую следовало поскорее создать, вооружить и обучить военному делу.

На помощь патриотам пришли добровольцы-интернационалисты из многих стран мира. Командование Белорусского военного округа для отправки в Испанию считало наиболее подходящей кандидатурой полковника Р. Я. Малиновского и рекомендовало его военным советником.

...Прибыв в декабре 1936 года в мадридскую зону военных действий, где происходили основные события, Родион Яковлевич начал с изучения обстановки, которая была очень сложной. В это время главные силы мятежников атаковали южные пригороды столицы, имея серьезное превосходство над республиканцами в силах и средствах. Революционное командование вводило в бой все новые батальоны патриотов, но они несли тяжелые потери.

В это время согласно декрету правительства об организации регулярной Народной армии заканчивалось создание первых шести смешанных бригад на базе 5-го мадридского полка, насчитывающего 70 тысяч человек. В выполнении первоочередных задач Малиновскому пригодился его опыт формирования частей и подразделений 81-й стрелковой дивизии.

Еще в ноябре 1936 года на мадридский фронт было подкрепление в составе пяти бригад, в том числе двух интернациональных. Позже появилось пять новых интернациональных бригад. В остальных районах республиканской зоны пока существовали разрозненные колонны. Однако процесс создания Народной армии шел быстро. В декабре 1936 — январе 1937 года все колонны были преобразованы в бригады, мадридский гарнизон сведен в особый армейский корпус. Устанавливался порядок в тылу центрального фронта. Был создан резерв автомобильного транспорта.

Основной тактической единицей являлась бригада. Она, как правило, состояла из пехоты, кавалерии, артиллерии и служб — всего четыре тысячи человек. В нее включалось четыре пехотных батальона, артиллерийский дивизион, кавалерийский эскадрон, саперная и транспортная роты, минометный взвод и другие подразделения. Каждый батальон имел в своем составе четыре пехотные и пулеметную роты. Количество бригад в дивизиях, а дивизий в корпусах было не постоянное и зависело от условий обстановки.

В ходе боевых действий частей и соединений Народной армии Родион Яковлевич изучал тактику и оперативное искусство противника, который на решающих участках и направлениях сосредоточивал большое количество сил, огневых средств и боеприпасов. Боевые возможности фалангистов увеличивались с каждой операцией за счет

притока новых сторонников Франко, интервентов и наемников.

Находясь на передовых позициях, Р. Я. Малиновский заметил, что вражеские атаки обычно начинались после четырех-пятичасовой артиллерийской и авиационной подготовки по укрепленным рубежам, артиллерийским позициям и наблюдательным пунктам республиканских войск. Одновременно истребительная авиация противника обстреливала вторую линию обороны и резервы. Когда атака пехоты успешно отражалась пулеметным огнем республиканцев, начиналась повторная обработка обороны патриотов и вновь наступление мятежников. Нередко происходили жестокие рукопашные схватки.

Убедившись в большой огневой мощи станковых пулеметов и обнаружив недостаточную подготовленность бойцов-пулеметчиков к боям, Родион Яковлевич решил обучить их боевым приемам. В республиканских армейских, корпусных, дивизионных пехотных школах, созданных в конце 1936 года, а иногда прямо в окопах он рассказывал и показывал, как нужно выбирать и оборудовать огневые позиции, обозначать ориентирами сектора обстрелов, маневрировать пулеметами и их огнем, учил не бояться противника и подпускать его поближе к себе. Как-то во время такого занятия воинов под Мадридом мятежники неожиданно перешли в атаку без артиллерийской подготовки, и Малиновский продемонстрировал, как следует уничтожать врага. Узнав об опасности, грозившей советнику, командир испанской бригады выслал подкрепление, но оно не потребовалось. Атака противника была отражена с большими для него потерями.

Вскоре с Р. Я. Малиновским произошел другой случай. В разгар боев на реке Харама он прибыл на командный пункт 11-й дивизии майора Энрике Листера. Советник увидел, что майор управляет боем почти с открытого места на переднем крае. Зная грамотность и храбрость Листера, желавшие видеть все своими глазами и нетерпимость вмешательства кого-либо в его дела, Родион Яковлевич промолчал, но слегка улыбнулся. Листер заметил это и решил поддержать советника под огнем противника. Малиновский разгадал намерение командира дивизии и, в свою очередь, молчаливо принял вызов, показав, что пули и его не беспокоят. Беседуя, они долго ходили по открытому месту...

Одной из причин слабости Народной армии была недостаточная оперативно-тактическая подготовка командных кадров. Используя знания, полученные в академии, и опыт работы в Белорусском военном округе, Р. Я. Малиновский разработал программу проведения штабных тренировок командиров на фоне реальной боевой обстановки. В ходе их он предвидел возможные варианты наступления противника и способы отражения его в обороне, при этом особое внимание уделял взаимодействию пехоты с артиллерией и танками по времени, рубежам и целям.

Фалангисты чаще всего стремились прорвать оборону республиканцев на стыках, и это им удавалось, ввиду отсутствия связи между частями и соединениями и должного боевого обеспечения войск. Не лучшим образом у патриотов решались вопросы разведки, осуществления внезапности, которые нередко становились причинами неудач, как, например, на реке Харама, где наступление республиканцев было упреждено франкистами. Эти недостатки устранялись революционным командованием с помощью советских военных советников в штабах и на переднем крае боевых действий.

Хуже всего в штабах республиканской Испании обстояло дело с планированием операций. Стратегия высшего командования была в основном оборонительной и базировалась на неверии в силы революции. Характер же войны требовал смелой, наступательной стратегии. В связи с этим главная задача советнического аппарата заключалась в том, чтобы переломить нерешительность высшего командования.

Первой попыткой явилось планирование февральской 1937 года наступательной операции при участии Р. Я. Малиновского. Цель — наступлением на Вальдеморю из района реки Харама — Сан Мартин де ла Веги предупредить франкистский удар на Мадрид. Для участия в операции были привлечены десять бригад, выдвинутых из резерва, 50 танков и 100 орудий.

После упреждающего удара франкистских войск совместно с немецко-фашистскими танковыми, артиллерийскими и авиационными частями на реке Харама разыгралась одна из величайших битв национально-освободительной войны в Испании. Первую неделю фронтовой штаб республиканцев находился в растерянности. За это время враг успел захватить мосты через Хараму у Сан Мартин

де ла Веги, переправиться на восточный берег реки, овладеть высотой Эль Пингаррон и в результате ввести в прорыв значительные силы. Спасти положение могли только резервы, но их не было. Родион Яковлевич рекомендовал перебросить к прорыву две бригады с малоактивного правого фланга. Перегруппировка удалась, и франкисты были остановлены. Некоторым военачальникам Народной армии казалось, что теперь можно перейти в контрнаступление. Но Малиновский предвидел в том неминуемое поражение и советовал не делать этого, пока господствующая над всей долиной Харамы высота Эль Пингаррон остается в руках противника. Бой за ключевую позицию, которая несколько раз переходила из рук в руки, продолжалась около 10 суток. После этого республиканцы перешли к обороне, практически закончив битву на Хараме.

Иное произошло с наступлением в марте на Мадрид со стороны Гваделахары итальянского корпуса. Здесь республиканцы перешли в контрнаступление и после мощной артподготовки при поддержке авиации и танков сразу же обратили врага в бегство.

Летом 1937 года Р. Я. Малиновский вместе с другими советниками принимал активное участие в разработке крупной наступательной операции в брунетском секторе мадридской зоны обороны, а также многих других операций.

Полтора года участвовал Родион Яковлевич Малиновский в войне испанского народа против агрессии фашистских государств — Германии, Италии, Португалии и внутренних заговорщиков — мятежников генерала Франко. Это была школа мужества, испытаний и поражений, школа борьбы с вооруженным до зубов и озверевшим противником. Там Малиновский был удостоен воинского звания «комбриг».

Из Испании Родион Яковлевич вынес большой практический опыт по организации и ведению боевых действий войск, особенно в обороне населенных пунктов, крупных водных рубежей и господствующих высот, а также приобрел навыки планирования наступательных операций, изучил возможности родов войск и военной техники наших вероятных противников.

Советское командование, учитывая боевой опыт и педагогические данные Р. Я. Малиновского, направило его на преподавательскую работу в Военную академию имени

М. В. Фрунзе. В это тревожное время первое в мире государство рабочих и крестьян нуждалось в большом количестве подготовленных военных кадров. С этой целью в академиях перестраивался учебный процесс, увеличивалось число преподавателей, уточнялись профили и характеры подготовки слушателей на базе организационного усовершенствования и технического оснащения родов войск, а также новых данных из опыта боевых действий.

Родион Яковлевич принес в академию большой запас практических знаний и быстро привлек к себе внимание слушателей и преподавателей живыми рассказами и убедительными примерами. Каждый раз появление Малиновского в аудиториях вызывало оживление слушателей. Он ставил перед ними задачи по овладению конкретными знаниями, приучал из суммы сведений об обстановке выбирать главные моменты, остальные подчинять им для достижения намеченной цели. Его лекции отличались содержательностью и доходчивостью. Командование охотно привлекало Родиона Яковлевича на учения и штабные игры в качестве посредника, где он так же умело передавал свои знания.

Несмотря на высокую военно-политическую подготовку, солидный опыт боевой, строевой и штабной работы, Р. Я. Малиновскому нелегко было привыкнуть к новым условиям академической деятельности. Лекции, семинары, консультации, общественные нагрузки заполняли все рабочее время, а по вечерам приходилось упорно работать над собой. Вскоре прибавилась забота по написанию диссертации на соискание ученой степени кандидата военных наук. Приобщился он и к военно-научным исследованиям, выступал с методическими разработками перед профессорско-преподавательским составом по организации учебного процесса.

Летом 1940 года Родиону Яковлевичу было присвоено звание генерал-майора, а за педагогическую работу он был удостоен звания «Отличник академии». Начальник кафедры службы штабов писал в аттестации в конце 1940 года: «В войсках может быть использован на должностях командира дивизии, начальника штаба корпуса или начальника оперативного отдела штаба армейской группы».

## ГОДЫ СУРОВЫХ ИСПЫТАНИЙ

В один из мартовских дней 1941 года генерал-майора Р. Я. Малиновского вызвали в Генеральный штаб. По поручению начальника Генштаба генерала армии Г. К. Жукова его встретил корпусной комиссар С. К. Кожевников. Во время беседы, в которой участвовали заместители начальника Генштаба: по организационно-мобилизационным вопросам — генерал-лейтенант В. Д. Соколовский, по авиации — генерал-лейтенант авиации Я. В. Смушкевич, а также начальник Оперативного управления Генштаба генерал-лейтенант Г. К. Маландин, Родион Яковлевич был информирован о готовящейся агрессии со стороны фашистской Германии и формировании в связи с этим в СССР свыше десятка стрелковых корпусов.

— Руководство считает возможным назначить вас командиром корпуса, — сказал С. К. Кожевников, — который дислоцируется в Кировограде.

— Я солдат своей Родины и готов служить там, где она прикажет, — ответил Малиновский.

Закрыв личное дело и отодвинув его в сторону, корпусной комиссар и все присутствующие пожелали Родиону Яковлевичу успехов на новом месте.

Обратно Малиновскому захотелось пройтись пешком. Солнце перевалило за полдень. Его лучи все еще рыхлили сугробы вдоль мостовых, плавили сосульки на водосточных трубах и крышах домов. В этих местах тротуары были обозначены как опасные участки. На обледенелой земле поблескивали лужицы. Родиону Яковлевичу подумалось, что если теплая погода постоит еще несколько дней, в городе совсем исчезнут приметы зимы. Он не спешил, иногда останавливался, всматриваясь в окружающий мир, и ловил себя на мысли, что такого богатства красок раньше не замечал. Не было времени. «А теперь оно навсегда исчезло вместе с незаконченной диссертацией, с незавершенными делами в академии», — подумал Малиновский.

Подойдя к Кропоткинской площади, он вспомнил, что когда-то здесь стоял храм Христа Спасителя с мощными золотыми куполами. Во время учебы в академии Родион Яковлевич бывал в нем — памятнике русским воинам и народу за избавление России от Наполеона в 1812 году —

и видел на стенах изображения Бородино и других битв, читал имена павших в боях, тексты манифестов, выполненные по металлу и на мраморных досках известными художниками того времени — Нефф, Бруни, Васнецовым, Маковским, Верещагиным, Семирадским. Запомнился серый русский мрамор, да темно-красный финляндский гранит, которые искусно были вложены в грандиозное сооружение. А емкость храма! В нем вмещалось до десяти тысяч человек, высота стен была настолько значительна, что под куполом свободно поместилась бы колокольня Ивана Великого. Малиновский был любознательным человеком, с детства любил военную историю, потому с грустью оглядел опустевшее место и пошел дальше.

...Поздним вечером 13 марта поезд прибыл в Одессу. На железнодорожном вокзале Р. Я. Малиновского встретил начальник штаба корпуса генерал-майор М. В. Захаров.

Матвея Васильевича Родион Яковлевич знал еще по службе в Белорусском военном округе, где они вместе работали в 1-м отделе штаба. Потом Малиновского перевели в войска, а через год убыл и Захаров — командовать 22-м полком 8-й стрелковой дивизии. Когда Матвей Васильевич учился в Военной академии Генерального штаба, Родион Яковлевич с декабря 1936 года воевал в Испании. Захаров за это время прошел должности начальника штаба Ленинградского военного округа, помощника начальника Генерального штаба и прибыл в Одессу в июле 1940-го. Тогда же ему было присвоено звание генерал-майора. И вот они опять вместе.

...Машина остановилась перед зданием штаба округа. Генералы вошли в просторный уютный кабинет. Захаров подошел к Малиновскому, положил руки на его плечи и, глядя в глаза, сказал:

— Малость подобрел и возмужал. Виски тронула седина. Знать, досталось в Испании.

— Было немного. Я вижу, ты тоже не молодеешь. Как-никак, мы одногодки.

— Да, брат, заботы да годы оставляют следы. Ордена оттуда?

— За Испанию.

На груди генерала Малиновского сияли ордена Ленина и Красного Знамени.

— И у тебя появились ордена, — сказал Малиновский.

— Орден Красного Знамени получил в тридцать восьмом, через год — Красной Звезды, еще за гражданскую войну.

— Как командующий? — поинтересовался Малиновский.

— Терпимый, — ответил Захаров.

— Так мало?

— Могу добавить: не хуже меня. Ты же помнишь мой характер и в свое время со мной мог работать, и, кажется, получалось. Вот и с ним сработался. Человек он положительный.

— Теперь о деле, — продолжил Захаров. — Округ наш молодой, образован в конце тридцать девятого. Занимает Днепропетровскую, Запорожскую, Кировоградскую, Одесскую области, Крым и Молдавию. Вот только войск мало, а обстановка на границе тревожная. Приступаем к формированию новых дивизий и корпусов. Ставим вопрос перед Жуковым, чтобы в случае военного вторжения в полосу Одесского округа можно было развернуть две армии, а управление округа преобразовать в фронтовое. Таково общее положение. Детали сообщу потом. А сейчас пойдем я тебя представлю командующему.

Они вошли в кабинет командующего генерал-полковника Я. Т. Черевиченко. Здесь находился член Военного совета корпусной комиссар А. Ф. Колобяков. Обращаясь к Малиновскому, командующий сказал:

— Наслышаны о вас от Матвея Васильевича. В какой мере осведомили генерала? — спросил он Захарова.

— В самом общем плане, товарищ командующий, то есть дана ориентация об обстановке.

— В округе имеются три стрелковых корпуса. Мы обязаны сформировать к июню еще один корпус в Кировограде в составе дивизий: доукомплектовывающейся 74-й стрелковой (командир — полковник Ф. Е. Шевердин), 30-й горнострелковой (командир — генерал С. Г. Галактионов), 176-й стрелковой (командир — полковник В. Н. Марцинкевич) и 150-й стрелковой (командир — генерал И. И. Хорун)<sup>1</sup>. Запомните, Родион Яковлевич, вам его формировать, а в случае войны с этим же корпусом и воевать. Обстановка очень сложная, поэтому немедленно приступайте к делу, что называется с ходу. При-

<sup>1</sup>Центральный архив Министерства обороны СССР. Ф. 16а. Оп. 2956. Д. 5. (Далее: ЦАМО).

мете все меры маскировки войск. Передвижения осуществляйте только ночью. Завтра вылетите самолетом в Кировоград. Если вопросов нет — желаю спокойной ночи: уже поздно.

...Самолет взял курс на северо-восток от утопавшей в зелени Одессы. У Вознесенска пересек Южный Буг. Невыспавшегося Малиновского потянуло в дремоту, от которой он освободился во время приземления. Выйдя из самолета, увидел спешившего навстречу комбрига, который с белорусским акцентом негромко представился.

Им был начальник штаба корпуса Александр Григорьевич Батюня — могилевский хлебопашец в юности. Родился на рубеже веков. Служил в старой армии, закончил прапорщиком. В Красной Армии с ноября восемнадцатого, воевал против белополяков в Белоруссии, там ранен. Полгода служил в Слуцке, потом учился в Военной академии имени М. В. Фрунзе, продолжал службу в Туле, Курске, Раздольном Приморского края, сражался у озера Хасан. Последние два с лишним года — командир стрелковой дивизии.

О своей жизни Батюня рассказал Родиону Яковлевичу по дороге с аэродрома. Над ними, высоко в небе, парил вниз-вверх степной жаворонок, согреваемый утренним солнцем. Воздух был настолько чист и свеж, что у Малиновского слегка закружилась голова. Он хотел было пожаловаться, но вспомнил, что так бывает от перенасыщения организма кислородом и скоро пройдет.

— Почти как у меня и у многих, кто связал свою судьбу с армией, — задумчиво и тихо произнес Малиновский.

Батюню тронули эти слова, и он согласно кивнул.

— Прибыли-то откуда? — спросил Родион Яковлевич.

— С Востока, из 22-й стрелковой дивизии.

— Как там?

— Как и здесь, все чего-то ждут, тревожатся, — ответил Батюня и, не желая продолжать разговор, поспешил сообщить: — Мы подготовили вам квартиру в городе.

— Предпочитаю военный городок, — ответил Малиновский.

Прибыв в Кировоград, Родион Яковлевич в тот же день отдал приказ о своем вступлении в должность, познакомился с размещением частей и подразделений в городке, побеседовал с начальниками отделов и служб. Подковник Ф. Е. Шевердин доложил о ходе укомплекто-

вания 74-й стрелковой дивизии, особенно личным составом.

Заслушав доклад начальника штаба комбрига А. Г. Батюни о состоянии дел, Родион Яковлевич пришел к выводу, что штаб не отвечает сегодняшним требованиям оперативности и четкости в работе, и распорядился немедленно устранить имеющиеся недостатки. Необходимость в этом все больше ощущалась. Малиновский понял, что во время беседы не только в Генштабе, но и в штабе округа, где узнал от Захарова о начале эвакуации в глубь страны военных училищ с Украины и Белоруссии.

Комбриг возразил, что нужно соответствующее время.

— Боюсь, история не отведет его нам, поэтому нужно спешить, — ответил Малиновский.

— Это приказ. Моя главная задача: сделать корпус боеготовым и боеспособным в возможно короткий срок, уделив особое внимание вновь формирующейся дивизии, — продолжал он.

Начальнику штаба Р. Я. Малиновский дал указание на карте проверить маршрут продвижения войск от Кировограда через Первомайск, Балту, Рыбницу, Бельцы к Государственной границе по реке Прут. Он считал, что это необходимо закончить в первых числах апреля.

— Воспользуйтесь данными округа. Я позволю генералу Захарову. Одновременно произведите расчеты выдвижения штаба и корпусного артиллерийского полка из Кировограда с подключением в Балте 74-й стрелковой и в Рыбнице 30-й горнострелковой дивизий, — распорядился командир корпуса.

Через неделю на должность заместителя командира корпуса по политической части прибыл полковой комиссар И. И. Ларин. Иларион Иванович энергично взялся за дело и сразу же оживил партийно-политическую работу. Большое внимание уделялось воспитанию патриотизма, повышению дисциплины и усилению бдительности. Эти вопросы обсуждались на партийных собраниях. Им посвящались политзанятия, политинформации, собеседования. Р. Я. Малиновский увидел в И. И. Ларине активного и деятельного помощника, и между ними с первых же дней установилось полное взаимопонимание.

В марте участились нарушения Государственной границы на территории Одесского военного округа румынскими самолетами. Многократные облеты местности вдоль границы давали основание предполагать, что ведется раз-

ведка советских военных объектов, а также уточнение ранее выполненных съемок.

Нарушение советских границ немецко-фашистской Германией и ее сателлитами производилось в основном на главных направлениях спланированной агрессии против СССР. Началось оно на Востоке и Западе с сентября 1940 года. Участием в нем Японии гитлеровская Германия хотела дезориентировать и распылить внимание Советского правительства.

К маю 1941 года стало ясно, что Гитлер не собирается нормализовать отношения и всячески уклоняется от переговоров по поводу создавшейся ситуации. Предпринятые правительством СССР дипломатические шаги не дали положительных результатов. Вблизи советских границ продолжали сосредоточиваться немецко-фашистские войска. Из различных источников поступали сведения о конкретных датах нападения гитлеровской Германии, о том, что она практически завершила подготовку к вторжению и в любой момент следует ожидать его начала.

Суровая действительность взывала к ответным мерам. Генеральный штаб решил со второй половины мая выдвинуть на запад крупные резервы из внутренних округов. Командующим пограничными округами, в том числе и Одесским военным округом, были даны указания передислоцировать ряд дивизий и корпусов поближе к Государственной границе, срочно приступить к разработке плана ее прикрытия на случай войны.

6 июня командование округа получило согласие Наркома обороны о выдвижении на бельцевское направление 48-го стрелкового корпуса с целью обеспечения стыка с Киевским Особым военным округом<sup>1</sup>. В состав корпуса были включены 74, 30 и 176-я дивизии. Нарком требовал осуществлять передвижение войск скрытно, в ночное время. Необходимо было срочно обсудить ряд организационных вопросов с командиром корпуса, и Захаров отправил самолет за Малиновским (командующий округом в это время находился в Крыму).

В штабе округа М. В. Захаров и Р. Я. Малиновский, стоя над раскрытой картой, намечали маршруты и районы учений, в том числе учения по форсированию Днестра, с таким расчетом, чтобы скрыть от противника замысел советского командования по подтягиванию войск

к границе. Перевозки должны были осуществляться без изменения графика работы железнодорожного транспорта. Они также рассмотрели план подъема частей по тревоге, порядок поддержания связи и многие другие вопросы.

Во время встречи Малиновский узнал от Захарова, что приграничные соединения усилили бдительность по охране Государственной границы. Командиры стали чаще проверять боевую готовность войск. В авиационных частях и соединениях проводились тренировки в перебазировании самолетов с постоянных аэродромов на оперативные, где создавались запасы горючего и боеприпасов.

...Одесса спала глубоким сном. Вокруг стояла безмятежная тишина. Было очень поздно, скоро рассвет, и свежая ночь вновь сменится знойным летним днем.

— Неплохо было бы, Матвей Васильевич, иметь характеристики на гитлеровских командиров и командующих, с которыми придется иметь дело. Очень уж интересно знать их слабые стороны, о сильных мы достаточно папичканы трескотней о победах из печати и по слухам. Я, конечно, понимаю, что откажут, но желание велико.

— Думал об этом. Пока рано — не та ситуация. Ты помнишь белорусские маневры в тридцать первом?

— Помню.

— А помнишь немецкую военную делегацию? Она присутствовала на учениях.

— Постой, постой, припоминаю! А что?

— Так вот, там были два полковника: один — Браунхич, другой — Кейтель. Есть данные, что первый сейчас при Гитлере главным сухопутными войсками, а Кейтель — начальник штаба ставки.

— Да, видные посты заняли за десять лет...

Итак, явно надвигалась война. И Родиону Яковлевичу особенно запали в душу слова М. В. Захарова: «Судя по всему, мы стоим на пороге тяжелых испытаний. И что бы ни случилось с тобой — держи связь, всегда помогу. Ведь ты будешь на главном направлении округа».

В ночь на 8 июня генерал Малиновский объявил боевую тревогу штабу, частям в Кировограде и включенным в боевой состав корпуса 74-й стрелковой и 30-й горнострелковой дивизиям. Одновременно в Котовске была поднята 16-я танковая дивизия, которая совместно с 30-й горнострелковой из Рыбниц составляла «противника» на Днестре по условиям задачи.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 46. Л. 110, 136.

К 15 июня 74-я и 30-я дивизии сосредоточились северо-восточнее Бельцев. 176-я дивизия оставалась на прежнем рубеже — река Прут от Липкан до Петрешты у Скуляня. За несколько часов до начала войны М. В. Захаров подчинил ее командиру 35-го стрелкового корпуса комбригу И. Ф. Дашичеву. Он считал, что руководство обороной стыка между правофланговой 176-й дивизией и 95-й, которой предстояло прикрывать Государственную границу южнее, должно осуществляться одним командиром. Однако расстояние между штабом дивизии в Бельцах и штабом 35-го корпуса в Кишиневе составляло 180 километров, и Малиновского беспокоило такое решение, поскольку дивизия, прикрывая границу на 150-километровом фронте, заслоняла собой бельцевское направление, на котором сосредоточились две другие его дивизии. Управлять приграничными частями из штаба 48-го стрелкового корпуса, разместившегося во Флорештах, было куда удобнее, чем И. Ф. Дашичеву из Кишинева.

Усомнившись в надежности обороны малыми силами на столь широком фронте и в эффективности управления частями на больших расстояниях, Родион Яковлевич стал настаивать на возвращении ему 176-й дивизии под командованием В. Н. Марцинкевича и на разрешении выдвинуть 30-ю дивизию в сторону Скуляня. Однако начальник штаба округа не согласился на это. Оставалось надеяться на большой боевой опыт комбрига И. Ф. Дашичева и готовиться к возможному военному вторжению.

В конце июня в округе должны были начаться штабные учения со средствами связи. Привлекались штабы корпусов, авиация и армейский аппарат, образуемый из окружного управления на случай мобилизации. Родион Яковлевич просил Захарова исключить участие в учении штаба 48-го стрелкового корпуса.

Утром 18 июня из Крыма возвратился командующий. Захаров доложил ему, что полевою поездку на учение нецелесообразно проводить со средствами связи, так как обстановка требует постоянной боевой готовности войск. В случае войны сосредоточение средств связи в Тирасполе и Кишиневе оставит войска округа без управления. Вместо этого целесообразнее провести рекогносцировку с решением задач-летучек на местности без средств связи, чтобы командиры смогли при необходимости быстро возвратиться к своим войскам. Что касается формируемого

армейского управления, то его лучше поднять по тревоге и отправить в Тирасполь на свой узел связи.

Командующий возразил, ссылаясь на то, что Генеральный штаб обвинит округ в срыве важного мероприятия. Однако по настоянию Захарова Черевиченко позвонил в Москву и доложил соображения начальника штаба. С. К. Тимошенко ответил, что надо согласиться с Захаровым.

В 5 часов утра 20 июня личный состав, выделенный для создания управления 9-й армии, был отправлен на автомашинах. Захаров задержался по срочным делам и выехал поездом 21 июня. В тот же день прибыл в Тирасполь. Штаб армии разместился в здании педагогического института.

...Около 22 часов 21 июня командующий округом вызвал М. В. Захарова на переговоры и спросил, сможет ли он расшифровать телеграмму, если получит напрямую из Москвы? «Смогу», — последовал ответ. Буквально через пару минут опять вопрос: «Вторично спрашиваю, подтвердите свой ответ, что можете расшифровать телеграмму из Москвы?» Захарова крайне удивило повторение запроса. Он ответил: «Вторично докладываю, что могу расшифровать любую телеграмму из Москвы». Я. Т. Черевиченко дал указание: «Ожидайте поступления из Москвы шифровки особой важности. Военный совет уполномочивает вас немедленно ее расшифровать и отдать соответствующие распоряжения. Я и член Военного совета будем в Тирасполе поездом 9.00 22 июня».

Соединившись с Москвой, Захаров вызвал оперативного дежурного по Генеральному штабу и спросил, когда можно ожидать текст особой важности. Тот ответил, что пока не знает. Оценив создавшееся положение, М. В. Захаров в 23 часа вызвал к аппаратам командиров всех корпусов и отдал приказ: «Штабы и войска поднять по боевой тревоге и вывести из населенных пунктов. Частям прикрытия занять свои районы. Установить связь с пограничными». Командующему военно-воздушными силами округа было предложено вывести за ночь самолеты на полевые аэродромы.

Примерно во втором часу ночи 22 июня Захарова вызвала Москва: «У аппарата ответственный дежурный Генштаба. Примите телеграмму особой важности и немедленно доложите ее Военному совету». «У аппарата генерал Захаров, — ответил Матвей Васильевич. — Пре-

дупреждение понял. Прошу передавать». В телеграмме за подписями С. К. Тимошенко и Г. К. Жукова сообщалось, что в течение 22—23 июня возможно нападение фашистской Германии в полосах Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов, подчеркивалось, что война может начаться с провокационных действий, поэтому требовалось не поддаваться ни на какие провокации. Одновременно предписывалось быть в полной боевой готовности и встретить возможный внезапный удар. С этой целью приказывалось: в ночь на 22 июня скрытно занять огневые точки укрепленных районов на границе; перед рассветом 22 июня рассредоточить по полевым аэродромам и тщательно замаскировать всю авиацию; подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.

Таким образом, распоряжение М. В. Захарова вступило в противоречие с директивой Наркома. Выходящие в районы прикрытия войска могли поддаться на возможную провокацию, вызвать крупные межгосударственные осложнения, и он тому будет причиной. Захаров решил передать в войска полный текст директивы из Москвы для неуклонного исполнения и руководства и промолчать о своем распоряжении, что и было сделано.

В 3 часа 45 минут в здание штаба, где размещалось командование, прибыл дежурный по телеграфу и передал сообщение заместителя начальника штаба округа по организационно-мобилизационной работе полковника А. М. Кашкина: по данным командира Одесской военноморской базы контр-адмирала А. А. Жукова, неизвестная авиация в 3 часа 15 минут бомбила Очаков и Севастополь. Потом поступили сообщения о начале боевых действий от командиров корпусов первой линии. Наконец, около 5 часов утра ударам с воздуха подвергся тираспольский аэродром. В здании штаба вылетели стекла.

...Услышав от М. В. Захарова слово «война», Родион Яковлевич только и успел сказать в трубку: «Ночью будем выдвигаться». В войсках корпуса была объявлена тревога, приказано рассредоточиться и замаскироваться до особых распоряжений. Из 176-й дивизии от В. Н. Марцинкевича поступила первая информация: «Вражеская авиация бомбила Бельцы, над городом произошел воздушный бой, на границе идет перестрелка, отмечается оживление противника за Прутом в районе Скулян, на дорогах появились первые беженцы».

В середине дня 22 июня Р. Я. Малиновский, заслушав доклады командиров о готовности к маршу, выехал в войска с проверкой. Штаб 30-й дивизии располагался рядом со штабом 48-го стрелкового корпуса в Багринештах. Ее командиру надлежало к утру 23 июня вывести части на рубеж Стурзовка, Пырлица (10—12 километров юго-западнее Бельцев) и не допустить прорыва противника. За ней должна была выдвигаться к Бельцам 74-я дивизия Ф. Е. Швердина.

Трудное положение сложилось в 30-й дивизии С. Г. Галактионова. Боеприпасы не были подвезены, а впереди ее ждал 50-километровый марш. Посланные в Рыбницу автомашины за оставшимися боекомплектными и материальными средствами еще не вернулись, а дороги уже контролировались вражескими самолетами. И тогда командир корпуса распорядился помочь 30-й дивизии автотранспортом.

К утру 23 июня генерал С. Г. Галактионов переместил свой штаб в Пырлицу. Части дивизии опоздали занять оборону на намеченных рубежах. Прибывший вскоре в дивизию Р. Я. Малиновский указал на недостатки марша и потребовал с наступлением ночи ускорить выдвижение войск на заданный рубеж.

Осуществляя сближение с противником, командование 48-го корпуса не забывало и об обстановке на фронте, особенно на своем направлении. Связь с действовавшим впереди 35-м стрелковым корпусом И. Ф. Дашичева поддерживалась всеми доступными средствами.

Малиновскому и его штабу стало известно, что, несмотря на героическое сопротивление пограничников и воинских подразделений, гитлеровские и румынские части форсировали реку Прут у Скулян на полуторакилометровом фронте. К вечеру на занятый врагом плацдарм переправилось подкрепление из 2 полков, 20 танков и до 200 мотоциклистов. Этот прорыв был ликвидирован полком второго эшелона 95-й стрелковой дивизии 35-го корпуса совместно с подоспевшим кавполком 9-й дивизии 2-го кавалерийского корпуса П. А. Белова. При этом захвачено в плен 50 солдат и офицеров противника.

На рассвете 24 июня 30-я дивизия прошла Бельцы и заняла оборону в тылу сражавшейся 176-й дивизии. Северо-восточнее Бельцев в Александренах сосредоточилась 74-я дивизия. Местность была открытая. Части окопались и замаскировались. Совершала налеты вражеская

авиация. Противник подходил все ближе и ближе. Впереди мужественно дрались полки 176-й стрелковой дивизии.

В тот же день войска Р. Я. Малиновского получили задачу выдвинуться еще ближе к Государственной границе и, сбив переправившегося через Прут врага, надежно прикрыть ее. В ночь на 25 июня соединения корпуса совершили 30-километровый марш-бросок: 30-я дивизия — в сторону Скулян, заняв 30-километровый рубеж в полосе действий 176-й дивизии, а 74-я из-за правого фланга 30-й — в сторону намечившегося прорыва противника у Костешт.

На реке Прут, у Скулян, шел яростный бой за переправу. На помощь спешила 30-я дивизия С. Г. Галактионова, в боевых порядках которой находился Р. Я. Малиновский. На рассвете четвертого дня войны приближавшиеся к Скулянам полки 30-й дивизии внезапно попали под огонь вражеских батарей. Со стороны окутанной дымом реки показались фашистские танки. Советские воины не дрогнули. Под дружное «ура!» они с ходу пошли в атаку. Полетели гранаты и бутылки с зажигательной смесью, прямой наводкой ударили подоспевшие 45-миллиметровые пушки. Загорелось несколько вражеских машин, и фашисты отступили. Скуляны были отбиты.

В это время в воздухе появились самолеты противника. На бреющем полете они штурмовали второй эшелон дивизии. Усилила огонь и вражеская артиллерия. Гитлеровцы перешли в атаку большой группой войск на не успевшие окопаться советские части и вновь потеснили их. Одновременно форсировали Прут свежие силы 198-й, 210-й немецких, 8, 13 и 14-й румынских пехотных дивизий, которые вводились в сражение разрозненно. Упорная борьба продолжалась целый день. Части 30-й дивизии С. Г. Галактионова во второй раз выбили противника из Скулян, но удержать обороняемый рубеж не смогли из-за многократно превосходящих сил врага.

После 30-минутной артподготовки 30-я дивизия вновь ворвалась в Скуляны, но снова откатилась. Подтянув за ночь дополнительные силы, гитлеровцы перешли в контрнаступление, пытаясь форсировать реку на других участках. К полудню в район боев выдвинулась танковая дивизия 2-го механизированного корпуса генерала Ю. В. Новосельского, которая во взаимодействии с частями 30-й стрелковой дивизии и штурмовой авиации остано-

вила дальнейшее продвижение 198-й немецкой пехотной дивизии и танков. В результате упорных боев советским войскам удалось удержать рубеж на восточном берегу реки Прут, за исключением района Скулян.

Несколько дней передышки Р. Я. Малиновский использовал для укрепления рубежей и пополнения частей. В это время генерал М. В. Захаров передал штаб 9-й армии \* генерал-майору П. И. Бодину и 29 июня вылетел в Москву \*\*. Матвей Васильевич хорошо знал театр военных действий, силы и средства на нем, быстро ориентировался в обстановке, поэтому его отъезд отзывался больно для Малиновского, потерявшего грамотного и решительного в действиях военачальника. 30 июня Родион Яковлевич получил приказ о передаче 30-й дивизии И. Ф. Дашичеву. Решение командующего 9-й армией вызывалось необходимостью уплотнения войск на унгено-кишиневском направлении.

Однако вывести из боя дивизию в тех условиях Малиновскому было непросто. Назначенный для смены 360-й полк 74-й дивизии не прибыл к 2 часам 1 июля из-за ночного ливня. Особенно возросла тревога Родиона Яковлевича, когда он узнал, что начальник штаба 30-й дивизии без ведома ее командира свернул 120 километров телефонного кабеля и отправил с аппаратурой для развертывания связи на новом месте, а гаубичный артиллерийский полк снялся с огневых позиций преждевременно.

Опасения Малиновского были не напрасны. Враг как будто бы ждал такой ситуации и в 8 часов утра 1 июля начал артподготовку на флангах 30-й дивизии, а затем обрушил на нее главные силы со скулянского плацдарма. Ни о какой смене частей теперь уже не могло быть и речи.

К этому времени ослабленный в боях 591-й полк 176-й дивизии не выдержал мощного удара противника и начал отходить к Чоропканам, оголив левый фланг 30-й дивизии. Хотя она подчинялась И. Ф. Дашичеву, Родион Яковлевич приказал С. Г. Галактионову остановить гитлеровцев силами своего резерва. Введенные в бой четыре стрелковых батальона с танковой ротой и броневозом спасли положение. К исходу дня враг был не

\* Развернута из войск Одесского военного округа.

\*\* Приказом С. К. Тимошенко генерал-майор М. В. Захаров был отозван в распоряжение Наркомата обороны СССР.

только остановлен: часть его сил оказалась прижатой к Пруту западнее Таксобен и высоты 164,3 35-м стрелковым полком, а танковая рота уничтожала огневые точки противника восточнее Германа.

Днем 2 июля фашисты перешли в наступление тремя пехотными и кавалерийской дивизиями с танками 11-й немецкой и 3-й румынской армий. Главные удары наносились со скулянского и костештского плацдармов на Бельцы с целью обеспечения южного фланга крупной немецко-фашистской группировки из группы армий «Юг», продвигавшейся вдоль северной границы Молдавии на стыке Юго-Западного и Южного фронтов. На юге Молдавии 4-я румынская и часть сил 11-й немецкой армии наступали южнее Кишинева в общем направлении на Бендеры, Одессу.

В этот день в сражение в районе Бельцев вступили войска всего правого фланга 9-й армии. Обескровленный в предыдущих боях 404-й полк 176-й дивизии, оборонявший Петрушаны возле Костешт на правом фланге корпуса, с боями начал отходить в сторону Рышкан. К полку Малиновский, получив разрешение, отвел главные силы корпуса на рубеж Пынзарены, Калугар, Скумпия, Бушлы, который находился в 17—20 километрах от границы и был более удобным для обороны.

Утром 3 июля враг возобновил наступление. Израсходовав резервы в предыдущих боях, 30-я дивизия С. Г. Галактионова, неоднократно прижимавшая противника к Пруту у Скуляи, на этот раз не выдержала. Несколько солдат из нового пополнения обратились в бегство перед тремя вражескими танками, увлекая за собой молодых бойцов еще не успевшего закрепиться 35-го стрелкового полка. Артиллеристы оставшихся двух противотанковых орудий решили сражаться до конца. После первых выстрелов прямой наводкой один танк задымил, но и пушка вместе с расчетом была выведена из строя. Другое орудие продолжало вести огонь. Еще один танк остановился и вспыхнул: кто-то ударил со стороны. «Есть еще наши! Ура!» — оживились артиллеристы и произвели несколько выстрелов, подбив опять одну вражескую машину. Однако в это время показалась новая группа танков. Наступление противника продолжалось. Рушилась оборона левого фланга 30-й дивизии. Нависла угроза прорыва немецко-фашистских войск в северо-восточном направлении.

Неделю спустя, разбирая факт отступления 30-й дивизии, командующий 9-й армией генерал-полковник Я. Т. Черевиченко спросил мнение Р. Я. Малиновского о ее командире.

Родион Яковлевич, зная С. Г. Галактионова как отважного боевого генерала, командовавшего дивизией, героически сражавшейся у границы с первых же дней войны, дал правдивую оценку Сергею Гавриловичу и указал на объективные причины отступления:

— Товарищ командующий! Случай сам по себе из ряда вон выходящий, но дело не столько в Галактионове, сколько в том, что кадровый состав был уничтожен в предыдущих боях. Противник имел четырехкратное превосходство, инициативу, танки, пушки, самолеты. Перед такой силой способны стоять насмерть только подготовленные к этому войны. Сделать таким новое пополнение у Галактионова не было времени. То, что случилось с ним, — это наша общая беда, а не его одного. Я в этом твердо убежден.

Это было смелое, принципиальное суждение командира, отлично знавшего своих подчиненных.

Еще в конце июня во время выдвижения войск к Государственной границе на скулянском направлении Р. Я. Малиновский не случайно держал 74-ю стрелковую дивизию полковника Ф. Е. Швердина во втором эшелоне, расположив ее накануне мощного наступления врага в целях обороны стыка между 176-й и 30-й дивизиями. По опыту он знал: противник будет стремиться прорваться в глубь обороны корпуса на стыках и флангах частей и соединений. Получив данные о том, что гитлеровцы потеснили части 30-й дивизии на оборонительные позиции 74-й стрелковой дивизии, Р. Я. Малиновский приказал начальнику штаба корпуса срочно выставить заслоны на всех направлениях для задержания отступающих бойцов и передислокации их в боевые порядки дивизии Ф. Е. Швердина, усилив ее истребительной противотанковой артиллерией корпуса. После этого Родион Яковлевич выехал в штаб С. Г. Галактионова для выяснения обстановки на месте.

176-я дивизия вела кровопролитные сдерживающие бои. Особую активность противник проявлял в районе Кобань Болотино. И хотя понес большой урон, попытки дивизии остановить наступление врага лишь замедлили его продвижение.

В это время в боевые порядки 74-й стрелковой дивизии Ф. Е. Швердина влились правофланговые части 30-й дивизии, и противник был остановлен организованным огнем из всех видов оружия. Такой жесткий заслон вынудил фашистские дивизии занять оборону и ждать подхода основных сил. Воспользовавшись замешательством врага, 74-я дивизия Ф. Е. Швердина решительно контратаковала и разгромила его пехоту, по из-за несогласованности действий с соседями и большого недокомплекта не смогла развить успех.

Мужество и героизм, проявленные в первых боях советскими воинами, все более убеждали их в том, что они способны бить врага. Политработники призывали бойцов не поддаваться панике, так как спасти корпус в тяжелой обстановке могли только высокая организованность и беззаветное мужество личного состава.

В связи с возросшей опасностью глубокого прорыва немецко-фашистских войск командующий 9-й армией решил контратаковать 2-м механизированным корпусом генерала Ю. В. Новосельского со стороны Ямполь, Сороки в направлении Стефанешт, затем совместно с корпусом Р. Я. Малиновского нанести удар с севера на юг, чтобы выйти навстречу 95-й дивизии 35-го стрелкового корпуса при содействии кавдивизии 2-го кавалерийского корпуса с фронта и разгромить противника в районе Скуляны, Пырлица.

Однако из-за недостаточного количества сил, средств и резервов, а также отсутствия должного взаимодействия между соединениями контрудар успеха не принес. Положение советских войск восстановлено не было. Тем самым гитлеровское командование получило возможность вводить новые силы для расширения плацдарма в Молдавии на бельцевско-каменском направлении<sup>1</sup>.

Части 48-го корпуса проводили разрозненные контратаки и еле сдерживали противника, а в ночь на 7 июля по приказу командующего армией оставили Бельцы и отошли к рекам Куболта и Реут восточнее города, заняв по гребню высот оборону в районе Пеления, Александрены, Радоая. В состав корпуса вновь была включена 30-я дивизия. Она вела интенсивные бои на левом фланге — южнее Радоая. Правым флангом корпус взаимодействовал со 2-м механизированным корпусом Ю. В. Ново-

сельского, который сражался в районе Сороки фронтом на северо-запад, но тоже отходил, спасая свои тылы от удара могилев-подольской группировки фашистов, захватившей советскую территорию вплоть до Ямполь-Винницкой области.

7 июля Г. К. Жуков в переговорах с командующим Южным фронтом генералом армии И. В. Тюленевым потребовал активизировать действия войск со стороны Кишинева, а также привести в порядок части, находившиеся северо-западнее Бельцев, и не допустить прорыва врага через Днестр.

— В противном случае Южный фронт не справится со своей задачей, и это приведет к катастрофе, — закончил разговор Георгий Константинович.

Командующий Южным фронтом приказал 35-му стрелковому и 2-му кавалерийскому корпусам нанести контрудар из района Кишинева на Фалешты по прорвавшимся вражеским войскам. Хотя контрудар и оказался решительным (было взято в плен свыше 80 солдат и офицеров, захвачено 20 орудий, 68 грузовых машин, 400 повозок, 600 лошадей 67-го пехотного и 63-го артиллерийского полков румынской армии), однако изменить положение он не смог, так как противник уже захватил территорию севернее Бельцев.

10 июля части правого фланга 48-го корпуса закончили отход к Днестру и готовились к переправе на восточный берег в районе Каменки, а войска центра и левого фланга обороняли Дубно, Флорешты, Цыра, Радоая и южнее на значительном удалении от Днестра.

Обсуждая организацию переправы частей корпуса через Днестр, Р. Я. Малиновский потребовал от начальника штаба:

— Александр Григорьевич! Необходимо послать опытного оператора к Галактионову для помощи при переправе дивизии через Днестр и самому проследить за выполнением задачи. Товарищ Ларин возьмет на себя дивизию Марцинкевича и Швердина. Связь во что бы то ни стало держать со мной. Усилить внимание флангам.

Родион Яковлевич распорядился переправить гаубичную артиллерию двух дивизий на восточный берег реки с тем расчетом, чтобы она была готова с утра вести огонь.

— Для обеспечения переправы атакуем противника ночью и, где можно, улучшим позиции, — уточнил он.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 516. Оп. 8220. Д. 6. Л. 18—19.

Войска правого фланга корпуса переправились через Днестр в районе Каменки, а части левого фланга оставили ранее обороняемый рубеж Дубно, Флорешты, Цыра, Радоя. Здесь противник уменьшил активность и основные силы бросил на кишиневское направление. 14 июля он нанес главный удар на стыке 2-го кавалерийского и 35-го стрелкового корпусов. В результате 16 июля пал Кишинев. Около семи немецко-фашистских пехотных и танковых дивизий поставили под угрозу рассеяния войска 9-й армии. По приказу И. В. Сталина Генеральный штаб запросил от главкома Юго-Западным направлением С. М. Буденного и командующего Южным фронтом И. В. Тюленева объяснения, на каком основании город был сдан врагу без санкции Ставки, и от его имени потребовал восстановления положения<sup>1</sup>.

Командующий 9-й армией решил мощным прорывом на фронте противника освободить Кишинев. Корпусу Р. Я. Малиновского было приказано частью сил совместно с 15-й мотострелковой дивизией 2-го механизированного корпуса контратаковать врага из района восточнее Флорешт.

Времени для организации наступления оставалось менее суток. Фашисты прекратили атаки перед фронтом корпуса, и Р. Я. Малиновский решил этим воспользоваться. Вместе с А. Г. Батюней и И. И. Лариным он разработал план смены частей в обороне, маршруты и время выдвижения их на рубежи атаки, а артиллерии — на огневые позиции, увязав вопросы с соседней 15-й мотострелковой дивизией мехкорпуса. Решение было доведено только до командиров дивизий и полков. И. И. Ларин получил задачу возглавить оборону корпуса, а А. Г. Батюня — осуществить контроль за перегруппировкой войск и подготовкой внезапного удара по противнику.

С целью выполнения поставленных задач Р. Я. Малиновский растянул фронт обороны 176-й и 74-й стрелковых дивизий и приблизил имевшуюся у них полковую артиллерию к переднему краю для стрельбы прямой наводкой на случай вражеской атаки. Благодаря этому был обеспечен вывод левофланговой 30-й дивизии из боевого соприкосновения с противником и осуществлен поворот ее на юго-запад. Дивизия сосредоточилась в исходном

районе для контратаки при поддержке дивизионной и корпусной артиллерии.

Прибыв на наблюдательный пункт для управления войсками и убедившись в готовности двух дивизий, Малиновский утром 17 июля доложил об этом командующему армией. Контратака началась после мощного обстрела артиллерией корпуса живой силы противника, который в панике бежал. 30-я стрелковая и 15-я мотострелковая дивизии заняли Дубно, Флорешты, Котюжаны, перерезав железную дорогу Бельцы—Рыбница на большом участке, о чем было доложено в Ставку. На других направлениях 9-й армии контратаки успеха не имели.

В разгар сражений на Днестре в штаб корпуса поступил приказ Народного комиссара обороны от 17 июля 1941 года с объявлением Указа Президиума Верховного Совета СССР «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в РККА». Обстановка на фронтах требовала, чтобы политработники взяли на себя ответственность и за боевые действия войск наравне с их командирами. Все приказы по полку, дивизии, корпусу стали подписываться командиром и военным комиссаром. В ротах, батареях, эскадронах вводились должности политруков.

Коммунисты корпуса восприняли Указ как новую задачу партии об укреплении своих рядов на фронте. Р. Я. Малиновский и И. И. Ларин непосредственно участвовали в реорганизации отделов политической пропаганды в политотделы. Во время затишья на передовой в подразделениях и частях проводились митинги и партийные собрания, на которых зачитывался этот документ, разъяснялись требования о повышении роли и ответственности политработников в бою, о строгом выполнении всех приказов высшего командования. На митингах выступали воины, призывавшие к проявлению мужества и бесстрашия, к защите родной земли до последней капли крови.

Удар противника по центру войск 9-й армии предусматривал обеспечение выхода его частей к Днестру на всем протяжении реки в целях более успешного наступления 4-й румынской армии в сторону Одессы. Главным же направлением в общем стратегическом замысле гитлеровского командования на юге продолжало оставаться первомайское из района Каменца-Подольского, которое проходило по стыку 18-й и 9-й армий. Там

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 160. Оп. 995. Д. 1. Л. 8—9; Д. 7. Л. 41—43.

действовали 11-я немецкая и 3-я румынская армии группы армий «Юг», усиленные итальянским корпусом.

В конце июля немецко-фашистские войска активизировали свои действия со стороны Ямполья, Сороки на правом фланге 48-го стрелкового корпуса в районе Каменки, где сражалась 74-я дивизия. Главными силами враг возобновил наступление на Кодыму, имея задачу окружить 18-ю и 9-ю армии Южного фронта в междуречье Днестра и Южного Буга. Разрозненные войска 18-й армии с тяжелыми боями отходили в юго-восточном направлении, обнажив правый фланг 9-й армии. В это время противник, выйдя в глубокий тыл 48-го стрелкового корпуса в районе Первомайска 1-й танковой группой с севера и 17-й армией с запада, окружил 6-ю и 12-ю армии Южного фронта, а правым флангом 11-й армии вышел к Балте, поставив корпус под угрозу окружения в районе Балта, Рыбница, Котовск.

Р. Я. Малиновскому не раз приходилось бывать в подобной ситуации, и потому он действовал без суеты и предельно собранно. Однако в данном случае испытывал острую потребность в информации о предполагаемых намерениях гитлеровского командования, особенно на флангах его войск. Зная об этом, А. Г. Батюня принимал все меры к получению сведений о передвижении сил противника путем разведки. Данные о действиях врага в оперативном плане Родион Яковлевич получал из Тирасполя от командующего 9-й армией.

Исходя из обстановки, Малиновский стянул основные силы корпуса на правый фланг и непрерывно контратаковал вражеские позиции ночью частями 74-й и 176-й дивизий совместно с кавдивизией 2-го кавалерийского корпуса. Ожесточенные бои проходили с переменным успехом. В ходе их систематически прерывалась связь, нередко создавалась угроза флангам дивизий, сокращалась численность корпуса. За это время вышедшую из боевого состава 30-ю дивизию сменила 150-я стрелковая дивизия генерал-майора И. И. Хоруна, прибывшая из резерва фронта.

Р. Я. Малиновский хорошо знал ее командира еще по преподавательской деятельности. Ему было около шестидесяти, воевал против петлюровцев, денкинцев, белополяков и басмачей в Средней Азии.

Во время дружеской беседы И. И. Хорун сообщил Родиону Яковлевичу некоторые сведения о гитлеровских

восначальниках, полученные им в штабе фронта. «Ударная группа Клейста, наступающая в стыке двух фронтов, продвинулась далеко на юго-восток,— сказал Хорун.— Нам с ней рано или поздно придется иметь дело. Немцы считают Клейста танковым богом. Ему столько же лет, как и мне. Он кавалерист в прошлом и поборник моторизации армии в настоящем. Участник первой мировой войны на штабных должностях. В Польше командовал армейским корпусом, в Югославии танковой группой, с которой к началу войны выдвинулся на советскую границу, преобразовав ее в 1-ю танковую группу».

— Да, своих противников надо знать,— отметил Малиновский.

— Имеется одна любопытная деталь. Он выходец из старой аристократической семьи: 36-й генерал в роду и быть ему генерал-фельдмаршалом, если, конечно, доживет до этого,— продолжил Хорун.

— Генерал-фельдмаршал фон Рундштедт, с войсками которого мы имеем дело, тоже выходец из дворянской семьи — ты же знаешь, а вот никак не может совладать с моим корпусом. Так что родословная еще ни о чем не говорит, и не пугай нас, Иосиф Иванович.

— Ни в коем случае, Родион Яковлевич! А вот то, что над правым крылом и тылом Южного фронта с севера нависла крупная вражеская группировка с «танковым богом» — побаиваться надо,— сказал Хорун.

— Невероятно! — вскрикнул Ларин.

— Спокойно, комиссар! Мы же представляли это по имеющимся сведениям о Новосельском, 6-й и 12-й армиям. Иосиф Иванович только подтвердил наши предположения,— констатировал Малиновский.— Судя по всему, мы будем прижаты к морю у Одессы.

— Это в лучшем случае. Скорее всего придется вырываться из окружения,— добавил свое Ларин.

Малиновский не обратил внимания на эти слова. Его голова была забита другими мыслями. Он сделал несколько шагов, обернулся к Хоруну:

— Что предпринимает Тюленев?

— Бросил Одесское пехотное училище на Ново-Украинку, Новосельского еще раньше,— в район Умани. Теперь же бороться с противником нечем. Он просит резервы, чтобы предотвратить угрозу Одессе, Николаеву, Кривому Рогу.

— Зачем же ты тогда здесь, Иосиф Иванович? — спросил Малиновский.

— Чтобы помочь вам выбраться из этой катавасии и уйти на оборону Одессы.

— Приказ? — спросил Ларин.

— Пока нет, по будет. Решается...

Именно 4 августа в 21 час 50 минут по поводу обороны Одессы состоялся разговор заместителя начальника Генерального штаба генерал-майора А. М. Василевского с начальником штаба Главкома Юго-Западного направления генерал-майором А. П. Покровским. Ставка требовала соображений С. М. Буденного. Из доклада начальника штаба было видно, что оборона города мыслилась на ближних подступах к нему по линии Палиово, станции Выгода, Беляевки, упираясь флангами в Днестровский лиман на западе и в Куяльницкий и Хаджибейский лиманы на северо-востоке. Для этого намечались: Приморская армия в составе трех стрелковых дивизий и народная ополчения, все гарнизонные средства противовоздушной обороны и полк истребительной авиации.

Через два часа проработки варианта Василевский вновь вызвал Покровского и сообщил, что начальник Генштаба Б. М. Шапошников считает рубеж слишком приближенным к городу и просит высказать мнения по двум новым рубежам: среднему (30 километров севернее Одессы), если изложенный Буденным считать ближним, и дальнему (35—40 километров севернее Одессы и северо-восточнее Николаева).

После доклада начальника штаба Буденному переговоры возобновились: «Главком считает, — сказал Покровский, — что ваши рубежи неприемлемы ввиду отсутствия сил. По его подсчетам только для обороны среднего к городу рубежа требуется пять-шесть дивизий. Выполнить это наличными войсками будет означать открыть врагу пути на восток, к Днепру. Буденный просит ускорить решение по представленным им сегодня соображениям, так как время не терпит», — закончил Покровский.

И уж совсем для начальника штаба стало неожиданным, когда Василевский заявил, что прежде чем принять решение на отвод, Ставка хочет знать мнение и командующего Южным фронтом. Он потребовал сейчас же связаться с ним и доложить его точку зрения. Погладив бритую начисто голову, Покровский продолжил: «Тогда ведь надо начинать сначала. Ведь главком сегодня к часу

почти представил соображения в Ставку. Он принял решение единолично. А сейчас вопрос стоит так, что его надо согласовывать с Тюленевым. Я постараюсь выяснить».

Из переговоров Василевского с Покровским ничего конкретного не получилось. Как и следовало ожидать, их продолжили военачальники более высокого ранга. Переговоры состоялись 5 августа.

— Товарищ Сталин приказал мне передать, что он недоволен тем, что вы, намечая линию отвода войск, при которой отдается почти половина Украины, не подошли сами к аппарату. Ставка не может согласиться с предлагаемым вами рубежом отвода и сейчас на ваше имя идет телеграмма особой важности. Все, — закончил начальник Генерального штаба маршал Шапошников.

— О каком вызове меня к аппарату идет речь? Такого случая я не помню. Мои соображения исходят из реальной обстановки. Если Ставка находит их неудовлетворительными, она может поправить, — возразил Буденный.

— Василевский вызвал Покровского по очень важному вопросу. При этом предполагалось, что вы сами захотите изложить свою точку зрения.

— Я, конечно, извиняюсь перед Василевским, но считаю, что начальник штаба главкома имеет право передать тот или иной документ непосредственно Василевскому. Я в это время был занят переговорами с Тюленевым.

Маршал Шапошников еще раз напомнил об отправке директивы Ставки и на этом переговоры о судьбе Южного фронта и Одессы были закончены.

Общее положение на фронтах ухудшалось с каждым днем. 3 августа враг захватил Первомайск и начал распространяться вдоль Южного Буга. 5 августа советские войска оставили Константиновку и Кировоград. В тот же день Ставка Верховного Главнокомандования дала приказ И. В. Тюленеву об отводе армий к Одессе и обороне ее до последней возможности, привлекая к этому Черноморский флот.

Против корпуса Р. Я. Малиновского, в районе Котовска, действовала дубоссарская группировка противника, пытавшаяся рассечь 9-ю армию Я. Т. Черевиченко и перерезать железную дорогу Котовск — Одесса. Резервов уже давно не было. Неравенство сил угнетало, вызывало тревогу. Несмотря на это, Родион Яковлевич решительно

вел корпус в бой, держался мужественно и спокойно, вдохновляя людей на подвиги.

Днем 5 августа начал отход и 48-й стрелковый корпус. В ночь на 6 августа его штаб переместился в Тимково, в 10 километрах юго-восточнее Ананьева, где оборонялась 74-я дивизия. Левее закрепились 176-я и вновь введенная в состав корпуса 30-я дивизия, а во втором эшелоне находилась 150-я, 30-й дивизии было приказано влиться в Приморскую группу войск Южного фронта. И она готовилась оторваться от корпуса следующей ночью и уйти на оборону Одессы. Конница П. А. Белова освободила Вознесенск и вела бой за его удержание. С другими соседями связи не было. Штаб 18-й армии переместился в Новую Одессу — на наиболее опасное направление со стороны Вознесенска, а 9-й армии — в Нечаянное, в 30 километрах западнее Николаева.

— Мы прямо должны выходить на город, — сказал на совещании Р. Я. Малиновский И. И. Ларину и А. Г. Батюне. — О том, что над корпусом нависла угроза окружения, должны знать только командиры дивизий и полков. Необходимо продолжать контратаки для создания видимости прочной обороны, если мы хотим осуществить отход организованно. Сейчас для нас это главное.

— Чтобы покрыть расстояние в 170 километров, одних почей будет мало. Они слишком коротки, — заметил А. Г. Батюня, — а события развиваются очень быстро.

— Я предлагаю отходить днем, где можно, — добавил И. И. Ларин.

Зазвонил телефон.

— Товарищ Первый! Нас атакуют справа, — прозвучал в трубке голос Ф. Е. Швердина.

— Навалитесь всей артиллерией. Хорун поможет. Контратакуйте! Ананьев должен быть наш. Держите связь, — распорядился Родион Яковлевич.

Совещание было прервано. Через несколько минут вошел А. Г. Батюня и доложил, что отданы необходимые указания на поддержку 74-й дивизии. А спустя несколько минут Ф. Е. Швердин сообщил, что вражеская атака отбита.

— Проверяют нас, — заключил Родион Яковлевич — продолжил совещание. — В связи с тем, что против только что напавших о себе, думаю, что мы не все знаем. Безусловно, наше положение он хорошо знает и стремится держать нас в постоянном напряжении. Э-

чем ему наступать с фронта, когда до полного окружения осталось лишь перерезать коридор в глубоком тылу? Вот почему всю ночь нас не беспокоили.

— В таком случае дневной отход крайне необходим, тем более враг убежден, что мы на это не пойдем, — заявил А. Г. Батюня.

Р. Я. Малиновский согласился с доводами своих заместителей и решил выводить корпус к Николаеву полковыми колоннами и днем и ночью, имея впереди сильную разведку, а на открытых флангах — боковое охранение. Дивизиям, оборонявшимся в первом эшелоне, было приказано прикрыться от противника арьергардными полками. Родион Яковлевич потребовал от командиров дивизий и штаба корпуса непрерывной связи, постоянной разведки, дисциплины и организованности на марше.

150-я стрелковая дивизия начала отход в тот же день, 5 августа. В ночь на 6 августа войска первого эшелона обороны корпуса оторвались от противника без активных боевых действий, которыми обычно предварялись ночные отходы, чем ввели его в заблуждение. Планомерный отход корпуса осуществлялся в основном по двум маршрутам — вдоль балок рек Тилигул и Куяльник. Во время появления вражеских самолетов войска рассредоточивались, развернувшись фронтом в сторону противника, чтобы создать видимость выдвижения их к линии боев.

48-й корпус Р. Я. Малиновского выходил к Николаеву семь суток, уничтожая на своем пути просочившиеся в тыл мелкие группы гитлеровцев и их разведку.

30-й дивизии пробиться к Одессе не удалось, так как немецко-фашистские войска перерезали пути выхода к городу. Родион Яковлевич получил приказ командующего армией присоединить ее к корпусу.

К исходу дня 12 августа фашисты заняли Нечаянное. К тому времени вся артиллерия 48-го стрелкового корпуса была переправлена на восточный берег Южного Буга, а в ночь на 13 августа, сдерживая натиск врага, последними отошли за реку все четыре ослабленные дивизии корпуса.

Родион Яковлевич получил сведения, что четыре танковые и моторизованные дивизии из группы Клейста стремятся выйти к Днепру на участке Кременчуг, Днепрпетровск со стороны Александрии, Кривого Рога. Другая часть его войска охватывала Николаев с востока, чтобы во взаимодействии с вознесенской группировкой,

наступавшей вдоль западного берега Южного Буга, окружить 18-ю и 9-ю советские армии в районе Николаева.

Город горел. Оглушительные взрывы отдавались всеобщим гулом. Жители готовились к эвакуации.

По приказу командующего 9-й армией 48-й корпус Р. Я. Малиновского с ходу вступил в бой против 16-й вражеской танковой дивизии. Противник рвался на Херсонскую улицу, разделявшую Николаев на северную и южную части. Ударив вдоль железной дороги на Снигиревку, войска корпуса отрезали фашистские танки. Севернее Николаева контратаковала 18-я армия и конница П. А. Белова, которая несколько дней упорно сдерживала вознесенскую группировку гитлеровцев.

Северо-восточнее города ожесточенный бой продолжался трое суток, нередко переходя в рукопашные схватки. Советские войска оказались в котле — противник превосходил их в три-четыре раза. Несмотря на это, они не только вырвались из окружения, но и нанесли значительные потери четырем вражеским дивизиям<sup>1</sup>.

Однако силы были слишком неравными, и 18-я и 9-я армии утром 18 августа начали переправу через Днепр. Немецко-фашистские захватчики сдерживались арьергардными боями под прикрытием авиации и заранее переправившейся тяжелой артиллерии. Штаб 48-го корпуса, 74-я и 176-я дивизии отошли за реку у Берислава близ Каховки, а 30-я дивизия — у Отрада Каменки.

## КОМАНДУЮЩИЙ 6-Й АРМИЕЙ

После отхода на Левобережную Украину Р. Я. Малиновский считал, что теперь у него появится возможность привести корпус в порядок, но в Генеральном штабе решили иначе. Там помнили сражения в районах Костешт и Скулян на реке Прут, где войска Р. Я. Малиновского проявили высокую боевую стойкость. Словом, командирский почерк Родиона Яковлевича был замечен, и его рекомендовали на должность командарма.

Малиновский пока об этом не знал. О новом назначении ему сообщил командующий 9-й армией генерал-полковник Я. Т. Черевиченко и отдал приказ срочно вместе со штабом корпуса прибыть в Мелитополь, где их должен

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 516. Оп. 8220. Д. 6. Л. 99.

был встретить военный комендант города. Дивизии 48-го стрелкового корпуса переходили в непосредственное подчинение командующего 9-й армией.

Попрощавшись со своими боевыми друзьями, с которыми два месяца разделял беды страшной войны, горечь поражений в неравной борьбе, Родион Яковлевич вместе со штабом выехал в Мелитополь.

После 75-километрового пути, затрудненного потоками беженцев, пробками на дорогах, местами разрушенных снарядами и бомбами, машины были остановлены на окраине города военным патрулем, который, проверив документы, направил их к коменданту. Здесь Р. Я. Малиновскому вручили телеграмму: «...срочно вылетайте в Павлоград. Встретит Чибисов. Примите армию. Ларина и Батюню направьте во фронт. Тюленев».

25 августа Р. Я. Малиновский прибыл на место и получил директиву Ставки о назначении его командующим формирующейся на базе Резервной армии и управления 48-го стрелкового корпуса 6-й армии. Это дало право Родиону Яковлевичу вызвать из корпуса своих бывших заместителей. В конце августа А. Г. Батюня был утвержден начальником штаба, а И. И. Ларин — членом Военного совета 6-й армии.

Резервная армия (командующий — генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов, член Военного совета — бригадный комиссар К. В. Крайнюков) имела в своем составе 230, 255 и 275-ю стрелковые, 26-ю и 28-ю кавалерийские, 8-ю танковую и 44-ю истребительно-авиационную дивизии, стрелковый полк дивизии НКВД. Она вступила в сражение в начале августа с задачей ликвидировать разрыв между Южным и Юго-Западным фронтами, в который устремились 13-я и 14-я танковые, 60-я и 11-я моторизованные дивизии 1-й танковой группы Клейста на днепропетровском направлении.

Утром 23 августа 26-я дивизия полковника А. А. Носкова попала в окружение в районе Днепродзержинска; 230-я полковника Ф. В. Захарова подверглась атаке 100 танков с мотопехотой и отошла на западную и юго-западную окраины Днепропетровска; 275-я дивизия генерал-майора М. И. Дратвина обороняла Краснополье, Селецкую; 28-я кавалерийская и 8-я танковая дивизии полковников Л. Н. Саковича и П. С. Фотченкова — Сурско-Покровское; 255-я дивизия полковника И. Т. Замерцева — Тмбург.

К исходу дня 24 августа дивизия полковника А. А. Носкова с полком 230-й стрелковой дивизии вырвалась из окружения и переправилась через Днепр на восточный берег, понеся большие потери. На других участках немецко-фашистские войска овладели южной окраиной Днепропетровска, Краснополем и южной окраиной Лоп-Каменки.

Не успел новый командарм ознакомиться с обстановкой, как с передовой поступила тревожная информация: оставлен Днепропетровск. Рассмотрев план города и проанализировав последние данные о действиях войск армии, Родион Яковлевич пришел к выводу — здесь оказалась слабая организация обороны. Географическое положение Днепропетровска, а также застроенность его каменными, кирпичными и шлакобетонными зданиями способствовали удержанию города советскими войсками. Малиновский сказал об этом сдававшему армию Чибисову и остававшемуся на прежней должности Крайнюкову. Чибисов сослался на то, что Днепропетровск обороняли не кадровые, а наспех сформированные и малообстрелянные в боях дивизии. На это Родион Яковлевич ответил, что гитлеровцы нацупали слабую защиту города, иначе они не пошли бы на него в лоб, зная выгодное положение Днепропетровска для обороны.

В качестве первой меры Р. Я. Малиновский решил прервать подготовку Днепропетровского артиллерийского училища к перебазированию в Томск и вместе с Полтавским тракторным училищем бросить в бой за левобережную часть Днепропетровска.

Родион Яковлевич позвонил командиру 230-й стрелковой дивизии.

— Доложите, какими силами фашисты прорвались на наш берег?

— Немногим больше батальона. Противник переходит к закреплению плацдарма в Ломовке, ведет сильный огонь артиллерией и минометами и пытается наступать, но мы его пока сдерживаем, — доложил Ф. В. Захаров.

— Я надеюсь, что вы не отойдете дальше. На помощь идет Днепропетровское артиллерийское училище. Особое внимание необходимо уделить флангам, — распорядился Малиновский.

— Разрушены ли мосты через Днепр?

— Да, за исключением железнодорожного, по которому гитлеровцы ворвались в Ломовку.

— Это сделает авиация, доложите потом результат, — сказал Родион Яковлевич.

Закончив разговор, он приказал срочно вызвать авиацию для уничтожения моста. Задача была выполнена. Весть об оставлении Днепропетровска дошла до Москвы.

25 августа в 16 часов начальник штаба Юго-Западного направления генерал-майор А. П. Покровский сообщил в Генштаб: «По донесению генерала армии Тюленева Днепропетровск в 12.30 25.08.41 г. после ожесточенных боев оставлен нашими войсками. Переправа на левый берег производилась с боями. Понтонная переправа и центральный комбинированный мост взорваны, железнодорожный мост подготовлен к взрыву. Утром 25 августа в район действий войск Резервной армии прибыл командующий 6-й армией генерал-майор Малиновский со штабом и приступил к организации 6-й армии».

На следующий день Ставка освободила от должности командующего Южным фронтом И. В. Тюленева и начальника штаба Ф. Н. Романова. Вместо них были назначены соответственно генерал-лейтенант Д. И. Рябышев, хорошо зарекомендовавший себя на должности командира мехкорпуса в Западной Украине, а затем командующего 38-й армией, и генерал-майор А. И. Антонов, который был заместителем начальника штаба Киевского Особого военного округа.

Новый командующий фронтом приказал Р. Я. Малиновскому выбить противника из Ломовки — центрального района Днепропетровска. 2580 курсантов и командиров Днепропетровского артиллерийского училища вступили в бой. В первых рядах шли коммунисты и комсомольцы. Когда атакующие воины залегли под внезапным огнем вражеского пулемета, курсант Синагаев подполз к огневой позиции и забросал ее гранатами, обеспечив продвижение своего подразделения. Личный состав 3-й минометной батареи воодушевлял своим примером только что назначенный командиром батареи лейтенант Мишечкин, который на ходу расстреливал фашистов из пулемета у Нижнеднепровска — восточной части левобережного Днепропетровска. В ходе боев к курсантам примкнули подростки из Нижнеднепровска, которые обеспечивали бойцов патронами, выносили раненых, собирали оружие и добывали данные о противнике. Молодые патриоты Поддубный и Каминский 26 августа выследили в Мануйловке,

расположенной между Ломовкой и Нижнеднепровском, группу гитлеровцев в 30 человек и полностью ее уничтожили. Подлубный вынес с поля боя тяжелораненого подполковника Комашко и убитого лейтенанта Смирнова. Санитарка-доброволец 16-летняя Мария Панченко — дочь железнодорожника из поселка Верный (Днепропетровск), постоянно находилась среди курсантов. Бесстрашная патриотка, сама раненная, не ушла с передовой, а быстро и умело оказывала помощь пострадавшим<sup>1</sup>.

Во второй половине дня 26 августа удалось прижать врага к берегу Днепра, но ненадолго. Чтобы отрезать и уничтожить 92-й полк 60-й мотодивизии противника, 275-я дивизия в ночь на 27 августа нанесла удар вдоль реки с северо-запада навстречу артиллерийскому училищу, которое к этому времени потеряло до 50 процентов своего состава. Однако выбить фашистов из железобетонных зданий двух заводов дивизии не удалось. Более того, гитлеровцы за ночь ввели на плацдарм еще один полк с артиллерией. Отдельные их группы просочились вдоль берега южнее Каменки (северо-западная часть Днепропетровска) и начали обстреливать ее из минометов. Одна группа продвинулась на 2 километра северо-западнее Ломовки. К этому плацдарму привлекалось все больше и больше сил с обеих сторон. Над ним происходили непрерывные воздушные бои. Не утихала артиллерийская канонада. Немецко-фашистские захватчики, не считаясь с потерями, наводили переправу. Полки 6-й армии разрушали ее артиллерийским огнем, но гитлеровцы вновь и вновь рвались на другой берег.

В этих условиях Родион Яковлевич принял решение временно перейти к обороне. Необходимо было подтянуть новые и пополнить старые части, а затем приступить к уничтожению врага с максимальным использованием авиации и артиллерии. В Новомосковске сосредоточивались 226-я и 169-я стрелковые дивизии. На помощь спешил сводный полк Полтавского тракторного училища.

В целях поддержания надежной проводной и живой связи с дивизиями, которая часто нарушалась, прибывший на должность начальника штаба армии комбриг А. Г. Батюня предложил Р. Я. Малиновскому переместить штаб армии поближе к фронту, в Новомосковск.

— На узел дорог, под самый огонь?! — удивился Родион Яковлевич.

— Вот именно. С военной точки зрения эта мысль кажется невероятной. Немцы так же будут рассуждать и не поверят данным, что штаб в Новомосковске. А подчиненные войска и их командиры пусть знают, что штаб находится на направлении главного удара противника: это придаст им больше уверенности в боях, — старался доказать А. Г. Батюня.

Малиновский не мог не согласиться с его доводами, и штаб армии был переведен из Павлограда в Новомосковск, а командный пункт командующего оборудован в Подгородном на реке Кильчен.

Новое наступление на Ломовку было назначено на 29 августа. Готовилась двухчасовая авиационная и артиллерийская подготовка. Ожидался приезд И. В. Тюленева (он еще не сдал фронта), маршала С. М. Буденного и члена Военного совета Юго-Западного направления Н. С. Хрущева. Это говорило о важности района боевых действий.

Первая атака с утра 29 августа захлебнулась. Р. Я. Малиновский приказал подключить к разгрому противника в Ломовке артиллерию с соседних с 275-й дивизией участков. После кратковременной артиллерийской и авиационной подготовки по узлу сопротивления фашистов в Ломовке советские войска снова перешли в наступление. Сводный батальон 230-й стрелковой дивизии продвигался к переправе со стороны юго-восточного берега городского озера. В его боевых порядках шел в атаку и генерал армии И. В. Тюленев. 26-я кавалерийская дивизия с полком 275-й стрелковой дивизии наносили удар вдоль северного берега озера на южную окраину Ломовки. С юго-западной окраины Каменки действовали два полка 275-й дивизии, которые вышли на юго-восточный берег озера. Курсанты Полтавского тракторного училища овладели северной частью Ломовки и совместно с подоспевшими танками продвигались к переправе. Р. Я. Малиновский приказал разбомбить вражескую переправу авиацией. Над ней завязался воздушный бой. На глазах у всех сражавшихся воинов Полтавского тракторного училища советский самолет ДБ-3 (летчик — младший лейтенант И. Т. Вдовенко, штурман — младший лейтенант Н. В. Гоманенко, стрелок-радист — младший сержант В. П. Карпов, стрелок — младший сержант М. Купатов),

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 1024. Д. 13. Л. 73.

сбросив бомбы на цель, набрал высоту, перешел в пике и протаранил переправу<sup>1</sup>.

К 18 часам Ломовка была отбита у фашистов сводным батальоном под командованием И. В. Тюленева, который покинул поле боя лишь после ранения в ногу. В ближайшем госпитале ему была сделана операция и утром 30 августа на самолете его доставили в штаб фронта, а затем в Москву.

В районе завода имени Коминтерна вражеские части попали в окружение. В довершение их разгрома Родион Яковлевич поставил перед войсками задачу — очистить к вечеру берег от гитлеровцев, а авиации — всю ночь бомбить переправы и городские парки, где скапливались силы противника. Из Новомосковска на автомашинах выдвигались два полка артиллерии и полк 169-й стрелковой дивизии подполковника Н. Н. Зеленского.

К рассвету 30 августа противник восстановил мост у Ломовки, скопил пехоту, танки и артиллерию у Каменки, а также подготовил десантную переправу со стороны парка имени Шевченко на восьми баржах с пехотой и артиллерией. Неоднократные попытки частей и подразделений 6-й армии сбросить в Днепр введенные на плацдарм полки 198-й пехотной и 60-й моторизованной дивизий гитлеровцев не увенчались успехом. В ответ на ночные бомбовые удары фашисты на рассвете 31 августа перешли в контратаку и потеснили советские части на северо-восток, овладев Мануйловкой. Р. Я. Малиновский ввел в бой свой резерв, который вновь оттеснил врага<sup>2</sup>. Ожесточенные бои в полосе 6-й армии шли с переменным успехом еще несколько дней.

Здесь 8 сентября Р. Я. Малиновского, И. И. Ларина и А. Г. Батюню поздравили Военные советы Южного фронта и Юго-Западного направления с награждением за приграничные бои. На груди Родиона Яковлевича появился еще один орден Ленина.

Военный совет армии подвел итоги 20-дневного сражения за Днепропетровск и 13 сентября издал приказ, в котором говорилось о подвигах, совершенных воинами, и объявлялась благодарность всему личному составу. Днепропетровское артиллерийское училище и 169-я стрелковая дивизия были представлены к правительственным на-

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 1024. Д. 3. Л. 157.

<sup>2</sup> Там же. Д. 13. Л. 38—39.

градам. Многие курсанты получили первичные, а командиры очередные воинские звания. Далее, Военный совет выразил уверенность, что 6-я армия не допустит ни одного фашиста на Левобережную Украину. Содержание приказа было положено в основу партийно-политической работы в ротах, батареях и эскадронах<sup>1</sup>.

Благодаря решительным действиям войск 6-й армии противнику не удалось прорваться в глубину ее обороны, несмотря на то, что были использованы все ударные возможности группировки Клейста. Убедившись в бесполезности атак на днепропетровском направлении, гитлеровское командование приступило к перегруппировке войск в район Кременчуга, для чего вывело из района Днепропетровска три танковые и моторизованную дивизии, оставив там 60-ю моторизованную, 198-ю пехотную дивизии и вновь прибывшую моторизованную дивизию СС «Викинг».

Обобщив данные всех видов армейской разведки, Родион Яковлевич пришел к выводу, что противник переносит основные усилия на кременчугское направление, в полосу обороны соседней 38-й армии (командующий — генерал-майор танковых войск Н. В. Фекленко) Юго-Западного фронта (командующий — генерал-полковник М. П. Кирпонос). Р. Я. Малиновский связался по телеграфу с Н. В. Фекленко. Тот разделял его точку зрения.

— Наблюдаю перегруппировку вражеских войск из-под Днепропетровска в сторону Кременчуга. Думаю, что там будет наноситься главный удар, — доложил Родион Яковлевич Д. И. Рябышеву.

— Не торопитесь с выводом, а усилийте внимание. Не исключен обман, поэтому будьте готовы отразить удар у себя, — ответил командующий Южным фронтом.

Примерно через сутки фашистам ночью удалось форсировать Днепр выше Кременчуга и атаковать город с северо-востока.

— Как связь с Фекленко, товарищ Малиновский? — спросил Д. И. Рябышев.

— Связаться не удастся. Выслал разведку с рацией в сторону Кременчуга и нарочных для связи с соседней дивизией, — ответил Родион Яковлевич.

— Так и должно быть.

— Не понимаю вас, товарищ командующий.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 1024. Д. 13. Л. 73.

— Это подтверждает, что там плохи дела. Есть данные, что пал Кременчуг. Группировка Клейста расширяет прорыв на восток, свертывая оборону левого крыла Юго-Западного фронта вдоль Днепра в нашу сторону. Главный удар наносится на севере от Кременчуга. На правом крыле Юго-Западного фронта противник наступает с севера на Ромны, — сообщил Д. И. Рябишев и потребовал подтянуть резервы к правому флангу армии.

Р. Я. Малиновский понял, что ударные дивизии Гудериана и Клейста продвигаются навстречу друг другу, чтобы соединиться. Значит, фашисты намереваются выйти в глубокие тылы Юго-Западного фронта.

Ожесточенные бои 38-й армии с южной группировкой гитлеровских войск у Кременчуга постепенно втягивали в сражение 6-ю армию, которая своими дивизиями все больше и больше смещалась севернее Днепропетровска, не давая противнику расширить прорыв у его основания. Соответственно ей растянула оборону до Куриловки, то есть до бывшего правого фланга 6-й армии, и 12-я армия (командующий — генерал-майор И. В. Галанин). 14 сентября Р. Я. Малиновский с разрешения командующего фронтом направил в Полтаву 169-ю, 226-ю стрелковые дивизии и Полтавское тракторное училище для прикрытия города со стороны Кобеляк, куда предварительно была выброшена рекогносцировочная группа со средствами связи во главе с начальником оперативного отдела армии. Из Царичанки, расположенной на реке Орель в 50 километрах северо-западнее Днепропетровска, Родион Яковлевич выдвинул 28-ю кавдивизию для обороны реки Ворскла на фронте Кобеляки — Кишеньки. Армия Р. Я. Малиновского по условиям обстановки была включена в состав Юго-Западного фронта.

Завершив окружение советских войск восточнее Киева, немецко-фашистское командование перенесло главный удар на Павлоград, в полосу 12-й армии И. В. Галанина. Наступление здесь было усилено дополнительно переправившейся у Днепропетровска группой вражеских войск.

В ночь на 30 сентября командующий Южным фронтом генерал Д. И. Рябишев запросил у Ставки помощи. В ответ Б. М. Шапошников потребовал ударов по флангам и тылу противника, преграждая ему дорогу авиацией. Главком Юго-Западного направления С. К. Тимошенко (в сентябре стал одновременно командующим Юго-Западным фронтом) приказал Д. И. Рябишеву осуществить контр-

удар по основанию вражеского прорыва. Готовился он всего лишь несколько часов и нанесен был утром 30 сентября 28-й кавалерийской дивизией с 13-й танковой бригадой 6-й армии с северо-востока и дивизией с танковой бригадой 12-й армии с востока на Новомосковск. Успех был незначительный из-за малочисленности личного состава и вооружения, но вместе с тем он вынудил противника окончательно отказаться от попытки прорваться на стыке Юго-Западного и Южного фронтов — на смежных флангах 6-й и 12-й армий. Уже днем 29 сентября Р. Я. Малиновский и И. В. Галанин почувствовали перемены в оперативном построении вражеских войск: новомосковская группировка перенацелила основные усилия южнее павлоградского направления, то есть на левый фланг обороны 12-й армии, начав наступать на Синельниково с целью окружения советских войск левого крыла (18-й и 9-й армий) Южного фронта.

Раскалывая фронт вдоль железной дороги Синельниково — Славгород, на 25-километровом участке атаковала 1-я танковая группа Клейста. Южнее, со стороны Мелитополь, озеро Молочное, против 9-й армии, наступала 11-я немецкая армия.

12-я армия И. В. Галанина осталась без артиллерии и понесла большие потери в живой силе. Д. И. Рябишев выдвинул к прорыву с левого крыла фронта две стрелковые дивизии и две танковые бригады с полком «РС». Но и это не остановило врага. 1-я танковая армия Клейста (переименована из 1-й танковой группы 6 октября 1941 года) быстро продвинулась в южном направлении и создала угрозу глубокого охвата советских войск.

Ставка разрешила Военному совету Южного фронта отвести дивизии к 5 октября на 40—50 километров и занять оборону на линии Павлограда, Большого Токмака, Мелитополя. Но было уже поздно и передовые части противника 6 октября отрезали им путь на восток. В Поповке был атакован штаб 18-й армии генерала А. К. Смирнова, потерявший управление войсками. Рябишев пытался связаться с его дивизиями по радио, но безуспешно. Примерно в таком же положении оказался штаб 9-й армии генерала Ф. М. Харитонova в Коларовке, который потом пробился в Малую Янисаль. Военный совет фронта создал группу в тысячу человек из разных частей и отправил ее на машинах для контратаки с утра 7 октября из Большой Янисали на Конские Раздоры. Авиация не действовала

из-за дождей и сил оказалось явно недостаточно, чтобы что-либо поправить. В этот же день 1-я танковая армия Клейста соединилась северо-западнее Осипенко с 11-й армией, наступавшей вдоль побережья Азовского моря. Часть советских дивизий 18-й и 9-й армий оказалась в окружении.

Командование Южным фронтом вечером 7 октября запросило помощи у Ставки.

— Единственное средство остановить врага — это постоянно бить его, — ответил Б. М. Шапошников. — Однако создавшееся положение на фронте вынуждает Ставку согласиться с вашим предложением отвести левый фланг 12-й армии за реку Волчья на участке Покровское, Орестополь, Краснополь и армии левого фланга — на фронт Ивановка, Ялта. Из 10-й резервной армии генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова вам придаются 383-я и 395-я стрелковые, 56, 36 и 38-я кавалерийские дивизии, расположенные в границах фронта, которые вы можете перегруппировать по своему усмотрению. Остальные остаются в непосредственном подчинении Ставки. Она считает необходимым указать, что нужно во что бы то ни стало удержаться на новом рубеже. Причем, правый фланг 12-й армии должен находиться в тесном взаимодействии с Р. Я. Малиновским, — закончил разговор с командующим Южным фронтом Я. Т. Черевиченко начальник Генерального штаба.

Во время тяжелых оборонительных боев Южного фронта войска Р. Я. Малиновского отражали непрерывные атаки врага на правом фланге армии, где находилась 270-я стрелковая дивизия полковника З. Ю. Кутлина, и в центре, где сражалась 275-я стрелковая дивизия генерал-майора М. И. Дратвина. В первых числах октября противник стремился, исходя из выгодной для него конфигурации линии фронта, ударом с севера на юг в направлении Краснограда, Сахновщина, отрезать и окружить 6-ю армию севернее Павлограда. Оперативное построение войск армии было неглубокое, дивизии имели большой некомплект в живой силе и вооружении, дороги, после первых осенних дождей, стали труднопроходимыми.

В этих условиях Р. Я. Малиновскому было приказано отвести дивизии за реку Богатая, для того чтобы занять естественно выгодный рубеж. Но сделать это было чрезвычайно трудно, поскольку гитлеровские войска могли на плечах отходящих подразделений переправиться че-

рез реку. З. Ю. Кутлин непрерывно просил помощи артиллерийским огнем. Для того, чтобы оторваться от наседавших фашистов, Малиновский решил контратаковать их своим резервом в составе 13-й танковой бригады майора А. И. Казакова после мощного огневого налета 274-го корпусного артполка.

Отдав приказ, Родион Яковлевич оставил за себя А. Г. Батюню и выехал в штаб 270-й дивизии. Разорванная на несколько частей, дивизия с боями отступала от Чернолозки на Сахновщину. Лишь в центре ее, у развилки железной и шоссеной дорог перед рекой Богатая, недалеко от населенного пункта Вольный, стояли насмерть подразделения 972-го стрелкового полка с группой курсантов артучилища, вышедшей из окружения.

Заслушав краткий доклад З. Ю. Кутлина об обстановке и уточнив исходный рубеж и направление контратаки танковой бригады, Р. Я. Малиновский посоветовал усилить 972-й полк резервным батальоном и поддержать артиллерийским огнем контратаку.

— Немедленно разошлите в полки офицеров штаба с разведчиками и автоматчиками для сбора людей и организации обороны по реке Богатая. После отхода всех подразделений за реку взорвать мосты.

Всю ночь на развилке шел бой. Отойдя всего лишь на 4 километра, 972-й полк занял оборону на рубеже Германовка, Тамакеевка северо-западнее Сахновщины.

В центре оперативного построения войск армии, где находился член Военного совета И. И. Ларин, бой утих несколько раньше. На рассвете бригадный комиссар позвонил Малиновскому.

— Родион Яковлевич! У убитого немецкого офицера найдена карта. Как быть?

— Что она собой представляет? — спросил Р. Я. Малиновский.

— Содержит важные сведения.

— Немедленно отправляйтесь с ней к Батюне и ждите меня там, — распорядился командарм.

По трофейной карте было установлено, что наступление ведут шесть пехотных дивизий противника (295, 57, 257, 94, 76-я и одна — во втором эшелоне), нанося главный удар от Краснограда на Сахновщину, то есть по правому флангу армии.

Родион Яковлевич решил перепроверить данные и поручил это сделать авиации. Разведывательные полеты

самолетов над конкретными объектами подтвердили их. Малиновский тут же приказал бросить на обнаруженные вражеские колонны всю авиацию, которая нанесла им поражение и на определенное время задержала продвижение противника.

Это было 9 октября, когда командующий Южным фронтом генерал-полковник Я. Т. Черевиченко, сменивший Д. И. Рябышева, просил Ставку разрешить отвод соседней с армией Р. Я. Малиновского 12-й армии.

Оценив обстановку и определив неизбежность отвода своей армии, Р. Я. Малиновский выехал с И. И. Лариным на рекогносцировку возможных маршрутов и рубежей обороны, особенно по реке Орель от Ефремовки до Лозовой. Затем была осмотрена отсечная позиция по реке Орелька фронтом на северо-запад.

...Р. Я. Малиновский и И. И. Ларин ехали назад, в штаб армии, молча, поглядывая по сторонам. За окном машины виднелись поля, перелески, которым, по-видимому, придется содрогаться от предстоящих тяжких боев и по которым пройдут вражеские солдаты и проползут еще дальше на восток фашистские танки с черными свастиками на борту.

— Скажи, Родион Яковлевич, — спросил Ларин, — когда же мы остановимся окончательно?

— Когда получим технику в достаточном количестве. Пока же будем продолжать перемалывать живую силу противника.

Вдруг они заметили, что на впереди идущем броневике выброшен сигнал «Воздух!», и с него прыгнуло несколько автоматчиков.

Тройка вражеских истребителей нырнула в пике и начала поливать дорогу трассирующими пулями, которые врезались в землю, оставляя за собой фонтанчики пыли. Командующий и член Военного совета еле успели вывалиться из машины и залечь рядом.

— Слава богу, пронесло, бьют крупнокалиберными, сволочи! — сказал И. И. Ларин.

Фашистские самолеты пошли на разворот для очередного захода.

— Теперь не отстанут. Подальше от машин! — скомандовал Родион Яковлевич.

Местность, как назло, была открытая. Второй, третий, четвертый... заходы. Стрелили автоматы по выходявшим из пике самолетам. «Ага, есть один!» Это из-за облаков

появилось звено советских истребителей и прошло стервятника пулеметной очередью. Затем произошел короткий воздушный бой, закончившийся победой наших соколов.

...Приближалась 24-я годовщина Великого Октября, встречать ее готовились все советские люди как в тылу страны, так и на фронте. В огромном потоке информации шли сообщения о представлении к правительственным наградам отличившихся в боях. Среди них были и те, кто надолго локализовал вражеский плацдарм у Днепропетровска, нарушил задуманные темпы продвижения, планы гитлеровского командования на юге.

Так, Президиум Верховного Совета СССР наградил орденом Ленина Р. Я. Малиновского и И. И. Ларина; орденом Красного Знамени — А. Г. Батюню и Ф. К. Корженевича (заместителя начальника штаба 6-й армии).

В расположении штаба 6-й армии готовился митинг, на который 6 ноября должен был приехать член Военного совета Юго-Западного направления. Командование приняло меры боевого обеспечения войск на переднем крае, усилило охрану штаба. Митинг предстояло провести под открытым небом, в соседней рощице. С самого утра стояла холодная пасмурная погода. В назначенное время собралось управление армии, за исключением дежурной и боевой служб. Все были при оружии, в полной готовности к действиям.

Родион Яковлевич открыл праздничный митинг краткой речью о том, какое тяжелое испытание выпало Родине, всему советскому народу. Но положение на фронтах постепенно выравнивается, стратегическая оборона Вооруженных Сил СССР восстановлена и врагу нанесены огромные потери. Красная Армия мужает, а страна накапливает силы, но еще предстоят тяжелые бои, в которых немецко-фашистские захватчики будут непременно разбиты. Малиновский поставил перед воинами очередные задачи и призвал их к новым подвигам. Затем было зачитано приветствие Главного командования и приказ о награждениях. В торжественной обстановке член Военного совета Юго-Западного направления вручил ордена и медали.

Через два дня было объявлено, что за отличное руководство войсками в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками звание генерал-лейтенанта присваивается Р. Я. Малиновскому; генерал-майора — А. Г. Батюне и Ф. К. Корженевичу; генерал-майора артиллерии — начальнику артиллерии 6-й армии И. Я. Жуку.

Отойдя с боями по приказу Ставки через Лозовую, Барвенково, Изюм, 6-я армия закрепилась по Северскому Донцу на рубеже Балаклея, Изюм, Красный Лиман, оборудовав штаб в Макеевке, в 25 километрах юго-западнее Сватово. При поддержке авиации она в течение ноября обеспечивала левым флангом борьбу 12-й армии (командующий — генерал-майор К. А. Коротеев) Южного фронта против группы Шведлера, сосредоточившейся в районе Артемовск, Лисичанск, Первомайск. Немецко-фашистские дивизии стремились выйти на этом участке к Северскому Донцу с последующим развитием успеха вдоль реки на юго-восток. 1-я танковая армия Клейста действовала против левого крыла Южного фронта на ростовском направлении. Обе группировки имели приказ Гитлера соединиться в тылу советских войск, уничтожить их соединения по частям и пробиться на Кавказ.

Однако разорвать линию обороны, разгромить советские дивизии и выйти на оперативный простор немецко-фашистским войскам не удалось. Армии Южного фронта оказывали организованное сопротивление, часто отбрасывая врага, и даже перешли в контрнаступление под Ростовом. Но после падения Ростова задача советского командования заключалась в том, чтобы не пропустить врага в Южное Задонье через Батайск. Поэтому войска левого крыла Южного фронта продолжали начавшееся 17 ноября контрнаступление во фланги и тыл танковой армии Клейста. Этой операции Ставка придавала большое значение. В Каменск, в штаб фронта, прибыл маршал С. К. Тимошенко и совместно с Я. Т. Черевиченко руководил контрнаступлением, которое закончилось освобождением 29 ноября Ростова и выходом войск левого крыла Южного фронта на реку Миус.

Р. Я. Малиновский радовался первому крупному контрнаступлению на юге страны, которое, он был твердо убежден, укрепит стойкость защитников Москвы и вселит уверенность в Красную Армию. Именно поэтому Родион Яковлевич дал задание своему штабу собирать и обобщать положительные и отрицательные примеры для учета в практике управления войсками, а также обучения командиров и штабов всех звеньев.

В начале декабря 1941 года Ставка приказала командующему Юго-Западным направлением создать группировку советских войск (в составе 6-й и 12-й армий) на стыке Юго-Западного и Южного фронтов в районе Крас-

ный Лиман, Лисичанск. В то же время она приступила к выдвижению из стратегических резервов в Старобельск 57-й армии генерала Д. И. Рябышева, для усиления передав ее в подчинение главкома Юго-Западным направлением. Задача ударной группировки под командованием генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского заключалась в том, чтобы ударом в южном направлении выйти на реку Бахмут с последующим овладением центром Донбасса.

Родион Яковлевич собрал Военный совет армии для оценки обстановки и выработки решения. Малиновского беспокоило не только отсутствие опыта в организации наступления в таких масштабах, но и условия суровой зимы с глубоким снежным покровом, а также очевидная помощь группировке Шведлера со стороны 1-й танковой армии, остановившей наступление войск левого крыла Южного фронта на реке Миус. Противник применил здесь необычный тактический прием: зарыв танки в обледеневший берег реки, сделал его неприступным.

В полосе 12-й армии ударная группировка была усилена тремя стрелковыми, тремя кавалерийскими дивизиями и двумя танковыми бригадами за счет левого крыла Южного фронта. 6-я армия Юго-Западного фронта должна была нанести удар на Артемовск, охватить группу Шведлера с северо-запада и совместно с 12-й армией занять рубеж Яма, Артемовск, Дебальцево. 18-я и 37-я армии готовились к наступлению в центре фронта.

22 декабря выдался ясный морозный день. Наступление началось в 11 часов мощной атакой первого эшелона после соответствующей обработки вражеской обороны авиацией и артиллерией.

Бои шли с переменным успехом. Противник ограждал оборону скрытыми минами, которые явились для атакующих неожиданностью и замедлили темпы продвижения. Потребовалось большое количество саперных подразделений, а их не хватало. Сказались отсутствие внезапности, широкий фронт наступления ударных групп при низкой плотности артиллерии и танков, слабая противотанковая оборона на флангах и стыках. Все это привело к тому, что за первый день борьбы правое крыло фронта продвинулось только на 2 километра.

Операция продолжалась до Нового года. Весь декабрь на передовой происходили ожесточенные бои. Воодушевленные победами под Ростовом, Москвой и Тихвином, советские бойцы переходили в атаки, улучшая свои

позиции, укрепляя оборону рубежей и населенных пунктов. Ударная группировка Р. Я. Малиновского пробил вражескую оборону лишь на глубину 15 километров, тем не менее группе Шведлера на артемовском направлении были нанесены значительные потери. Вместе с тем результаты боев показали, как возросли упорство и натиск советских воинов в поединках с вражескими танками. Исчезла боязнь попасть в окружение. Были вскрыты и недостатки в организации и ведении операций в зимних условиях, в непогоду. Итоги противоборства свидетельствовали о временном равновесии сил: несмотря на многочисленные попытки, ни одна из сторон не была способна прорвать оборону на оперативную глубину.

## ВО ГЛАВЕ ЮЖНОГО ФРОНТА

В декабрьских боях 1941 года командование Южного фронта не сумело скрыть от противника подготовку к наступлению на своем правом крыле. Оно также несвоевременно обнаружило перегруппировку вражеских войск: противник заменил обескровленные в боях итальянские дивизии немецкими и свежими итальянскими, чем значительно укрепил свою оборону против ударной группы Р. Я. Малиновского.

В конце декабря, когда вражеское наступление было приостановлено и бои на юге утихли, Ставка назначила командующим Южным фронтом генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского. Ему было приказано немедленно передать 6-ю армию генерал-лейтенанту А. М. Городнянскому и вылететь в Каменск, в штаб Южного фронта, для вступления в должность с 25 декабря.

Из старого состава Военного совета Южного фронта на службе находился только начальник штаба А. И. Антонов, которому недавно было присвоено звание генерал-лейтенанта. К этому времени А. И. Антонов сумел наладить работу, поставить информацию, обеспечить связь управление и взаимодействие войск. Алексей Иннокентьевич отличался глубоким и широким оперативным кругозором, и Родион Яковлевич, будучи наслышан об этом, был доволен, что он остался на своем посту. По просьбе Малиновского через некоторое время членом Военного совета вместо А. И. Запорожца назначался И. И. Ларин.

Генерал А. Г. Батюня продолжал воевать в 6-й армии до апреля 1942 года.

Многих командиров соединений и объединений, входивших во фронт, Р. Я. Малиновский знал по предыдущим боям. Об остальных узнал в ходе ознакомления с размещением полевого управления фронта и с соединениями. Ему было приятно сознавать, что в составе фронта сражаются дивизии, некогда входившие в 48-й стрелковый корпус: 30, 74, 176 и 150-я, которые имели богатый боевой опыт и использовались на самых ответственных участках. Правда имел место случай беспорядочного отхода частей 30-й дивизии от Государственной границы. Однако после этого дивизия героически сражалась в Молдавии, в обороне Днестра возле Каховки. Была в окружении и вышла достойно. Освободила 35 населенных пунктов в ходе Ростовской операции и нанесла поражение 16-й гитлеровской дивизии. В 12-й армии воевали 176-я и 74-я стрелковые дивизии с бессменными командирами В. Н. Марцинкевичем и Ф. Е. Швердиным, ставшими уже генералами. 150-й дивизией из 37-й армии с конца октября командовал генерал-майор Д. Г. Егоров.

Командующий фронтом решил побывать в этих дивизиях при первой же возможности, побеседовать с бойцами, командирами, вспомнить о пережитом, когда все были ошеломлены внезапными и мощными ударами врага, не имели нужного боевого опыта.

Из всех командующих армиями генерал-майоров (9-й — Ф. М. Харитонов, 12-й — К. А. Коротеев, 18-й — Ф. В. Камков, 37-й — А. И. Лопатин, 56-й — В. В. Цыганов) самым молодым по опыту работы был В. В. Цыганов, который прибыл из 38-й армии и еще не успел вступить в должность. И самым «старым» (со стажем четыре месяца) являлся командующий 9-й армией Ф. М. Харитонов. Остальные имели стаж от 1 до 2,5 месяца. Примерно так же обстояло дело и с начальниками штабов армий. Так что командный состав по стажу работы был очень молодым. Это создавало для Р. Я. Малиновского дополнительные трудности по организации управления войсками и контроля за исполнением решений.

Южный фронт оборонялся в 255-километровой полосе от Ямполья до Таганрога у Азовского моря. В его состав входили 39 дивизий и 10 бригад. Ему противостояли на линии Балаклея, Таганрог с тыловой оборонительной полосой по Днестру 17-я армия, группа Шведлера, итальян-

ский экспедиционный, 49-й горпострелковый корпуса, 1-я танковая, 3-я румынская армии: всего 17 пехотных, 7 моторизованных, 3 танковые дивизии и 2 кавалерийские бригады<sup>1</sup>. В их числе много дивизий, которые были знакомы Р. Я. Малиновскому по действиям в полосе его корпуса и армии. В целом качественный состав сил и средств сторон пока был не в нашу пользу.

На основании разведывательных данных генерал А. И. Антонов подробно доложил о противнике и новом командующем группой армий «Юг» Рейхенау. Прибыв из-под Харькова и приняв группу в начале декабря от фон Рундштедта Герда, смещенного Гитлером за поражение под Ростовом и предложение отвести войска за Днепр, Рейхенау сразу же издал приказ от 10 декабря «О поведении войск на Восточном фронте». В нем содержался призыв беспощадно расправляться с советскими гражданами и военнопленными.

Военный совет Южного фронта пришел к выводу, что основную силу группы армий «Юг» составляли моторизованные дивизии СС «Викинг» и «Адольф Гитлер», 60-я немецкая и 1-я словацкая моторизованные, 13-я и 16-я танковые 1-й танковой армии Клейста, располагавшиеся перед войсками левого крыла фронта в районе Таганрога, Куйбышева. Такое расположение основных сил противника отвечало интересам Военного совета, поскольку готовилось нанесение главного удара войсками правого крыла фронта. В связи с этим Родион Яковлевич приказал начальнику штаба А. И. Антонову следить за южной группой армии Клейста, которая могла передвинуться в район Павлограда.

В это время Ставка планировала разгром донбасско-таганрогской группировки противника. Для этого намечалось смежными крыльями Юго-Западного и Южного фронтов прорвать вражескую оборону между Балаклеей и Артемовском и выйти на рубеж Днепра в его нижнем течении, отрезав гитлеровцам пути отхода на запад, чтобы затем уничтожить их во взаимодействии с войсками левого крыла Южного фронта.

Южному фронту было приказано разгромить 17-ю армию и группу Шведлера, наступая войсками правого крыла в общем направлении на Павлоград. Для этой цели с 3 января в состав фронта включалась 57-я армия генерал-лейтенанта Д. И. Рябышева, растянувшая линию распо-

жения войск до Изюма. На подготовку наступления было отведено 15—18 дней.

Исходя из полученной задачи, Р. Я. Малиновский сразу же распорядился оборудовать командный пункт фронта на правом крыле и наметить перегруппировку войск туда. Глубокой ночью при свете керосиновых ламп, после долгих прикидок и расчетов Военный совет пришел к единому мнению: использовать нависание правого крыла фронта над вражеской обороной с севера, добиться в нанесении главного удара внезапности посредством маскировки и дезинформации в ходе подготовки операции. Это было задачей задач, поскольку сама конфигурация линии фронта истощивала противника. Во время выработки замысла командующего интересовали стыки, которыми он оправданно много занимался в предыдущих сражениях и требовал смело бить немецко-фашистских захватчиков их же приемами: по стыкам, флангам и тылам.

Родион Яковлевич решил провести операцию в два этапа. На первом, обороняясь войсками левого крыла, с рубежа Изюм, Нырково нанести главный удар 57-й и 37-й армиями, прорвать оборону, ввести в прорыв 1-й и 5-й кавалерийские корпуса (фронтальной резерв); развивая наступление в общем направлении на Павлоград, разгромить 17-ю армию и группу Шведлера и выйти во фланг и глубокий тыл армии Клейста. Задача 12-й армии заключалась в том, чтобы обеспечить левый фланг ударной группировки. На втором этапе операции ввести в сражение 9-ю армию (находилась западнее Старобельска в резерве главного командования Юго-Западного направления) и 2-й кавалерийский корпус для удара в направлении Запорожья с одновременным переходом в наступление левого крыла фронта (18-й и 56-й армий). Задача — захватить переправы на Днепре и, наступая главными силами на Большой Токмак, выйти к морю и отрезать армию Клейста и другие вражеские войска с их последующим уничтожением. До перехода в наступление 18-я и 56-я армии должны были прочно прикрыть каменское и ростовское направления.

В ходе подготовки операции, в которой Южному фронту предстояло сыграть решающую роль, Р. Я. Малиновскому впервые пришлось осуществлять большую перегруппировку войск, причем скрыть ее от противника и организованно провести в условиях низких температур воздуха и труднопроходимых дорог. При обсуждении этого

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 996. Д. 1. Л. 1—20.

вопроса начальник штаба генерал А. И. Антонов предложил: сообщить об операции лишь узкому кругу лиц, запретить какую бы то ни было переписку, касающуюся подготовки наступления, а тем более переговоры по проводам; имитировать переброску войск и техники на юг днем, где демонстрировать ложное сосредоточение войск макетами; фактическую перегруппировку на север осуществлять комбинированными средствами и способами только ночью, усилив охрану станций и узлов дорог. Эти соображения были приняты Военным советом, и Р. Я. Малиновский утвердил их, приказав срочно сообщить замысел операции Главному командованию направления.

— Заготовьте боевые распоряжения для каждой армии, дайте как можно скорее на подпись и будьте готовы отправить их нарочными офицерами на самолетах. Приступайте к разработке детального плана, — сказал он в заключение начальнику штаба.

Успешной перегруппировке войск препятствовали большие снежные наносы. В районе погрузки 37-й армии вьюга бушевала семь дней. Станции Ровеньки, Щетово, Колпаково, Штеровка круглые сутки расчищались от снега мобилизованным населением, железнодорожными бригадами и предназначенными к погрузке частями. Поезда следовали крайне медленно: вместо 10 или 38—50 часов. Их тянули двойной тягой или вытаскивали с паровозов вспомогательными паровозами. Участки, узлы и станции были забиты эшелонами. Нарушились управление движением и оборот вагонов. Систематические палеты вражеской авиации на станции Купянск, Валуйки и другие вынуждали временно закрывать их.

Родион Яковлевич видел во всем угрозу своевременной перегруппировке войск и снабжению их. Он срочно принимал меры: часть поездов направлялась в обход основного маршрута, в первую очередь пропускались эшелоны с двойными составами и военно-санитарные.

Несмотря на невероятные трудности, к 18 января, дню начала наступления, многое было подготовлено. В соответствии с замыслом операции 57-я армия выдвинулась с тыла и заняла исходное положение на рубеже Изюм, Красный Лиман. На левом крыле фронта 9-я и 37-я армии передали свои полосы обороны 56-й армии и были переброшены на правое крыло для образования главной ударной группировки. 37-я армия заняла рубеж между 57-й и 12-й армиями, а 9-я, поступив в резерв главного коман-

дования Юго-Западного направления, сосредоточилась за 57-й армией южнее Сватово для развития успеха войск правого крыла Южного фронта. Его штаб переместился из Каменска в Старобельск.

Но Родиону Яковлевичу не удалось достичь на направлении главного удара значительной оперативной плотности: одна стрелковая дивизия — на 6 километров; семь орудий, около четырех танков и два самолета — на километр фронта. Это создавало лишь полуторное или двойное превосходство в пехоте, абсолютное в коннице и незначительное в артиллерии, танках и авиации. 630 орудий, 368 танков, до 200 самолетов на направлении главного удара было недостаточно для выполнения столь широкого замысла. Кроме того, затянулась переброска артиллерии. Значительная часть ее не была сосредоточена к началу действий. По этой причине фактическая плотность создавалась меньше запланированной.

Противостоявшая фронту группа армий «Юг», которой с середины января командовал фон Бок, превосходила советские войска в танках, артиллерии и особенно в противотанковой артиллерии. Тем не менее Ставка вынуждена была пойти на организацию наступления в южных районах страны в силу благоприятного развития событий на западном и северо-западном направлениях, что вызвало большой морально-патриотический подъем в войсках.

Накануне операции в частях состоялись партийные и комсомольские собрания, а в подразделениях — короткие митинги личного состава. Они проходили при высокой активности бойцов и командиров, которые клялись сражаться до последней капли крови. Готовились специальные номера дивизионных, армейских и фронтовой газет. И. И. Ларин командировал две группы работников политуправления фронта в 57-ю и 37-ю армии для оказания помощи политорганам в проведении партийно-политической работы.

В ночь на 18 января температура понизилась до 31 градуса. Дороги были заполнены людьми и машинами. Скрипел снег под ногами и колесами. Стыли моторы, замерзала вода в радиаторах. Все двигалось к фронту, чтобы своевременно вступить в бой, который должен был начаться через несколько часов. Р. Я. Малиновский и И. И. Ларин ехали к командующему 57-й армии Д. И. Рябышеву, которой предстояло действовать на самом ответственном направлении.

— Как думаешь, Иларион Иванович, оправдает наши надежды Рябышев? — спросил Родион Яковлевич Ларина.

— Человек он опытный. Фронтом командовал, и его армии дано больше сил и средств, чем другим, — ответил И. И. Ларин.

Она включала шесть стрелковых, шесть кавалерийских дивизий и пять танковых бригад, что составляло по подсчетам А. И. Антонова около четырех километров на дивизию против десяти на немецко-фашистскую.

— Но это вместе с моим резервом кавалерии и танков, — сказал Р. Я. Малиновский.

— Все равно же они в его полосе, — ответил И. И. Ларин.

— Да, из восьми — шесть кавдивизий и все три танковые бригады, остальные в полосе Лопатина. Это не мало, но и не много для полной гарантии успеха. К тому же часть артиллерии еще в пути, — заметил Малиновский.

— У Харитонова, командующего 9-й армией, около 50 воинских эшелонов тоже пока в пути. Успеют ли? — выразил тревогу И. И. Ларин.

— Думаю, что к вводу в прорыв успеют. Как только приедем, нужно связаться с начштаба и поторопить... Должно быть, Макеевка, — сказал Родион Яковлевич, когда машина подъехала к станции.

Остановились у контрольно-пропускного пункта.

— Товарищ командующий фронтом! В Макеевке расположена 349-я стрелковая дивизия — второй эшелон 57-й армии. Личный состав готов выступить в Коровин на правый фланг армии, — доложил командир дивизии полковник Брайлян.

— Как настроение людей, товарищ Брайлян?

Солдаты, до этого постукивавшие валенком об валенок и хлопавшие скрещенными руками по плечам, стояли неподвижно в ожидании команды. Он посмотрел на них и ответил:

— Хорошее, товарищ командующий фронтом. Рады, что будет наступление. Фашисты по деревням в тепле сидят, и их надо поскорей выгнать на мороз.

— Выгнать тоже хорошо, но лучше уничтожить. Ведите к командующему...

— Что с морозом будем делать, товарищ Рябышев? — протягивая руку, задал вопрос Родион Яковлевич, едва переступив порог землянки.

— Движение будет греть. Другого выхода нет.

— Все ли готово? — спросил Малиновский, желая уточнить положение армейской артиллерии.

— Почти все, только три артиллерийских полка не успевают занять огневые позиции, — ответил Д. И. Рябышев.

— Где они сейчас? — недовольно спросил командующий фронтом.

— В местах выгрузки без горючего, — виновато ответил командарм.

— Почему не доложили? Какие приняты меры?

— Приказано командиру 22-го артиллерийского полка, ближайшего к месту выгрузки, помочь тракторами вывезти орудия на огневые позиции, — доложил Д. И. Рябышев.

Родион Яковлевич связался с начальником штаба фронта, командующим артиллерией генерал-майором артиллерии И. Я. Жуком и поручил проконтролировать выдвижение на огневые позиции остатков артиллерии 57-й армии и сосредоточение воинских частей 9-й армии, которые еще находились в пути следования. Это его сильно беспокоило. Вместе с И. И. Лариным они обсуждали вопрос о переносе начала операции. Генерал Д. И. Рябышев, вмешавшись в разговор, попросил ничего не менять, поскольку на главном участке прорыва он сосредоточил 345 орудий и минометов, а отставшую артиллерию обещал подтянуть в самое ближайшее время. Взвесив все «за» и «против», командующий фронтом решил не менять сроки начала операции.

...Истекали последние минуты, шли запоздалые уточнения, все волновались. Родион Яковлевич задумчиво прохаживался по земляному полу, усыпанному мелкой галькой, и время от времени поглядывал на часы.

Начали! Мощный артиллерийский налет был произведен по вражеским траншеям, узлам обороны, огневым точкам. Через 10 минут был открыт редкий методичный огонь. Гитлеровцы выбрались из укрытий и заняли окопы в ожидании атаки, но в это время вновь последовал мощный огневой налет по переднему краю их обороны. Так повторялось в течение 40 минут с промежутками разной продолжительности. Последние 10 минут в артподготовке приняла участие артиллерия соседних районов для обеспечения прорыва на флангах ударной группировки.

Под прикрытием артогня пехота, имея полковые пушки и противотанковые орудия, выдвинулась к переднему

краю противника. Атака началась рано утром 18 января. Одновременно был перенесен артиллерийско-минометный огонь в глубину его обороны, а над боевыми порядками появилась авиация. Советские воины устремились на вражеские позиции. Они шли, бежали, местами ползли. Саперы рвали уцелевшую проволоку, расширяли проходы в минных полях. Орудия катили вручную по снежной целине. Завязывались рукопашные схватки. Однако за 7 часов боя пехота продвинулась меньше, чем требовалось. При прорыве главной полосы фашистской обороны выяснилось, что пехоте мешает подкрепление гитлеровцев, подоспевшее к третьей линии траншей. Командующий фронтом привлек дополнительно артиллерию и авиацию для разгрома очагов сопротивления. В результате наступления пехоты оживилось, враг дрогнул и начал оставлять позиции.

На исходе дня Р. Я. Малиновского вызвал к аппарату главнокомандующий Юго-Западным стратегическим направлением Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и спросил, где находится артиллерия 57-й армии, которая к началу операции находилась в пути.

— Опоздавшие три полка артиллерии прибыли и занимают огневые позиции. Завтра вступят в бой. Устранена заминка в наступлении первого эшелона армии. Люди сражаются храбро, хотя многие воины впервые в бою, — ответил Родион Яковлевич.

— Что предпринимает противник?

— Две дивизии гитлеровцев выдвигаются из Барвенково против левого фланга армии Рыбышева. Думаю, что с утра следует ввести навстречу им второй эшелон 57-й армии — 349-ю стрелковую дивизию, готовую к выдвижению на Сулиговку.

— Когда лучше? До начала вражеской контратаки или после?

— По-моему, товарищ маршал, лучше после того, как две танковые бригады, перерезав дорогу и заняв выгодный рубеж, с места отразят контратаку дивизии противника в районе Сулиговки. Они уже переправились через Северский Донец и к утру будут там. Я нахожусь в 341-й дивизии, которая с одной танковой бригадой продолжает действовать в направлении Великой Камышевахы. Так что мы нависаем над Барвенково. Кавалерийские корпуса Пархоменко и Гречко в готовности к вводу

в прорыв в общем направлении на Барвенково, — доложил Р. Я. Малиновский.

— Правильно, сначала надо отразить контратаку врага с места, а затем добить его. Смотрите не опоздайте с бригадами и вторым эшелоном армии, а то все может показаться назад, — предупредил С. К. Тимошенко.

— У нас нет ясности в действиях 6-й армии Городнянского. Его левофланговая дивизия не пошла так, как он указывал в своем приказе, а ввязалась в уличные бои в Гончаровке и Песках, — сказал Родион Яковлевич, беспокоясь о правом фланге главной ударной группировки.

— Армия Городнянского к вечеру окружила гитлеровцев в Глинском и успешно продвигается. Войска нашего правого крыла обеспечиваются надежно и можно не волноваться, — успокоил его маршал С. К. Тимошенко.

Наступление Южного фронта продолжалось не так успешно, как хотелось бы Родиону Яковлевичу. Противник с боем отошел лишь на отдельных участках в западном и юго-западном направлениях и отвел свои тылы за реку Сухой Торец, продолжая подтягивать свежие силы в Барвенково. Мороз до 25 градусов создал чрезвычайные трудности для наступающих. Населенные пункты приобрели особое значение в системе обороны: в них сидел враг, а советским войскам пришлось оставаться в открытом поле на сильном морозе по несколько суток подряд. Метели и снежные заносы до предела затруднили подвоз боеприпасов и продовольствия на передовую. Это, безусловно, ослабило силу удара Южного фронта и снизило темп развития операции. Оборонявшийся противник обективно оказался в более выгодном положении.

С утра 21 января в прорыв на Барвенково были введены 1-й и 5-й кавкорпуса генералов Ф. А. Пархоменко и А. А. Гречко — резерв фронта, а поздно вечером А. И. Антонов доложил главному С. К. Тимошенко:

— За сегодняшний день у 37-й армии Лопатина и 12-й армии Коротеева результаты небольшие. Восточнее Славянска в Рай-Александровке разгромлен штаб полка 295-й гитлеровской пехотной дивизии: полковое знамя доставлено командиру 96-й стрелковой дивизии. От Лопатина Военный совет потребовал выполнения поставленной задачи. Он объясняет медлительность продвижения сильным сопротивлением резервов противника. С начала наступления его войсками освобождено 14 населенных пунктов. Армия Коротеева овладела высотами...

— Все это хорошо, — перебил его С. К. Тимошенко, — но вы питаете нас старинкой. Надо своевременно получать и докладывать данные, а на Коротева нажать и обязать занимать не высоты, а населенные пункты. На высотах теперь никто не живет, и мы не рекомендуем увлекаться ими.

В ночь на 24 января кавкорпус А. А. Гречко овладел Барвенково, захватил большие трофеи и продолжил наступление на юг. Гитлеровцы потеряли убитыми в городе около 400 солдат и офицеров. Кавкорпус Ф. А. Пархоменко действовал рядом. Следом продвигалась 351-я стрелковая дивизия. В тот же день 9-я армия Ф. М. Харитонova была передана в резерв командующего Южным фронтом и по приказу Р. Я. Малиновского начала выдвигаться к реке Северский Донец, в район Красного Лимана.

Еще через сутки С. К. Тимошенко и начальник штаба Юго-Западного направления генерал-лейтенант И. Х. Баграмян, зная, что Родион Яковлевич находится в Ямполье в 275-й стрелковой дивизии и принимает меры для развития ее наступления на правом фланге 37-й армии генерала А. И. Лопатина, запросили у А. И. Антонова материалы об итогах первого этапа операции.

В подготовленном штабом Южного фронта докладе говорилось, что 6-я армия Юго-Западного фронта разгромила вражеские 298-ю и 68-ю пехотные дивизии и продвинулась на 60 километров; 57-я армия на барвенковском направлении — 257-ю пехотную дивизию и правым флангом ушла вперед на 40—50 километров, а передовыми отрядами А. А. Гречко пройдено 50—65 километров; 37-я армия на краматорском направлении нанесла поражение 295-й и 76-й пехотным дивизиям противника, но продвинулась только на 15—20 километров; 12-я армия, имея перед собой до семи-восьми гитлеровских дивизий, почти не продвинулась. Командующим фронтом введены в бой подвижные средства — два кавалерийских корпуса в прорыве 57-й армии Д. И. Рябишева. Один из них вступил в сражение в полосе соседней с Южным фронтом 6-й армии А. М. Городнянского. Во фронте остались неиспользованными 9-я армия и 2-й кавалерийский корпус да несколько отдельных дивизий.

На флангах прорыва советских войск противник упорно удерживал Балаклею и Славянск подоспевшими подкреплениями. Одновременно он начал перебрасывать в

район прорыва дивизии с южного участка фронта и резервы из глубокого тыла.

Исходя из доклада, главнокомандующий вместе с Р. Я. Малиновским внесли коррективы в первоначальный план операции по смещению направления главного удара с Павлограда на Красноармейское с целью принудить немецко-фашистские войска отойти перед фронтом 12, 18 и 56-й армий. Для этого намечалось ввести в сражение 9-ю армию генерала Ф. М. Харитонova в стыке между 57-й и 37-й армиями.

Такое решение обуславливалось несколькими обстоятельствами. Во-первых, наступление советских войск на юге сильно ограничивалось глубоким снежным покровом (до 80 сантиметров) и понижением температуры. Гитлеровцы яростно сопротивлялись, считая, что лучше умереть в населенном пункте от пуль и снарядов, чем неминуемо замерзнуть в открытом поле в случае отхода. В результате темп продвижения, в особенности на участках с большой плотностью вражеской обороны, резко снизился. Танки Т-60 с трудом преодолевали снежные поля, часто останавливались и несли потери. Во-вторых, нужно было под угрозой окружения вынудить противника покинуть укрепленные позиции в районах Славянска, Горловки, Сталино, Чистяково, для того чтобы разбить его на не защищенных оборонительными сооружениями рубежах, начав наступление левым крылом фронта.

26 января Ставка утвердила решение, и через сутки 9-я армия была введена в сражение в стыке между 57-й и 37-й армиями генералов Д. И. Рябишева и А. И. Лопатина. Одновременно с ней перешли в наступление все армии фронта, за исключением 56-й. В чрезвычайно трудных условиях бойцы, командиры и политработники показывали изумительную стойкость и мужество в стремлении разгромить врага.

Прикрывшись со стороны Лозовой, войска 57-й армии перенесли усилия в центр и на левый фланг оперативного построения и сломили сопротивление противника. Взаимодействуя с 37-й армией и кавалерийскими корпусами по обходу Славянска и Краматорска с запада, 9-я армия втянулась в бой по отражению вражеских контрударов из района Славянска. Кавкорпус А. А. Гречко со 130-й танковой бригадой подошел к району Гришино, Красноармейское. Навстречу ему из Сталино снялась 100-я пехотная дивизия противника. Она успела раньше войск

А. А. Гречко войти в Гришино и Красноармейское и организовать оборону. Сюда устремились и другие резервы противника, оказавшие упорное сопротивление Южному фронту и даже несколько потеснившие его части.

Барвенково-Лозовская операция закончилась 31 января. В ней не были достигнуты цели, которые ставились перед войсками фронта. Главными причинами явились отсутствие общего превосходства над врагом в силах и средствах, неглубокое оперативное построение армий на главном направлении. Однако советские войска нанесли поражение 17-й гитлеровской армии и вовлекли в сражение глубокие вражеские резервы. Противник потерял около 31 тысячи солдат и офицеров и много техники. В результате немецко-фашистское командование вынуждено было свести 1-ю танковую и 17-ю армию в армейскую группу «Клейст». Но и наши потери убитыми, ранеными и обмороженными были большие.

Соединения Южного фронта стали малочисленными, поэтому его правофланговые 57-я и 9-я армии совместно с 6-й армией Юго-Западного фронта перешли к обороне в образовавшемся в сторону Павлограда между Балаклеей, Лозовой и Славянском выступе в 90 километров в глубину и 110 — ширину, повиснув над Красноармейским, Краматорском. Соответственно в обороне Южного фронта образовался выступ немецко-фашистских войск со стороны Славянска, Краматорска до Маяков на глубину 30 километров. И над выступом советских войск с севера — от Змиева, Чугуева до Балаклеи — глубиной 40 километров также нависала вражеская группировка. Вот почему С. К. Тимошенко решил еще 24 января остановить наступление левого крыла Юго-Западного фронта в Барвенково-Лозовской операции и прикрыть наступление правого крыла Южного фронта на Красноармейское.

Январский удар двух советских фронтов в центре группы армий «Юг» и глубокий прорыв в Барвенково и Лозовую нарушили общий план действий гитлеровского командования и вынудили противника занять жесткую оборону. В сложившейся обстановке было бы желательным наступление Южного фронта с выступа, которое разорвало бы 6-ю и 17-ю немецко-фашистские армии и поставило войска Клейста под угрозу оперативного окружения. Но для такого наступления не было ни сил, ни средств. Р. Я. Малиновский не мог ничего противопоставить врагу, кроме того, что приказал 9-й армии овладеть

Маяками с высотами для улучшения позиций. Противник также придавал им большое значение и упорно оборонялся. В результате взаимных атак и контратак обе стороны несли большие потери. Затем фронту было приказано прочной обороной на южном фланге выступа силами 57-й и 9-й армий под командованием генералов К. П. Подласа (вступил в должность 12 февраля) и Ф. М. Харитонova обеспечить операцию Юго-Западного фронта на харьковском направлении.

В весенние месяцы 1942 года Родион Яковлевич и его штаб совершенствовали оборону в выступе, получали пополнение, производили перегруппировку и некоторую смену войск, создавали 23-й и 24-й танковые корпуса, формировали по приказу Ставки 24-ю армию, вели бои по улучшению позиций.

Анализ разведанных показывал, что противник ведет перегруппировку сил. Суть ее заключалась в возвращении частей в полосы своих соединений, оборонявшихся перед малоактивным левым крылом Южного фронта. Дело в том, что во время Барвенково-Лозовской наступательной операции советских войск немецко-фашистское командование перебросило эти части в район сражений для ликвидации непосредственной угрозы Красноармейскому и прикрытия магистрали Днепропетровск — Сталино. Теперь они замещались прибывшими из глубины свежими резервами.

Одновременно гитлеровское командование приступило к созданию группировки войск в Славянске, Красноармейском, Сталино, Артемовске за счет действовавших на фронте и прибывавших из глубокого тыла сил и средств. Оно готовило мощный встречный контрудар против Юго-Западного фронта из района Балаклеи и Южного, из района Славянска в общем направлении на Изюм, чтобы срезать барвенковский выступ советских соединений. Подготовка противника к операции продолжалась даже тогда, когда 12 мая Юго-Западный фронт войсками северного фланга барвенковского выступа (6-я армия генерала А. М. Городнянского и армейская оперативная группа генерала Л. В. Бобкина), 28-й армии генерала Д. И. Рыбышева (вступил в должность 8 мая 1942 года) с примыкавшими к ней фланговыми соединениями 21-й и 38-й армий перешел в наступление на харьковском направлении и поначалу имел успех.

Тогда на Украине зеленели рощи и поля, цвели сады, обливавшиеся щедрым южным солнцем. По-тютчевски

веяло негой от каждой ветки и листа. Разнотравье и треск кузнечиков возвещали огрубевшим на войне людям о приближении лета. Родион Яковлевич иногда выходил из землянки штаба фронта в Новоайдаре, глубоко вдыхал ароматный воздух, вглядываясь в гаммы сочных и ярких красок, к которым он был равнодушен, по-видимому, оттого, что много извездил и исходил в жизни, оставаясь один на один с природой.

...В 4 часа утра 17 мая последовал мощный залп вражеской артиллерии по переднему краю 9-й армии Ф. М. Харитонов из двух районов: Славянск, Былбасовка и Александровка, Андреевка, южнее Барвенково. В небе ревели моторы фашистских самолетов. Группы по двадцать и более стервятников нанесли удары по огневым позициям артиллерии, штабам, узлам связи и переправам через Северский Донец у Изюма и Богородичное. Через час сплошного грохота и гула показались танки противника, позади них — пехота на машинах. За первым эшелоном в таком же порядке выдвигались второй и третий. Как только гитлеровцы приблизились к переднему краю обороны 9-й армии, фашистские бомбардировщики нанесли по нему бомбовый удар, за которым последовала мощная атака на двух подвергшихся особо интенсивной огневой обработке участках фронта. В общей сложности позиции 9-й армии атаковали 11 дивизий и до 360 танков армейской группы «Клейст», что обеспечило соотношение сил в пользу врага: по пехоте — 1:1,5, артиллерии — 1:2 танкам — 1:6,5 раза.

Обходя опорные пункты и заграждения, гитлеровцы угрожали флангам и тылам частей 9-й армии, оставляя их последующим эшелонам. Наступавшая вражеская группировка с юга в полдень подошла к Барвенково. Наибольшую опасность представляла славянская группа противника, которая продвигалась навстречу балаклеевской, поставив войска левого фланга 9-й армии в тяжелое положение. Перед угрозой разгрома оказался вспомогательный пункт управления армией в Долгенькой. Едва не погиб начальник штаба генерал Ф. К. Корженевич, получив ранение во время сильной бомбардировки. Прекратилась связь со штабом фронта, потеряно управление дивизиями. Командарм Ф. М. Харитонов вынужден был под огнем переезжать в Каменку, а затем в лес западнее Изюма. Армия оказалась в критическом положении, ее соединения

с боями начали отходить за Северский Донец и на Барвенково.

Для штаба Южного фронта наступление немецко-фашистских войск не явилось неожиданностью. Однако командование не в состоянии было что-либо предпринять из-за малочисленности сил и средств.

После того как противник прорвал оборону 9-й армии на южном фланге барвенковского выступа, главная задача фронта заключалась в том, чтобы занять оборону по реке Северский Донец до подхода резервов. Для этой цели главком передал Р. Я. Малиновскому одну дивизию на оборону рубежа южнее Изюма в полосе 9-й армии, а также усилил 57-ю армию 2-м кавалерийским корпусом полковника Г. А. Ковалева. Родион Яковлевич приказал командующему 57-й армией генералу К. П. Подласу выдвинуть 2-й кавалерийский корпус и 14-ю гвардейскую стрелковую дивизию из резерва в район в 25 километрах северо-западнее Барвенково и с утра 18 мая контратаковать во фланг прорвавшегося противника. Генералу Ф. М. Харитонову необходимо было немедленно возвратиться в войска и взять управление армией в свои руки.

Одновременно Р. Я. Малиновский распорядился перебросить на машинах дивизию из 37-й армии в район прорыва гитлеровцев севернее Славянска. По железной дороге следовала танковая бригада. Ожидались еще две стрелковые дивизии и две танковые бригады. По приказу Родиона Яковлевича из фронтового резерва выдвинулся в районе Голой Долины сдерживав расширение вражеского прорыва на северо-восток 5-й кавалерийский корпус генерал-майора И. А. Плиева, сменившего А. А. Гречко, который еще в апреле заменил К. А. Коротева из 12-й армии.

Но было поздно. К концу первого дня наступления фашисты заняли Барвенково, упредив ударную группу 57-й армии в развертывании, и она была вынуждена в невыгодных условиях перейти к обороне севернее города. За двое суток, преодолев сопротивление разрозненных частей 9-й армии и подтянув к прорыву резервы со стороны Днепропетровска, Горловки, Макеевки, Сталино, немецко-фашистские захватчики подошли к Изюму.

Главком С. К. Тимошенко, вначале не придававший этому значения, решил разгромить прорвавшиеся гитлеровские войска на изюмском направлении силами 57-й, 6-й и 9-й армий с двумя кавалерийскими корпусами и

обеспечить дальнейшее развитие наступления на Харьков, которое началось 12 мая. Но осуществить этот план не удалось. Остановить фашистов, будучи сбитыми со своих оборонительных рубежей, оказалось весьма трудно. Успешный контрудар могли осуществить только свежие и не скованные противником силы.

С 20 мая главком подчинил Юго-Западному фронту 57-ю армию, 2-й кавалерийский и 23-й танковый корпуса Р. Я. Малиновского. Это ослабило Южный фронт. В командование 9-й армией вступил генерал-майор П. М. Козлов.

Перед правым крылом Южного фронта 21 мая противник перешел к обороне по Северскому Донцу тремя пехотными дивизиями, а танковыми — продолжал действовать в северном и северо-западном направлениях до соединения 23 мая с балаклеевской группировкой.

В окружении оказались тысячи человек, большое количество орудий, танков, тысячи машин, лошадей и масса разного оружия и военного имущества. Войска испытывали недостаток боеприпасов, горючего и продовольствия. Бои по прорыву из окружения носили разрозненный и неуправляемый характер. Господство в воздухе вражеской авиации сковывало действия частей. Днем все было прижато к земле, и только ночью группы советских воинов просачивались через кольцо окружения без техники и тяжелого вооружения. С утра 26 мая и радиосвязь была окончательно потеряна...

Родион Яковлевич тяжело переживал харьковскую трагедию. Перестала существовать 6-я армия второго формирования, которой он командовал и хорошо знал. Не стало А. М. Городнянского, командующего 57-й армией К. П. Подласа, одного из способных генералов, награжденного в ноябре 1941 года орденом Ленина за успешные бои 40-й армии. Только начальник штаба 6-й армии А. Г. Батюня вместе с членом Военного совета Юго-Западного фронта дивизионным комиссаром К. А. Гуровым сумели вывести из окружения 22-тысячную группу бойцов и командиров. В те весенние дни 1942 года потери под Харьковом отзывались глубокой болью в сердцах миллионов советских людей, особенно тех, кто близко знал характер и размеры катастрофы. Немецко-фашистские войска добились перевеса сил и вновь овладели стратегической инициативой.

Ставилось ясным, что гитлеровское командование будет пытаться сделать то, чего не могло достигнуть в летне-осенней кампании 1941 года. Главным станет Юго-Западное стратегическое направление. Поэтому Южному фронту было приказано перейти к упорной обороне, надежно обеспечить стыки, вскрыть вражеские группировки и определить начало их действий. Для его усиления Ставка передала из резерва 24-ю армию генерал-лейтенанта И. К. Смирнова, которая к концу мая сосредоточилась в Гундоровской, Станичном, Каменке со штабом в Новосветловке юго-восточнее Ворошиловграда. Со своей стороны Родион Яковлевич включил в ее состав ряд резервных дивизий фронта. Главком Юго-Западного направления вывел из полосы обороны войск Р. Я. Малиновского 24-й танковый корпус, а 9-ю армию передал Юго-Западному фронту, установив новую разграничительную линию справа в целях лучшего взаимодействия фронтов и более прочного управления соединениями. Соответственно измененному оперативному построению вновь переместился на юго-восток в Каменск и штаб фронта с вспомогательным пунктом управления в Малой Вергунке — недалеко от Ворошиловграда.

Обстановка накалялась с каждым днем. Под сильным прикрытием авиации противник производил интенсивные переброски войск вдоль фронта, в том числе демаскировочные.

В первых числах июня А. И. Антонов доложил Р. Я. Малиновскому, что в ближайшие дни следует ожидать у соседа продолжения наступления купянской группировки на Сватово и активных действий группы Шведлера на правом крыле Южного фронта против 37-й армии с целью окружения советских соединений на стыке двух фронтов в районе Красный Лиман и севернее. Родион Яковлевич распорядился об организации мощной контрартиллерийской подготовки по местам вероятного сосредоточения противника и обеспечении стыков между армиями, особенно с Юго-Западным фронтом. Сюда была нацелена 24-я армия и 4-я воздушная армия генерал-майора авиации К. А. Вершинина. На правый фланг 37-й армии выдвигался из резерва гвардейский минометный полк. Об обстановке и принятых мерах Р. Я. Малиновский доложил Ставке.

В начале июля всеми видами разведки было установлено, что на реке Оскол от Купянска до Красного Оскола

немецко-фашистское командование заменило 3-й танковый, 52-й и 11-й армейские корпуса частями 51-го и 6-го румынского армейских корпусов. Первые были переброшены в район Славянск, Краматорск, Артемовск, где кроме этих войск на переднем крае сосредоточилось до восьми новых пехотных и танковых дивизий. По данным разведки стало также известно, что в районе Орджоникидзе, Сталино, Чистяково заняли рубеж две танковые и две моторизованные дивизии 1-й танковой армии Клейста в готовности развить успех наступления. Это были силы, которые в мае участвовали в ликвидации барвенковского выступа советских войск.

Оценив обстановку, Р. Я. Малиновский пришел к выводу, что враг будет наступать более широким и глубоким маневром в общем направлении на Каменск во взаимодействии с войсками, предназначенными, по-видимому, для удара со стороны Старого Оскола на Россошань, Миллерово. Так оно и произошло. Противник атаковал из района Воронеж, Острогожск силами 6-й армии и из Артемовска 1-й танковой армией по сходящимся направлениям на Кантемировку. 6 июля в 16 часов 35 минут Родион Яковлевич вызвал к аппарату начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский:

— Создававшаяся обстановка на правом крыле Юго-Западного фронта вынудила Ставку принять решение на отвод армий на тыловой рубеж. 9-я армия Юго-Западного фронта к утру 7 июля отойдет... Ставка приказывает вам ответить к утру 8 июля правый фланг 37-й армии в район река Боровая, Лисичанск, где прочно закрепиться. При организации обороны необходимо как можно шире использовать заграждения и устанавливать противотанковые и противопехотные мины. Население эвакуировать. Мужчин, способных держать оружие, призвать в запасные части фронта. Какие имеете соображения по этому вопросу?

— Ваше указание вывезти все оборудование заводов невыполнимо потому, что 17 паровозов и 500 вагонов находятся в Лисичанске, где нет железнодорожного полотна. Для постройки его потребуется 7—9 дней. Я прошу разрешения задержать отход левого крыла Юго-Западного фронта и моего правого до 12—15 июля. Если нельзя, то, по-видимому, все придется уничтожить, — ответил Р. Я. Малиновский.

Ставка не разрешила задержку отхода войск, и части правого фланга 37-й армии снялись с рубежа под прикрытием заслонов.

В 6 часов 9 июля танковая и три пехотные дивизии противника (около 100 танков) при поддержке авиации атаковали левый фланг 37-й армии из Берестовой на Лисичанск. Наступление фашистов в основном было отбито, но 27 танкам удалось прорваться на Мессарош. Три раза бой доходил до рукопашного, советские воины удерживали положение из последних сил. Однако прорвавшиеся в Мессарош вражеские танки, маневрируя и просачиваясь в балки отдельными группами с автоматчиками, увлекли за собой подкрепления и расширили прорыв.

В 7 часов началось наступление гитлеровских войск в полосе 12-й армии. В тот же день А. М. Василевский информировал Р. Я. Малиновского о том, что на правом крыле Юго-Западного фронта обстановка резко ухудшилась. Фашисты заняли Митрофановку и устремились на Богучар и Кантемировку, создав угрозу 28, 38 и 9-й армиям левого крыла Юго-Западного фронта. Возникла необходимость отвода этих армий за Дон до Казанской, Чертково и правого фланга Южного фронта — на линию Чертково, Ворошиловградский обвод, Новопавловка южнее Красного Луча. Ставка спрашивала мнение Р. Я. Малиновского и просила его выделить пять стрелковых дивизий для того, чтобы укрепить стык между фронтами и обеспечить миллеровское и сталинградское направления.

— Считаю необходимым согласиться с вами, — ответил Родион Яковлевич. — Предлагаю на первом этапе отвести правое крыло в район Новая Астрахань, Трехизбенка, Штеровка, Новопавловка. Этот участок обороны сильный и занят уровскими батальонами. Левое крыло соседа целесообразно расположить на линии Казанская, Чертково, Беловодск, Шульгинка и здесь его стабилизировать всеми мерами. Потом мое правое крыло можно передислоцировать на рубеж Чертково, Ворошиловградский обвод, чтобы уплотнить силы Юго-Западного фронта. Это мероприятие необходимо проводить в жизнь немедленно, иначе противник окажется в Чертково раньше, чем мы. Усилить миллеровское направление я смогу 24-й армией, но это будет за счет ослабления фронта.

Ставка согласилась с предложением Р. Я. Малиновского об очередности отвода войск. 12 июля она упразднила

Юго-Западный фронт и создала новый — Сталинградский. 28, 38, 57 и 9-я армии были переданы в подчинение генералу Малиновскому в весьма тяжелой ситуации: враг вбивал клин на юго-востоке в междуречье Северского Донца и Дона, где действовали эти армии, и отбрасывал их за Дон в район Казанской, Вешенской. Одновременно на миллеровском направлении противник вклинился между 9-й армией и правым крылом Южного фронта. События развивались с катастрофической быстротой. Разрывы все увеличивались. Фронт Р. Я. Малиновского обтекался с северо-востока, и у него не хватало сил и времени, чтобы закрыть брешь от Красноярского до Чертково.

Советские войска отступали, происходили перемены в руководстве. 14 июля командующим 9-й армией был назначен Ф. А. Пархоменко, но армией продолжал командовать А. И. Лопатин до вывода дивизий и частей из-под угрозы окружения. Организационные мероприятия коснулись и Южного фронта. Когда по приказу Родиона Яковлевича заканчивалось развертывание 24-й армии для прикрытия Миллерово, ее командующий И. К. Смирнов был заменен В. Н. Марцинкевичем.

Тем временем гитлеровцы расширяли и углубляли прорыв подвижными частями. Колонны немецко-фашистских войск все дальше проникали в большую излучину Дона.

Бои не утихали ни днем, ни ночью. Южный фронт держал оборону в центре и на левом крыле, загибая правый фланг на юго-восток и оттягивая тылы 24-й и 9-й армий на западный берег Северского Донца. Соединениями фронта отбивались атаки противника, в том числе на подступах к Лисичанску, где стойко и упорно дралась 37-я армия. Чтобы быть в курсе обстановки и управлять войсками, Родион Яковлевич внимательно следил за состоянием связи с ними и принимал неотложные меры в случаях ее нарушения.

Ставка требовала своевременной информации от Р. Я. Малиновского, а он, пренебрегая личной безопасностью, находился там, где было особенно тяжело, и не всегда успевал на переговоры. 14 июля Родион Яковлевич сообщил Ставке:

— ...По наблюдениям наших офицеров, Лопатин сохранил управление войсками. Части 28, 57 и 38-й армий пробираются группами между наступающими немецкими

танковыми колоннами в общем направлении на Миллерово, Каменск, а их командующие бежали за реку Дон в Казанскую, Вешенскую, Клетско-Почтовский. Москаленко радирует, что собирает свои войска на Дону между Калачом и Вешенской. Остатки этих армий будут влиты в существующие соединения. Имею сведения от разведки о том, что Верхняя Тарасовка горит и занята фашистами, эти данные проверяю. Авиация противника разбомбила узлы связи в Каменске, Ровеньках, Краснодоне, Лихой. Я со штабом в эту ночь переехал в район Красного Сулина.

Далее Р. Я. Малиновский доложил, что, поскольку 28, 57 и 38-я армии<sup>1</sup> не существуют как боевые единицы, то отпала возможность сомкнуть с ними правый фланг Южного фронта в районе Серафимовича или Вешенской на Дону.

— Теперь необходимо принимать меры, чтобы остановить противника севернее железной дороги от Суровикино до Тацинской, — продолжал Родион Яковлевич. — Если этого не произойдет, то придется организовывать оборону по реке Северский Донец и далее на восток по Дону. В этом случае исключительно важное значение приобретает клин Константиновская, Ворошиловград, Таганрог.

Соображения Р. Я. Малиновского выходили за рамки Южного фронта, который мог своими силами удерживать упомянутый клин с обороной на северо-востоке по правому берегу Северского Донца до впадения в Дон.

Ставка обнаружила слабость левого крыла Сталинградского фронта и 16 июля предложила Родиону Яковлевичу не отводить 9-ю армию за Северский Донец, а направить на восток в сторону Морозовска, усилив ее хотя бы одним танковым корпусом.

— Это должно сорвать наступление немецко-фашистских войск на юг к Дону на одном из наших наиболее слабых участков обороны и усилить Сталинградский фронт, — сказал А. М. Василевский.

Малиновский отдавал себе отчет в том, что предложение Ставки всегда равнозначно приказу. Как быть? В возражениях И. В. Сталин признавал неопровержимые факты без приумножения и приуменьшения значимости их.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 2290. Д. 2. Л. 207, 212.

Родион Яковлевич представлял сложность момента и сознавал свою ответственность за жизнь десятков тысяч воинов. Находясь в огнях сражений, он ежеминутно взвешивал «за» и «против» вырабатывавшихся им решений. Поэтому был убежден в нереальности этого предложения.

— Вывести армию Лопатина в район Морозовска в данной обстановке не представляется возможным, — ответил Р. Я. Малиновский. — Учитывая, что из Верхнетарасовки до Морозовска по прямой почти 150 километров (для нашей пехоты это 6—8 тяжелых переходов с боями и днем и ночью, а для немецкой мотопехоты — максимум два), ее нужно выводить к югу в общем направлении на Каменск за Северский Донец и Военный совет фронта уже принял решение.

Родион Яковлевич видел, как передний край подвижной обороны Южного фронта все больше походил на подкову, которая левым концом упиралась в берег Азовского моря, восточнее Таганрога, западной стороной поднималась на север через Матвеев-Курган, Красный Луч, Черкасское и далее загибалась вдоль правого берега Северского Донца до впадения его в Дон восточнее Новочеркасска. Он понимал, что противник направит все свои усилия на ликвидацию этого клина. Поэтому Р. Я. Малиновский ставил перед собой задачу — отстоять идею отвода 9-й армии за Северский Донец, удержать клин и не дать врагу прижать войска фронта к Дону от устья Северского Донца до Ростова. Он приводил отходившие части в порядок и укреплял правое и левое основания клина, в котором оказался Южный фронт. Для этого еще оставались кое-какие армейские резервы<sup>1</sup>.

Пока шли переговоры, на стыке 12-й и 18-й армий резко ухудшилась обстановка: гитлеровские войска постепенно окружали героически сражавшуюся на вершине выступа 176-ю стрелковую дивизию. Родион Яковлевич согласился на отвод левого фланга 12-й армии и тут же доложил А. М. Василевскому. Тот прервал переговоры для доклада Ставке и через несколько минут продолжил разговор:

— Ставка требует, чтобы ей твердо и прямо сказали: в состоянии ли вы имеющимися силами и средствами удерживать занимаемый выступ и выделить кроме отряда

Коротеева еще дополнительно какие-либо части для прикрытия участка между реками Северский Донец и Цимла?

Напряжение командующего фронтом было на пределе. Наступил самый критический момент: решалась судьба фронта и его людей. И он ответил:

— Нет, не в состоянии, учитывая положение 12-й и правого фланга 18-й армий, а также то, что группа Лопатина еще не отошла на Северский Донец.

Начальник Генерального штаба запросил последние данные о А. И. Лопатине и предложения на дальнейший ход событий. Родион Яковлевич сказал:

— Военный совет Южного фронта, обсудив создавшееся положение, предлагает отвести войска за Дон с одновременным удержанием Ростовского укрепленного района по обводу. Последующими рубежами отхода иметь...

Это было на исходе дня 16 июля. Через несколько минут последовало согласие Ставки, которого ждали Р. Я. Малиновский, И. И. Ларин, А. И. Антонов. И вновь рушились мосты, переправлялись аэродромы, горели и взрывались склады с топливом и боеприпасами. Опять Р. Я. Малиновский и А. И. Антонов находились в пути на новый командный пункт.

Через сутки враг приступил к форсированию Северского Донца восточнее Каменска. Свыше 100 танков и 700 автомашин с эсэсовцами продвигались на юг от Тацинской к Дону. К Калитвенской и Белокалитвенской подтягивались до 300 танков и 1000 автомашин: создавалась угроза центру обороны в направлении Лихая, Шахты, Новочеркасска<sup>1</sup>.

В район севернее Шахт выдвигалась прославленная в боях на Государственной границе, верная своим боевым традициям 74-я стрелковая дивизия, входившая когда-то в 48-й корпус Р. Я. Малиновского, а ныне — резерв фронта. Ее называли Шевердинской в честь первого командира Ф. Е. Шевердина. Это ему принадлежала идея ночных атак на врага, впервые примененная восточнее Прута. Теперь дивизия получила задачу прикрыть на вершине выступа отход советских частей, который решил осуществить Родион Яковлевич во избежание флангового удара по ним противника со стороны Калитвенской и Тацинской, то есть с востока. К тому же наметились признаки подготовки

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 2290. Д. 2. Л. 207—361.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 2290. Д. 2. Л. 184.

гитлеровских войск к форсированию Северского Донца от его устья до Красно-Донецкой, а это у самого основания выступа.

Горела переправа у Калитвенской, через которую рвались фашисты. Вокруг нее дымились застывшие вражеские танки, авто- и бронемашины, валялись орудия и трупы солдат и офицеров. Это были результаты действий авиации и артиллерии. Однако, как только все затихло, из-за реки донесся шум моторов. Буксуя колесами и танковыми траками на мокрых полях и разбитых дорогах, под дождем ползли к переправе машины с белыми крестами.

...В район ожесточенного боя спешила группа 14-го танкового корпуса, которую возглавил командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал А. Д. Штевнев. Здесь находились И. И. Ларин и заместитель начальника штаба фронта генерал Я. С. Дашевский, личным примером увлекавшие воинов на разгром прорвавшейся мотогруппы гитлеровцев на участке 3-го гвардейского стрелкового корпуса.

Каждые четыре часа Генеральный штаб требовал сведения об обстановке. Через некоторое время Ставка приказала доставить на машинах к прорыву орудия ПТО. Операторы спрашивали:

— Где главные силы Лопатина?

— Установить не удалось, хотя авиация все время ищет их. По докладу Лопатина, они должны быть где-то в районе Верхнетарасовки,— ответил Р. Я. Малиновский.

Он объяснил так потому, что часть войск 9-й армии уже отошла за Северский Донец под организованным Родионом Яковлевичем прикрытием авиации и наземных сил. Они сосредоточились в районе Шахты. На их плечах фашисты пытались ворваться в оборону фронта в районе Калитвенской, Каменска, Гундоровской, но безуспешно. Малиновский приказал начальнику штаба 9-й армии А. Г. Батюне и члену Военного совета бригадному комиссару М. В. Слоны вылететь утром 18 июля к главным силам своих войск для руководства и вывода их, поскольку легко раненный, А. И. Лопатин оставляется им для сбора и приведения в порядок уже вышедших групп. Но случилось так, что перед вылетом А. Г. Батюню ранило в плечо, и Родион Яковлевич вынужден был отправить его самолетом в глубокий тыл.

— Ставка интересуется действиями Штевнева и 3-го гвардейского стрелкового корпуса,— сообщил Генштаб.

— Данных о них нет. Принимаются меры по связи нарочными, самолетами, радио, но пока безуспешно,— доложил Родион Яковлевич.

К утру 21 июля фашистам удалось форсировать Северский Донец и оттеснить советские войска на шахтинском направлении. Активно действовал противник и со стороны Калитвенской, Белокалитвенской, тоже в шахтинском направлении. Здесь сдерживала вражеские танки 37-я армия. С тяжелыми боями начался отход 18, 12 и 56-й армий за обвод Ростовского укрепленного района. Контрудара не получилось, и «подкова» стала быстро уменьшаться в размерах. Внутри нее буквально горела и дыбилась земля. Враг напирал отовсюду, превосходя силами обескровленный фронт в несколько раз. Наземные части гитлеровцев поддерживала мощная авиация. Армадам фашистских самолетов, которые непрерывно бомбили и штурмовали пехоту, делая в день по полторы тысячи самолетов-вылетов, противостояли лишь 43 истребителя, 20 штурмовиков и 9 бомбардировщиков 4-й воздушной армии генерала К. А. Вершинина. Вражескую авиацию дополнял сильный артиллерийско-минометный огонь.

Остатки армий Р. Я. Малиновского отходили за Донец в течение семи дней. Штабы нередко оставались без связи, особенно после того, как ростовский и шахтинский узлы были уничтожены противником. Терялось управление войсками. Многие командиры штаба фронта направлялись в соединения для связи нарочными. Разыскивались выдвигавшиеся для занятия Ростовского укрепленного района части и потерявшаяся группа операторов и шифровальщиков.

Военный совет Южного фронта в сложной обстановке не терял самообладания, правильно прогнозировал действия врага, докладывал о них в Генштаб и принимал посильные контрмеры. Войска отходили в основном организованно, дрались мужественно, нанося большой урон противнику. Во всем чувствовалась сильная воля командующего и начальника штаба. Их доклады, информации были объективными и грамотными.

Особенно ожесточенные бои разгорелись за Ростов, уже побывавший однажды в руках оккупантов. На ростовском направлении от устья реки Керчик до Азовского

моря наступали в двух линиях 4 танковые, 3 моторизованные и 22 пехотные дивизии противника. Часть из них наносила главный удар в направлении Султан Салы, Ростов и вспомогательный — на Каменный Брод, Аксайскую, Александровскую с целью захватить Ростов и отрезать новочеркасскую группировку Южного фронта.

К исходу 25 июля мощным тараном гитлеровские войска вышли на рубеж Новочеркасск, правый берег реки Аксай, северная и западная окраины Ростова. При этом в Аксайскую, Александровскую и Ростов проникли группы вражеских автоматчиков и завязались уличные бои. На следующий день 18-й армия Ф. В. Камкова пришлось оборонять Батайск и Койсуг уже в тылу Ростова.

Для города сложилась крайне опасная обстановка. По приказу Р. Я. Малиновского 18-я армия совместно с подоспевшей на помощь 30-й стрелковой дивизией полковника Б. Н. Аршинцева из 56-й армии контратаковала врага по всему фронту.

Стремительный прорыв в тыл Ростова 1-й танковой и 17-й полевой армий противника не дезорганизовал его защитников. Они сражались до последнего. Дравшиеся в самом городе два полка НКВД и полк ополчения проявляли чудеса героизма. Родион Яковлевич спешил помочь им, в крайнем случае вывести из Ростова. Предпринятая контратака у Батайска и Койсуга ошеломила и приостановила гитлеровцев, но ненадолго. Последовавшие штурмовка и бомбежка авиацией, а также сильный наземный огонь противника вынудили войска Р. Я. Малиновского остановиться. А свежих резервов не было.

Отходившие за Дон малочисленные дивизии Южного фронта едва отбивались от наседавшего врага, слабели с каждым днем. Растянутые на широком фронте, они несли потери, изматывались многодневными боями и, особенно, ударами авиации. Остатки танковых средств были сведены в отдельные группы по десять танков. Отсутствовали какие-либо автосредства. В результате пехота передвигалась только пешком, опаздывала и не поспевала за маневренным противником. Его 1, 2 и 4-я танковые, 17-я полевая армии и армейская группа к 28 июля создали угрозу прорыва, как и предполагали Р. Я. Малиновский с А. И. Антоновым, на трех направлениях через реку Дон: Николаевская, Пролетарская; Раздорская, Веселый; Батайск, Новобатайск.

Под мощным нажимом гитлеровцев войска Южного фронта переправились за Дон и влились в Северо-Кавказский фронт. Чтобы избежать неразберихи в управлении, Ставка 28 июля объединила оба фронта в один — Северо-Кавказский под командованием С. М. Буденного<sup>1</sup>. Р. Я. Малиновский на короткое время стал его заместителем. Для Родиона Яковлевича закончилось отступление, на которое ушло четыреста бессонных ночей и тревожных дней, полных драматизма.

## ВПЕРЕД, НА ЗАПАД!

После ожесточенных боев на Северном Кавказе генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский по приказу Ставки вступил в должность командующего 8-й Резервной армией, ставшей через четыре дня 66-й армией с включением ее 29 августа 1942 года в состав Сталинградского фронта А. И. Еременко<sup>2</sup>, а через месяц — Донского фронта К. К. Рокоссовского. Впоследствии, перед Курской битвой, эта армия стала 5-й гвардейской и прославилась себя героическими действиями на главных направлениях Великой Отечественной войны.

Почти одновременно с Родионом Яковлевичем на должность начальника штаба армии прибыл хорошо подготовленный в оперативном отношении и смелый в решениях генерал Ф. К. Корженевич. Генерал-лейтенант А. И. Антонов стал начальником штаба при С. М. Буденном. Вскоре он был назначен первым заместителем начальника Генерального штаба и начальником Оперативного управления Генштаба.

Когда враг достиг стен Сталинграда, 66-я армия Р. Я. Малиновского была брошена на опасный участок для обороны 20-километрового рубежа между Волгой и Доном. Сражаясь севернее города в районе Ерзовки, она уперлась левым флангом в Волгу и нависла над левым крылом ударной группировки Паулюса, прорвавшейся к реке. 5 сентября 66-я армия перешла в наступление с целью улучшения своих позиций и затем, при другом командующем, нанесла главный удар правым флангом

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 2290. Д. 2. Л. 222.

<sup>2</sup> Там же. Л. 314.

в общем контрнаступлении советских войск под Сталинградом.

В конце ноября 1942 года Р. Я. Малиновский с должности заместителя командующего войсками Воронежского фронта был переведен в Тамбов. Здесь он встретил боевого друга и товарища И. И. Ларина. Их всегда отличало глубокое взаимопонимание. Тогда, за Доном, Родиону Яковлевичу пришлось расстаться с Иваном Илларионовичем, который был назначен на должность члена Военного совета 1-й Резервной армии Ставки ВГК, ставшей с 25 ноября 1942 года 2-й гвардейской, куда и прибыл Малиновский командующим<sup>1</sup>. Увидев И. И. Ларина все тем же дивизионным комиссаром, Родион Яковлевич подготовил представление на него и передал в Ставку по прямому проводу. Вскоре боевые товарищи поздравили И. И. Ларина с генеральским званием. На должность начальника штаба армии прибыл генерал-майор С. С. Бирюзов. «Смелый, решительный, не знающий страха командир», — так характеризовал его весной 1942 года генерал Н. П. Пухов — командующий 13-й армией. С. С. Бирюзов служил в 48-й армии Брянского фронта, где получил большой опыт армейского штабиста. Ни командарм, ни начштабм не знали тогда, что в 60-е годы они станут ведущими руководителями Вооруженных Сил СССР, Маршалами Советского Союза, известными полководцами. Начавшись во 2-й гвардейской, крепкая дружба надолго связала их.

Ставка торопила с формированием армии и перебрасывала на Тамбовщину боевые дивизии из Сталинградского, Северо-Западного, Ленинградского и Калининского фронтов, присвоив некоторым наименование гвардейских. Нескончаемым потоком шла техника, оружие, боеприпасы. На базе 22-й гвардейской стрелковой дивизии создавался 2-й гвардейский механизированный корпус генерала К. В. Свиридова. Армия обещала стать мощным объединением стратегических резервов.

Одновременно с ее формированием проводилась оперативно-тактическая подготовка войск и штабов методом командно-штабных игр и учений частей в поле с боевой стрельбой. Военный совет армии неустанно занимался политическим и военно-патриотическим воспитанием солдат и командиров, опираясь на партийные и комсомольские

организации и используя боевой опыт. Для ускорения достижения хорошей подготовки армии Родион Яковлевич применил метод распределения членов Военного совета по направлениям, участкам. Имевшему опыт работы с танковыми частями И. И. Ларину было предложено немедленно поехать во 2-й гвардейский механизированный корпус генерала К. В. Свиридова. С. С. Бирюзову поручено проконтролировать в Рассказове готовность 1-го гвардейского стрелкового корпуса генерала И. И. Миссана. Командующий взял на себя 13-й гвардейский стрелковый корпус генерала П. Г. Чанчибадзе. В работе с личным составом корпусов, дивизий Родион Яковлевич видел главное во внимании к людям, с которыми предстояло вместе воевать. «Необходимо поближе познакомиться с командирами», — так закончил Р. Я. Малиновский свое выступление на заседании Военного совета армии.

В ходе формирования и обучения соединения армии были подтянуты к железнодорожным станциям Тригуляй, Рада, Платоновка в готовности к перевозкам в район Сталинграда. Оттуда шли радостные вести об окружении 6-й армии Паулюса, а в начале декабря — о подготовке фронтов сталинградского направления к одновременному решению трех задач: разгрому противника на Среднем Дону, ликвидации окруженной группировки в районе Сталинграда и отражению готовившегося контрудара группы армий «Дон» во главе с генерал-фельдмаршалом Манштейном, сформированной для деблокады армии Паулюса.

Ставка ВГК решила рассечь окруженную группировку противника на две части с последующим уничтожением. Для этой цели армия Р. Я. Малиновского включалась в Донской фронт. 5 декабря отправились на фронт дивизии И. И. Миссана, за ними — соединения П. Г. Чанчибадзе и К. В. Свиридова. Через 5—10 дней 1-й гвардейский стрелковый корпус выгрузился из эшелонов на станциях Лог, Иловля в 75—95 километрах северо-западнее Сталинграда.

Пока армия перебрасывалась на Донской фронт, ситуация в районе боевых действий изменилась. Враг не только сопротивлялся в окружении, особенно у Мариновки, Карповки — в западном выступе котла, но и нанес контрудар 4-й танковой армией генерала Гота, входившей в котельниковскую группировку группы армий «Дон», в сторону того же выступа. Информация о поведении противника в котле и извне обусловила изменение характера

<sup>1</sup> ЦАМО, Ф. 48а, Оп. 2290, Д. 2, Л. 432.

и очередности действий Красной Армии. Советскому командованию Ставка предложила сосредоточить внимание на сталинградском направлении для отражения удара деблокирующей группировки немецко-фашистских войск<sup>1</sup>. Необходимо было решительными действиями на тормосинском и котельниковском направлениях ликвидировать попытку деблокады и отодвинуть дальше советский внешний фронт, разрушив этим надежду противника на коридор, по которому он мог бы выйти из окружения.

Ставка незамедлительно реагировала на изменение обстановки, особенно что касалось событий под Сталинградом. Это вытекает из документов. Так, 10 декабря 1942 года И. В. Сталин телеграфировал Г. К. Жукову по поводу соображений А. М. Василевского о 2-й гвардейской армии: «Я думаю, что план Василевского можно одобрить. Начало ввода в действие 2-й гвардейской армии приурочить к 18 числу. Всю операцию по ликвидации окруженного противника закончить к 25—26 декабря. Жду ответа»<sup>2</sup>.

Через четыре дня, получив соображения Г. К. Жукова, Сталин распорядился А. М. Василевскому об отсрочке осуществления первого этапа операции «Кольцо». Армию Р. Я. Малиновского форсированным маршем двинуть на юг и расположить в тылу частей, действующих против котельниковской группы противника. Приказать К. К. Рокоссовскому и А. И. Еременко продолжать систематическое истребление окруженных войск, не давать им передышки ни днем, ни ночью, сжимать кольцо, пресекать попытки вырваться из него. Главная задача южных войск — разбить котельниковскую группу силами Труфанова и Малиновского, в течение ближайших дней занять Котельниково и прочно там закрепиться<sup>3</sup>.

...Село Заварыкино раскинулось у скованной льдом и засыпанной глубоким снегом речушки Тишанки, впадавшей на юго-западе в широкий Дон. К нему примкнул совхоз «Пролетарий», образуя единый массив строений. Родион Яковлевич прилетел сюда из Панышино, где оставил оперативную группу штаба армии во главе с С. С. Бирюзовым для руководства выгрузкой и выдвижением войск в район сосредоточения.

Это было 12 декабря. Здесь он встретился с А. М. Василевским — представителем Ставки, К. К. Рокоссовским — командующим Донским фронтом — и другими военачальниками. Войдя в землянку и оставив за собой поток холодного воздуха, Родион Яковлевич неторопливым взглядом окинул присутствующих. Они в свою очередь оторвались от карт и посмотрели на генерала. Р. Я. Малиновский заметил их озабоченность и подумал, что где-то что-то случилось. Ему еще не было известно об изменении решения. Александр Михайлович вышел навстречу, тепло поздоровался, предложил сесть после того, как Родион Яковлевич обменялся рукопожатием с остальными, и тихим голосом спросил:

— Хотелось бы знать, товарищ Малиновский, где сейчас ваши войска?

— Дивизии Миссана после выгрузки на станции Иловля находятся в пути к району сосредоточения Сокаревка. Передовая 98-я дивизия полковника Серегина уже там. Корпус Чанчибадзе — на подходе к станции выгрузки. За ним следует мехкорпус Свиридова. Последний эшелон отправился с Тамбовщины сегодня. Короче — из 165 железнодорожных эшелонов прибыло 60, — четко доложил Родион Яковлевич.

— Армия Гота ударила тоже сегодня. Ее и 2-ю гвардейскую отделяют 200 километров. Боюсь, что последнюю придется вводить в сражение по частям, так как время работает против нас, — задумчиво произнес А. М. Василевский и спросил у Р. Я. Малиновского:

— Что вам известно о положении под Сталинградом?

— Ничего, если не считать отрывочных сведений о намерениях Манштейна и Паулюса.

— Так вот, Родион Яковлевич, Гитлер очень верит Манштейну и подчинил ему все южные войска, а также и окруженные для координации действий по деблокаде. На реке Аксай, в районе Новоаксайский, Шестаков ведет тяжелый оборонительный бой 4-й механизированный корпус генерала Вольского. Он действует отлично, но его силы на исходе. В затылок войскам Вольского развернуты некоторые соединения 51-й армии Труфанова, но их мало. Манштейн еще не ввел главные силы, а он их непременно введет. Тормосинское направление прикрывает 5-я ударная армия Попова с 7-м танковым корпусом Ротмистрова, а вот котельниковское направление обеспечено слабо. По нашему мнению, перелом наступит на реке Мышкова.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 2290. Д. 2. Л. 447.

<sup>2</sup> Там же. Л. 442.

<sup>3</sup> Там же. Л. 447.

На ее обледеных крутых берегах мы обязаны остановить многочисленные танки Манштейна. Иначе Паулюс будет выпущен из мешка. А теперь посоветуйте нам, Родион Яковлевич, кого бить раньше в этой ситуации — Манштейна или Паулюса? — спросил А. М. Василевский.

— Лучше обоих разом, — ответил Р. Я. Малиновский.

А. М. Василевский сообщил об отсутствии свободных войск у А. И. Еременко и К. К. Рокоссовского и о наличии на сталинградском направлении из стратегических резервов только его, Родиона Яковлевича, армии и некоторых частей. Затем он сказал:

— Стоит вопрос, где использовать вашу армию: на внутреннем фронте окружения, как первоначально намечалось, или на внешнем?

Наступила пауза. Почувствовав, что она затянулась, Р. Я. Малиновский заметил:

— Опаснее не тот враг, который сидит в мешке, а тот, который хочет его развязать.

Остановить войска Манштейна в тех условиях могла лишь полнокровная 2-я гвардейская армия, и представитель Ставки А. М. Василевский на свой страх и риск принял окончательное решение. К 12 часам 18 декабря он представил Ставке мотивированный план действий армии с выходом на реку Мышкова и подчинением Р. Я. Малиновскому с 24 часов 17 декабря соединений Н. И. Труфанова, которые обеспечивали развертывание 2-й гвардейской<sup>1</sup>.

В невероятно суровых условиях зимы армия Р. Я. Малиновского покрыла расстояние в 200 километров, вытягиваясь с севера на юг между внутренним и внешним фронтами окружения паулюсовской группировки, переломила войска Манштейна на реке Мышкова и обратила их в бегство на ростовском направлении. Главным в деятельности Родиона Яковлевича в это время была организация такой группировки войск, которая позволила последовательно решить три задачи: совершить марш, отразить контрнаступление, осуществить собственное наступление. Военный совет армии продумал все до мелочей. Большая организаторская и политическая работа в войсках обеспечила дисциплинированность, сознательность и высокий наступательный порыв.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 2290. Д. 2. Л. 442.

Первой вышла к реке 98-я стрелковая дивизия полковника И. Ф. Серегина. Она сменила малочисленные полки 87-й стрелковой дивизии 51-й армии и с ходу вступила в сражение, заняв оборону в станицах Кумская, Громославка, Ивановка. Взятые в плен в ночь на 19 декабря офицер и несколько вражеских солдат показали, что на дивизию нацелены три пехотные и 17-я танковая дивизии гитлеровцев, а генеральное наступление назначено на 22 декабря.

Родион Яковлевич понял, что Манштейн собирается ввести свои последние резервы, и поспешил к И. Ф. Серегину. Выслушав рапорт командира дивизии, он подошел к стереотрубе. Перед ним открылась панорама с воронками, клубящимся дымом, стальными машинами с белыми крестами и множеством солдат. Танки предназначались для атаки на Громославку, от которой до окруженных войск Паулюса оставалось 40—45 километров. «Пропустить врага через реку Мышкова, сдать позиции — значит вызвать на себя встречный удар со стороны кольца», — подумал Малиновский, а комдиву сказал:

— Стоять насмерть, а я сделаю все, чтобы не допустить подхода их резервов.

22 декабря противник перешел в атаку. Удар пришелся по 98-й дивизии, которая заняла оборону у Громославки. Около 4 тысяч моряков Тихоокеанского флота составляли ее костяк. Это были беспримерно отважные воины. Некоторые из них даже взбирались на танки, оказывавшиеся в боевых порядках, с них поливали огнем вражескую пехоту.

В ходе сражения советские войска героически сдерживали немецко-фашистских захватчиков, нанося им потери в живой силе и технике. Многие воины совершили бесмертные подвиги. Так, у хутора Нижне-Кумский комсомолец Илья Каплунов вступил в поединок с гитлеровским танком. После первого выстрела из противотанкового ружья машина загорелась. Из-за бугра показались еще четыре танка, которые двигались прямо на бронейщика. Илья сменил позицию и продолжал вести огонь. Но в это время ему снарядом оторвало ногу, а ружье отбросило в сторону. Собравшись с силами, Каплунов метнул гранату и остановил головную машину. Затем, преодолевая боль, дотянулся до ружья, и еще два танка задымили после его метких выстрелов... Силы покидали героя. Приближение очередных вражеских машин заставило его

забыть боль. Истекая кровью, боец подбил еще три танка. Враг не прошел, но и отважный бронебойщик погиб<sup>1</sup>. О бессмертном подвиге Ильи Каплунова узнали все воины армии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1943 года И. М. Каплунову присвоено звание Героя Советского Союза. Его имя навечно зачислено в списки полка.

Весь день Военный совет 2-й гвардейской армии находился у Громославки — на наиболее горячем участке фронта, организуя контратаки войск, маневр силами и средствами, воодушевляя бойцов и командиров на ратные подвиги.

Родион Яковлевич знал, что за гвардейцами больше войск нет, а танки его армии стоят без горючего. Эти обстоятельства накладывали на него особую ответственность, и он был строже обычного. «Горючее, во что бы то ни стало нужно горючее», — говорил он И. И. Ларину и С. С. Бирюзову. Последние принимали все меры, а к вечеру, когда ослаб натиск противника, выехали в тылы.

Враг пытался прорваться на северный берег реки Мышкова. Здесь и произошли решающие бои. Непреодолимое сопротивление армии Р. Я. Малиновского и непрерывные удары авиации 8-й воздушной армии преградили путь армейской группировке «Гот»: ее наступление захлебнулось, не достигнув ближайшей цели. Гот и командующий 4-й танковой армией просили у Манштейна резервов, но тому было не до них, так как в это время северный участок фронта рушился под мощными ударами войск Юго-Западного фронта<sup>2</sup>.

Родион Яковлевич был информирован об успехе на Среднем Дону, и это вселило надежду на удержание занимаемого рубежа. Ночью он прибыл в Верхне-Царицынск — в штаб своей и 57-й армий, которые размещались вместе. Здесь Р. Я. Малиновский договорился с А. М. Василевским о доставке в армию горючего, чтобы начать наступление. Но его не оставляли тревожные мысли, поскольку танки Манштейна могли атаковать в любую минуту, а в случае вражеского прорыва ни о каком наступлении не могло быть и речи.

И тогда Р. Я. Малиновский пошел на риск. Он решил вывести ночью все танки на последнем горючем из укры-

<sup>1</sup> История второй мировой войны 1939—1945. Т. 6. М., 1976. С. 68.

<sup>2</sup> Там же.

тий, имитируя ими боевой порядок для атаки, чтобы ут-ром устрасшить врага и тем самым задержать его на месте. Около 600 стальных машин выползли из оврагов и балок на открытую местность и выстроились по всей линии фронта. Только под одной Громославкой гвардейцы насчитали более 100 танков. Эффект был потрясающим. Увидев множество машин, Гот не решился перейти своими войсками в атаку. В стане врага забеспокоились. Было отправлено донесение в ставку Гитлера: «Вся степь усеяна советскими танками». Гот получил приказание перейти к обороне.

Время было выиграно, танковые соединения и части 2-й гвардейской армии получили горючее и всей мощью обрушились на противника. Безусловно, в создании кризисной ситуации для группы армий «Дон» в целом решающее значение имело успешное наступление советских частей в районе Среднего Дона под руководством Ставки ВГК<sup>1</sup>. Но ее поражению способствовало и беспримерное упорство войск Р. Я. Малиновского в отражении вражеского танкового тарана на реке Мышкова с последующим переходом в контрнаступление на главном направлении.

...В конце января погиб близкий и дорогой Родиону Яковлевичу человек — И. И. Ларин, с которым он разделял фронтовые заботы с первых дней Великой Отечественной. Сероглазый оренбуржец с открытым и добрым взглядом, высоко зачесанными и изрядно побелевшими от войны волосами прожил только 40 лет. Малиновский очень тяжело перенес утрату, которая вытеснила в нем радость награждения орденом Суворова I степени за разгром Манштейна и наполнила воспоминаниями о жизнерадостности и бесстрашии боевого товарища. Вместо И. И. Ларина в армию прибыл генерал-майор Н. Е. Субботин. Но Малиновскому не пришлось с ним работать — 2 февраля 1943 года Родиона Яковлевича вновь назначили командующим Южным фронтом.

К этому времени войска Юго-Западного и Южного фронтов вышли на нижнее течение Северского Донца и Дона и охватили с севера и юга вражескую группу армий «Дон». Она насчитывала 22,5 дивизии, из них 10 дивизий, в том числе 6 танковых и моторизованных, оборонялись перед 51-й и 28-й армиями Южного фронта. Обстановка

<sup>1</sup> История второй мировой войны 1939—1945. Т. 6. С. 68.

благоприятствовала развитию наступления на всем южном участке советско-германского фронта: сопротивление противника было сломлено, в прорванной обороне образовалось много пустых участков, а правое крыло Юго-Западного фронта нависало над Донбассом — главной угольно-металлургической базой страны. В целях освобождения этого района Ставка решила осуществить операцию «Скачок» силами Юго-Западного и Южного фронтов. Войска первого фронта ударом из района Старобельска через Славянск на Мариуполь должны были отрезать пути отхода гитлеровцев на запад. Второму фронту предстояло завершить разгром ростовской группировки врага, наступать на запад вдоль Азовского моря и помочь Юго-Западному уничтожить донбасскую группировку.

Родион Яковлевич принял фронт в ходе наступления, когда соединения растянулись, войска устали и тылы увязли в весенней распутице. Несмотря на это, настроение воинов было боевое — гнать фашистскую нечисть как можно дальше. Войска Южного фронта устремились к Ростову, который 14 февраля 1943 года навсегда стал советским. А за два дня до этого Родиону Яковлевичу было присвоено очередное воинское звание — генерал-полковника. Это было признанием его Ставкой Верховного Главнокомандования военачальником, способным управлять большими войсковыми массами, оснащенными мощными средствами борьбы.

Преследуя отходившего из-под Ростова противника, войска Р. Я. Малиновского через три дня вышли на реку Миус и встретили упорное сопротивление на заранее подготовленной полосе обороны группы армий «Юг», созданной на базе группы армий «Дон».

Больше двух недель войска Южного фронта вели напряженные бои, но прорвать вражескую оборону не удалось.

За время длительных наступательных сражений дивизии очень устали. Из-за разрушенных при отступлении оккупантами железных дорог тылы не успевали обеспечивать их боеприпасами, горючим и продовольствием.

Однако боевые действия Южного фронта на Миусе сковали значительные силы противника, которые предназначались для контрнаступления против войск Юго-Западного и Воронежского фронтов.

22 марта 1943 года, когда обстановка в Восточном Донбассе нормализовалась, Родион Яковлевич по приказу

Ставки передал фронт генерал-лейтенанту Ф. И. Толбухину и вступил в командование Юго-Западным фронтом вместо Н. Ф. Ватутина, который в свою очередь принял Воронежский фронт. Здесь Р. Я. Малиновскому присвоили звание генерала армии. Членом Военного совета фронта остался А. С. Желтов, начальником штаба — С. П. Иванов, а в конце мая прибыл Ф. К. Корженевич.

Юго-Западный фронт стоял в обороне на Северском Донце. В ряде мест он располагался на небольших плацдармах, наиболее важные из них были сохранены южнее Змиева и юго-восточнее Изюма. Результаты зимней кампании 1942/43 годов не могли не радовать. Советские армии прошли от Волги до Дона огромное расстояние и достигли района неоднократных и продолжительных сражений сорок первого, когда Р. Я. Малиновский был командармом, и сорок второго, когда командовал Южным фронтом. А теперь во главе Юго-Западного фронта ему предстояло идти вперед по исхоженным маршрутам. Все они были знакомы Родиону Яковлевичу и свежи в памяти, дотла разрушенные и сожженные, неоднократно переходившие из рук в руки донбасские города. Ему было о чем вспомнить и что рассказать. Боевой опыт, знание театра военных действий, профессиональная оценка явлений, широта оперативно-стратегического мышления и спокойно уверенная манера общения Р. Я. Малиновского с людьми покорили и подчинили ближайшее окружение с первых дней его работы на новом посту.

Курская битва летом 1943 года была важнейшим событием на всем советско-германском фронте. Р. Я. Малиновский не имел непосредственного отношения к ней в оборонительный период, тем не менее его фронт примыкал к Курскому выступу с юга и был готов вступить в сражение в случае глубокого прорыва немецко-фашистских войск. Но этого не случилось: слишком сильная была оборона. В глубине ее стоял Степной фронт И. С. Конева в виде мощного объединения резервов Ставки. Часть армий фронта 12 июля совместно с войсками Воронежского фронта Н. Ф. Ватутина перешли в наступление и к 23 июля вышли к рубежу, откуда началось наступление противника 5 июля. Вслед за тем оба фронта приступили к подготовке контрнаступления на белгородско-харьковском направлении.

Действия Южного и Юго-Западного фронтов увязывались одной задачей, полученной через два дня после

начала наступления гитлеровцев на Курской дуге. Они должны были в соответствии со стратегическим планом Ставки ВГК сковать противника в Донбассе и отвлечь его дивизии с направления главного удара под Курском.

Получив больше сил и средств, чем Южный фронт, Родион Яковлевич решил 1-й и 8-й гвардейскими армиями в центре рассечь вражескую оборону на направлении Изюм, Барвенково, Красноармейское и окружить гитлеровцев восточнее реки Днепр, соединившись с войсками Ф. И. Толбухина западнее Сталино. Против Юго-Западного фронта действовали 1-я танковая армия, три дивизии 4-й танковой армии и другие соединения противника. Всего — 14 пехотных и 3 танковые дивизии, в том числе одна в резерве южнее Барвенково и другая — в районе Константиновки. Вражеская оборона имела несколько линий траншей, сотни дотов, дзотов и блиндажей, множество проволочных и минных заграждений. Основная группировка этих войск располагалась на направлении главного удара фронта. Поэтому прямой и быстрый разгром их обещал успех на всем Юго-Западном стратегическом направлении.

На правом крыле фронта 57-я и 6-я армии должны были содействовать войскам южного фаса Курского выступа в разгроме белгородско-харьковской группировки противника, а на левом — из Лисичанска на Артемовск наносила вспомогательный удар 3-я гвардейская армия. Во втором эшелоне располагалась 12-я армия. Подвижную группу составили 23-й танковый и 1-й гвардейский механизированный корпуса, которыми планировалось замкнуть кольцо окружения.

Войскам Ф. И. Толбухина планировалось включиться в наступление в районе реки Миус одновременно с Юго-Западным фронтом 17 июля. Ставка ожидала от них активных действий. Родиону Яковлевичу впервые предстояло управлять мощным фронтом при прорыве сильно укрепленной обороны противника. Так, если к январю 1942 года, когда Р. Я. Малиновский стал командующим и в этом же районе приступил к подготовке Барвенково-Лозовской наступательной операции, фронт насчитывал 5 общевойсковых армий, 520 тысяч человек, 2,7 тысячи орудий и минометов всех калибров, 150 танков, то к июлю 1943 года — началу подготовки операции на Юго-Западном фронте, куда он только что прибыл, имелось 6 общевойсковых армий, танковый и механизированный кор-

пуса, 736 тысяч человек, 15 тысяч орудий и минометов, 1355 танков<sup>1</sup>.

Взросшая техническая оснащенность войск способствовала увеличению размаха операций и наращиванию огневого превосходства над противником на направлениях главных ударов. На основе накопленного боевого опыта увереннее начали действовать командиры всех степеней и их штабы. Более конкретными стали планирование операций, постановка задач войскам и обеспечение их силами и средствами.

Однако при решении вопросов, возникавших в ходе подготовки операции, Родиона Яковлевича и его штаб больше всего беспокоило обеспечение превосходства над гитлеровцами на направлении главного удара фронта против наиболее сильного участка вражеской обороны. Это требовало значительного сосредоточения войск.

За 9—10 дней до начала боев военные советы фронта и армий уделили особое внимание разведке противника, организации артиллерийского и авиационного наступления, форсированию реки, правый берег которой господствовал над левым, оборудованию сети наблюдательных пунктов, расположившихся на крышах строений и самых высоких деревьях прифронтового лесного массива, материально-техническому обеспечению и другим важным вопросам. При обучении войск главное внимание было уделено отработке вопросов прорыва глубокоэшелонированной и хорошо оборудованной в инженерном отношении обороны врага, ведения боя в траншеях, борьбы за населенные пункты.

Под руководством военных советов в частях и соединениях фронта заканчивалась перестройка партийных и комсомольских организаций в свете постановления ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 года, которое было направлено на реорганизацию их структуры. В батальонах, дивизионах и им равных подразделениях создавались первичные партийные и комсомольские организации, а в полках партбюро стали работать на правах партийных комитетов. В результате на фронте появилось более 4200 первичных партийных и 4100 первичных комсомольских организаций, объединивших в своих рядах около 129 тысяч коммунистов и 128 тысяч комсомольцев, то есть

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 996. Д. 22. Л. 30—35; Д. 23/1—карта; Оп. 982. Д. 1, 2 — карты.

количество партийных и комсомольских организаций увеличилось в два раза. Это позволило им резко усилить влияние на личный состав, оперативнее решать поставленные боевые задачи, эффективнее воспитывать советских воинов в духе патриотизма. Партийно-политическая работа приобретала широкий размах и сыграла важную роль в повышении морально-боевых качеств солдат и офицеров.

Наступление войск под командованием Р. Я. Малиновского началось после артиллерийской и авиационной подготовки. Десять дней шло сражение. Противник предпринимал до 13—18 контратак в сутки. В них нередко участвовало по несколько тысяч солдат при поддержке танков и авиации.

В первый день боев на изюм-барвенковском направлении войска фронта форсировали Северский Донец, вклинились в оборону врага до 5 километров и навели деревянные мосты. Гитлеровцы бросали на прорыв все новые и новые резервы. На этот участок были повернуты войска, направлявшиеся в район Белгорода. Более того, немецко-фашистское командование сняло с белгородского направления несколько дивизий и бросило их против наступавших армий Р. Я. Малиновского, чем во многом облегчило продвижение советских частей на харьковском направлении. За три дня на главном направлении наступления войск Юго-Западного фронта противник потерял только убитыми до 20 тысяч человек.

Армии Р. Я. Малиновского тоже понесли большие потери, вследствие чего наступление было приостановлено. Командующий Южным фронтом получил приказ Ставки об отводе своих войск на левый берег Миуса. Этим маневром намечалась перегруппировка и пополнение частей и подразделений. К Р. Я. Малиновскому из резерва Ставки прибыла 46-я армия генерала В. В. Глаголева.

Прерванная операция явилась прелюдией к освобождению Донбасса. Она сковала действия больших сил противника, чем ослабила его белгородско-харьковское направление, а это, в свою очередь, способствовало решению общей стратегической задачи на южном крыле советско-германского фронта. На правом берегу Северского Донца в районе Изюма был захвачен плацдарм в 36 километров по фронту и 3—5 километров в глубину. Операция помогла приобрести навыки в форсировании больших водных преград с наведением наплавных и деревянных мос-

тов. Дала возможность вскрыть недостатки в организации и ведении крупного наступления, полностью разведать систему мощной обороны противника. Военный совет Юго-Западного фронта во главе с Р. Я. Малиновским обобщил опыт и извлек уроки из июльских боев.

Наступила середина августа. Степной и Воронежский фронты от контрнаступления, начавшегося 3 августа, без паузы перешли в общее наступление на Харьков, создав этим угрозу флангу и тылу немецко-фашистской группировки, оборонявшейся в Донбассе.

Для обхода Харькова с юга Ставка передала 57-ю армию из Юго-Западного фронта в состав Степного, чем создала условия для продолжения Донбасской операции войсками Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина с некоторыми уточнениями плана. Координировать их действия было приказано маршалу А. М. Василевскому. По согласованию с ним Р. Я. Малиновский представил в Ставку план главного удара на правом крыле фронта. Ставка не согласилась с ним и 6 августа приказала сосредоточить основные усилия по-прежнему в центре.

Родион Яковлевич по опыту июльских боев отчетливо представлял, что разгромить противника будет нелегко, так как придется наступать в чрезвычайно трудных условиях: наличие многочисленных водных преград, плотное оперативное построение вражеских войск на сильно укрепленных позициях с огромным количеством огневых средств.

Чтобы увеличить шансы на успех операции, Р. Я. Малиновский организовал боевую подготовку соединений и днем и ночью. Были отработаны вопросы форсирования рек, прорыва главной полосы гитлеровской обороны, боя в траншеях, взаимодействия между родами войск. Особое внимание уделялось графику артиллерийской подготовки, который включал 5-минутный налет, 60-минутный огонь на разрушение и 10-минутный удар всей артиллерией вновь по переднему краю с последующим переносом в глубину обороны перед атакой пехоты.

Была усилена партийно-политическая работа в войсках. Военный совет, начальник политуправления фронта М. В. Рудаков и его аппарат, политработники частей и подразделений разъясняли личному составу значение освобождения Донбасса, рассказывали об успешном наступлении на Харьков Воронежского и Степного фронтов,

которое создало угрозу флангу и тылу немецко-фашистской группировки, оборонявшейся в Донбассе.

Главный удар наносился 6-й и 12-й армиями генералов И. Т. Шлеммина и А. И. Данилова в центре фронта с плацдарма в районе Изюм, Богородичное, завоеванного в июльских боях. Войска второго эшелона — 8-я гвардейская армия генерала В. И. Чуйкова имела задачу совместно с 23-м танковым корпусом генерала Е. Г. Пушкина и 1-м гвардейским механизированным корпусом генерала И. Н. Руссиянова развить успех 6-й и 12-й армий; 46-й армии генерала В. В. Глаголева предстояло действовать в зависимости от обстановки — на правом крыле или в центре фронта. Общее направление наступления главной ударной группировки — Барвенково, Павлоград. Вспомогательный удар планировался войсками 1-й гвардейской армии генерала В. И. Кузнецова на правом крыле фронта в направлении Змиева для содействия Степному фронту. С этой целью наступление здесь началось на три дня раньше и успешно продолжалось. Уже 18 августа был освобожден Змиев. В тот же день выступили войска Южного фронта на реке Миус во взаимодействии с 3-й гвардейской армией Юго-Западного фронта, которой командовал генерал Г. И. Хетагуров.

Перешедшая в атаку 16 августа ударная группировка Р. Я. Малиновского продвигалась медленно, так как угрожала противнику наикратчайшим путем выйти к Днепру и отрезать его донбасскую группировку. Для того, чтобы не сдать свои позиции, в конце первого же дня фашисты ввели в бой 23-ю танковую дивизию из резерва. Разгорелось ожесточенное сражение, в котором участвовали сотни машин и тысячи воинов. В район прорыва гитлеровцы стягивали свежие силы: четыре пехотные и одну моторизованную дивизии. Для усиления ударов по врагу генерал Р. Я. Малиновский направил на передовую из-за правого крыла фронта 46-ю, а на главном направлении — 8-ю гвардейскую армии. Остановить наступление советских войск было невозможно. Обозначился прорыв оперативной глубины вражеской обороны, тем более что в это время с севера на Харьков продвигались соединения Степного фронта, а в приморской полосе войска Южного фронта прорвали укрепленные позиции противника на реке Миус. Назревал новый Сталинград.

Родион Яковлевич, оценив обстановку, пришел к выводу: гитлеровцы, над которыми нависла угроза окруже-

ния, скоро начнут отход из Донбасса. Теперь задача заключалась в том, чтобы своевременно обнаружить начало отступления, особенно на флангах, где было сосредоточено ограниченное количество наших сил.

Исходя из этого, Р. Я. Малиновский на Военном совете фронта принял решение: 23-й танковый корпус Е. Г. Пушкина и 1-й гвардейский механизированный корпус И. Н. Руссиянова, действовавшие на барвенковском направлении, как можно быстрее перебросить на левое крыло фронта и использовать для выхода во фланг отходящего противника, с тем чтобы освободить Красноармейское, Синельниково и перерезать пути отхода гитлеровцев к днепропетровским и запорожским переправам. 33-й стрелковый корпус из 6-й армии передать туда же в полосу 3-й гвардейской армии под командованием Д. Д. Лелюшенко, который только что сменил Г. И. Хетагурова. 46-я армия получила приказ решительным продвижением на юг создать угрозу окружения врага западнее и южнее Балаклеи, а также изолировать донбасскую группировку противника от харьковской, обеспечив правое крыло фронта. Командующим армиями главного удара необходимо было усилить натиск, не давая возможности фашистам заметить рокировку войск к флангам.

В ночь на 2 сентября в штаб фронта в Верхне-Соленое (возле Боровой) поступили сообщения с флангов, что начался отход немецко-фашистских войск. Перегруппировка корпусов опаздывала. Ждать было нельзя. И Р. Я. Малиновский отдал приказ приступить к преследованию врага.

На фланги срочно выехали А. С. Желтов и Ф. К. Корженевич. Весь штаб был поднят на ноги для ускорения выдвижения корпусов в исходные районы, шел сбор информации, особенно с флангов, и оценивалась обстановка для принятия новых решений.

Утром 6 сентября подвижные части фронта — корпуса Е. Г. Пушкина и И. Н. Руссиянова начали преследование врага. За ними успешно продвигались части Д. Д. Лелюшенко, которые имеющимися силами нанесли мощный удар по фашистам и, сбивая их арьергарды, овладели Лисичанском. К 8 сентября советскими войсками были освобождены Артемовск, Краматорск, Константиновка, Красноармейское. В этот день Москва салютовала войскам, участвовавшим в освобождении этих городов, 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

С овладением Красноармейским и выходом корпусов Е. Г. Пушкина и И. Н. Руссиянова во фланг барвенковской группировки врага нависла угроза над ее коммуникациями с юга. Для противника был потерян смысл обороны промежуточных тыловых рубежей, проходивших с запада на восток, для прикрытия Донбасса с севера, и он начал вынужденный отход на барвенковском направлении.

Родион Яковлевич требовал от своих войск решительных действий по преследованию фашистов до Лозовой, чтобы затем повернуть на юго-запад и зажать донбасскую группировку врага, отсекая ее от днепровских переправ.

Гитлеровцы не знали остановок ни днем, ни ночью. Их тылы были дезорганизованы. Неся огромные потери, враг беспорядочно отступал, лишь бы поскорее укрыться за Днпром. Исходя злобой, фашисты поджигали города и села, уничтожали фабрики и заводы, выводили из строя промышленное оборудование. В груды металла превращали сельскохозяйственный инвентарь. Затопляли шахты, минировали дороги, взрывали мосты. Грабили и убивали местных жителей, в том числе детей и стариков. Их злодеяния вызывали у советских воинов еще большую ненависть к фашистским извергам.

11 сентября передовая бригада корпуса Е. Г. Пушкина достигла важнейшего узла коммуникаций Приднпровья — Синельниково. Противник ожесточенно сопротивлялся. В тот же день он контратаковал левый фланг войск Д. Д. Пелюшенко дивизией с 50 танками, желая отрезать пехоту от ушедших вперед подвижных соединений, задержать ее продвижение и тем спасти положение своих отходящих частей. Однако контратака была отбита, и преследование продолжалось.

Наконец открылись подступы к Днепру. В штаб фронта поступили данные, что гитлеровцы укрепляют Павлоград, Запорожье и другие приднепровские города. Повсюду чувствовалось, что по мере приближения к водному рубежу усиливается сопротивление противника.

Чтобы не дать возможности врагу опомниться и продолжать оборону, Р. Я. Малиновский приказал А. И. Данилову, командующему 12-й армией, организовать ночной штурм Павлограда двумя стрелковыми дивизиями (333-й и 172-й), атакуя с севера и востока совместно с авиацией 17-й воздушной армии. Он понимал, что взаимодействие войск в ночном бою — основа успеха, поэтому лично принял участие в разработке операции.

В намеченных для штурма дивизиях были проведены партийные и комсомольские собрания, беседы и митинги, выпущены листовки, а в подразделениях — боевые листки. В соединениях фронта служили люди многих национальностей нашей страны и все они считали своим долгом участвовать в освобождении городов и сел Советской Украины. Эти мысли и чувства бойцов хорошо выразил на проходившем в 12-й армии митинге узбек Сасрар Хопраев, который сказал: «В боях за Павлоград я буду в первых рядах... Освобождая украинские земли от немецко-фашистских захватчиков, мы боремся за счастье узбекского и всех других народов нашей Родины». Перед штурмом города лучшие воины вступали в члены партии и комсомола.

Вечером 17 сентября войска Юго-Западного фронта вышли к реке Самара, форсировали ее вброд, поскольку мосты были взорваны, и к часу ночи следующего дня заняли рубежи для штурма. Появление советской пехоты и танков ночью на окраинах Павлограда оказалось совершенно неожиданным для противника. Оправившись от внезапной атаки, фашисты оказали ожесточенное сопротивление, но были разгромлены в уличных боях.

В журнале боевых действий 679-го немецкого пехотного полка была сделана такая запись: «...в 3 часа 30 минут 18 сентября произошло нападение сильной группы русских на штаб полка в Павлограде. Командир полка и его начальник штаба спаслись бегством через окно. В штабе брошены секретные документы».

К 16 часам город и железнодорожная станция были очищены от гитлеровских захватчиков. При освобождении Павлограда войскам Р. Я. Малиновского оказывали помощь местное население, партизаны и подпольщики. Военному совету фронта сообщали, что во время уличных боев молодые патриоты (подростки 12—15 лет) пробирались к бойцам и передавали им данные об опорных пунктах фашистов и заминированных объектах.

Боевой дух советских воинов был высоким, они понимали ту огромную ответственность за судьбу Родины, которая легла на их плечи. Подразделения, части и соединения фронта дрались героически, упорно освобождая каждую пядь родной земли. Так, бойцы 907-го полка 244-й стрелковой дивизии, преследуя противника, безуспешно атаковали вражеские позиции у села Вербовое. Подтянув свежие силы, гитлеровцы перешли в контратаку

и прорвали линию обороны полка. Два танка шли прямо на штаб, где размещался санитарный пункт. Нужно было во что бы то ни стало остановить их и тем спасти раненых. Когда танки приблизились на 60—70 метров к штабному блиндажу, санинструктор В. О. Гнаровская, схватив связку гранат, кинулась навстречу «тигру» и подорвалась вместе с ним. Подоспевшие бойцы отразили вражескую атаку. В. О. Гнаровской посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Вербовое, совхоз, улица города Подпорожье, где Валерия провела школьные годы, названы ее именем, а в парке Верхне-Свирской ГЭС ей сооружен памятник.

К 15 сентября на южном крыле группы армий «Юг» в Донбассе образовалась огромная брешь, и немецко-фашистское командование распорядилось об отводе прилежавших к ней войск за реки Днепр и Молочную, на «Восточный вал».

Советские части были неустрашимы в своем стремлении выйти к Днепру. И наконец Днепр. Солдаты и офицеры прильнули запекшимися и потрескавшимися губами к холодной воде.

— Не задерживаться! Вперед, на ту сторону! Тащи лодки!.. Щиты давай... доски!.. — командовал лейтенант С. П. Шпаковский, увлекая за собой к берегу ночную группу разведчиков в районе Аулы, что северо-западнее Днепропетровска.

Вооружившись пулеметом и автоматами, двадцать воинов быстро погрузились в лодки и отплыли под грохот артиллерийских батарей. Над головами пролетали снаряды. Некоторые падали рядом, поднимая фонтаны воды. Фашисты стреляли наугад, освещая ракетами реку. Вдруг усилился ветер, и крайнюю лодку стало относить к вражескому сторожевому посту, который значился на карте лейтенанта. Застрочил пулемет. Кто-то приглушенно сказал:

— Назад! Нас заметили!

— Наша дорога только вперед! — решительно отрезал боец Зайцев и с еще большей силой навалился на весла.

— Огонь! — командовал С. П. Шпаковский, увидев, что берег совсем рядом.

Гитлеровцы не ожидали столь дерзкой высадки и попытались назад под ливнем огня. Воспользовавшись их замешательством, молодой коммунист Гасрат Алиев, зайдя сбоку, прыгнул на пулеметчика, в рукопашной схватке

овладел пулеметом и очередью срезал фашистов, бежавших из глубины. Небольшой участок берега оказался в руках советских воинов<sup>1</sup>.

Последовал сигнал, и за группой смельчаков 496-й отдельной разведывательной роты 236-й стрелковой дивизии Героя Советского Союза полковника И. И. Фесина устремился ее 509-й стрелковый полк полковника И. М. Орлова. Он сбил боевое охранение противника и закрепился.

Так воины Юго-Западного фронта Р. Я. Малиновского начали захват плацдарма на правом берегу Днепра, на который переправились все части И. И. Фесина, а к 1 октября еще две дивизии 46-й армии генерала В. В. Глаголева. Многочисленные попытки противника сбросить советские части в реку разбились о стойкость и мужество героев. 46-я армия прочно закрепилась на Аульском плацдарме. Ее командующий В. В. Глаголев был удостоен звания Героя Советского Союза. За этот подвиг 25 воинов 236-й стрелковой дивизии стали Героями Советского Союза, а командир дивизии полковник И. И. Фесин получил вторую медаль «Золотая Звезда».

Другой важный плацдарм был захвачен в ночь на 26 сентября в районе Войковское, южнее Днепропетровска. Здесь отличились части 25-й гвардейской стрелковой дивизии Г. А. Криволапова 6-й армии и 333-й стрелковой дивизии А. М. Голоско 12-й армии. Штаб фронта разместился в Богдановке — ближе к Днепру.

На этом закончилась 75-дневная эпопея по освобождению Донбасса, выходу к Днепру и захвату плацдармов. Но предстояла еще длительная борьба за крупную водную магистраль и превращение ее в исходный рубеж для последующих ударов советских войск.

В результате одержанных побед Родине были возвращены богатейшие земли, за которые особенно долго, упорно и жестоко дрались противоборствующие стороны, где сотни тысяч фашистов постиг бесславный конец.

За освобождение Донбасса войсками Юго-Западного и Южного фронтов Р. Я. Малиновский и Ф. И. Толбухин были удостоены новой полководческой награды — ордена Кутузова I степени. А. С. Желтов получил орден Ленина, а Ф. К. Корженевич — орден Суворова II степени. Родина высоко оценила подвиг солдат и офицеров Юго-Западного

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 113. Оп. 1448. Д. 11. Л. 159—170.

фронта в трех дивизиях, захвативших плацдармы первыми, появилось 62 Героя Советского Союза.

Наступил октябрь 1943 года. Шла битва за Днепр, жестокая и решительная. Войска Юго-Западного фронта очищали левобережье нижнего течения, расширяли и закрепляли плацдармы на правом берегу и готовились к дальнейшим действиям.

Большого напряжения потребовала ликвидация запорожского плацдарма противника на левом берегу Днепра. Она явилась необходимым условием успешного наступления Красной Армии на южном крыле советско-германского фронта. Этот плацдарм образовался на стыке Юго-Западного и Южного фронтов. Вначале предполагали взять его с ходу, однако не смогли добиться успеха, так как на плацдарме были внешний и внутренний оборонительные обводы, промежуточный рубеж между ними и три рубежа с системой опорных пунктов и узлов сопротивления в самом городе. Обороняли Запорожье одна танковая и семь пехотных вражеских дивизий. Гитлер приказал любой ценой удерживать плацдарм.

Ставка ВГК потребовала уничтожить противника и освободить запорожский плацдарм. Командующий Юго-Западным фронтом Р. Я. Малиновский и представитель Ставки А. М. Василевский 2 октября прибыли в 8-ю гвардейскую армию, чтобы на месте разобраться в обстановке и ознакомиться с состоянием войск, наступление которых планировалось на главном направлении. На командном пункте в Михайлово-Лукашеве их встретил командарм В. И. Чуйков. После сталинградской эпопеи и участия на главном направлении в Донбасской операции он приобрел большую известность: его имя стало символом мужества и героизма. Представителю Ставки и комфронтом была знакома военная биография этого бесстрашного человека: боевое крещение он получил на улицах Москвы во время подавления эсеровского мятежа в восемнадцатом году, командовал полком в гражданскую войну, за что награжден двумя орденами Красного Знамени, участвовал в советско-финляндской войне.

В. И. Чуйков и вызванный командующий 3-й гвардейской армией Д. Д. Лелюшенко доложили о нехватке боеприпасов и других трудностях, которые они собирались устранить за несколько дней. Было решено приостановить наступление для пополнения частей боеприпасами и усиления войск запорожского направления: 12-я армия

А. И. Данилова включалась в состав ударной группировки, а две стрелковые дивизии 1-й гвардейской армии под командованием В. И. Кузнецова выводились в резерв фронта. 3 октября Ставка утвердила это решение.

Наступление началось 10 октября после 40-минутной артподготовки. Несмотря на яростное сопротивление противника, атакующие войска подошли к внутреннему городскому обводу, но взять его с ходу не смогли.

Родион Яковлевич в ночь на 13 октября созвал расширенное заседание Военного совета. На наблюдательный пункт, недалеко от Богдановки, были приглашены командующие родами войск фронта, армиями, командир механизированного и танкового корпусов. Вопрос стоял один — как лучше и быстрее овладеть Запорожьем. Командующий фронтом терпеливо выслушивал различные варианты штурма, сравнивал точки зрения и искал наиболее оптимальное решение. Наконец он поднялся и, сделав паузу, спокойно сказал:

— Ликвидация плацдарма является необходимым условием успешного наступления нашего и Южного фронтов. Полагаю штурмовать Запорожье ночью с таким расчетом, чтобы к рассвету овладеть городом и плотиной. Главный удар — в центре 8-й гвардейской армией, усиленной 1-м гвардейским механизированным и 23-м танковым корпусами. С севера будет наступать 12-я армия, а с юга — 3-я гвардейская армия. 17-й воздушной наносить мощные бомбовые удары по переправочным средствам, не допуская какого бы то ни было маневра войск противника. Детали — в ходе подготовки. Какие будут принципиальные вопросы? <sup>1</sup>

Воцарилась тишина. Р. Я. Малиновский ждал возражений против ночного штурма города, потому что в те времена трудно было его осуществить таким большим количеством войск и намечался он впервые в Великой Отечественной войне. Поэтому Родион Яковлевич понимал беспокойство командующих 3-й гвардейской и 12-й армиями. Однако от них ему нужна была осознанная необходимость.

— Правильно! Возьмем Запорожье! — расколот тишину басистый голос В. И. Чуйкова.

Р. Я. Малиновский рассчитывал на сталинградский опыт Василия Ивановича, зная, как ему неоднократно

<sup>1</sup> ЦАМО, Ф. 19а, Оп. 2714, Д. 2, Л. 50.

приходилось выбивать гитлеровцев из захваченных домов и целых кварталов, использовать артиллерию, организовывать взаимодействие войск в боях за город. Он полагался на его железную волю, умение быстро и уверенно ориентироваться в самой сложной обстановке и, наконец, на смелость и решительность. В. И. Чуйкова поддерживали прославившиеся своей боевой дерзостью командиры подвижных корпусов. По лицу Родиона Яковлевича пробежала легкая улыбка, означавшая, как ему дорого такое понимание.

Срочно была проведена кратковременная специальная подготовка войск к ночным действиям, к бесшумным и стремительным атакам с применением световых сигналов при движении, ракет и трассирующих пуль при определении направлений атак и огня. Особое внимание уделялось механизированному и танковому корпусам И. Н. Руссиянова и Е. Г. Пушкина. Были сформированы танковые десанты и штурмовые группы для ночных уличных боев.

Наступление началось в 22 часа 13 октября на 30-километровом фронте. Вскоре внутренний оборонительный обвод противника был прорван, и советские войска начали штурм непосредственно города. Ошеломленный внезапными действиями крупных сил ночью, враг не смог преодолеть страха, усиленного темнотой и неясностью обстановки, не сумел организовать сопротивление, дрогнул, начал бросать оружие, технику и в панике отступать.

К рассвету 14 октября войска фронта ворвались на окраины Запорожья с севера, востока и юга. Родион Яковлевич находился у В. И. Чуйкова на командном пункте в Камышевах. Вместе с ним он решал трудные задачи, стремясь избежать недоразумений в сложной обстановке боев, сюда же поступала информация о действиях А. И. Данилова, Д. Д. Лелюшенко.

В центре города завязались уличные бои. Блокируя и обходя отдельные пункты врага, к 13 часам советские соединения овладели городом и вышли к левому берегу Днепра, покончив с запорожским плацдармом. Более 20 воинов стали Героями Советского Союза, а тысячи бойцов и офицеров за освобождение Запорожья были награждены орденами и медалями.

Так Р. Я. Малиновский совершенствовал искусство ночных атак, штурмов, боев. Он опрокинул широко бытовавшее представление о том, что ночные бои можно вести подразделениями не более батальона и с ограниченной

целью. Мастерство управления войсками почую получило большое развитие в его полководческой деятельности.

В это время на правом крыле фронта 6-я армия И. Т. Шлеммина, 1-я гвардейская В. И. Кузнецова и часть сил 12-й армии А. И. Данилова расширяли и закрепляли плацдармы севернее и южнее Днепропетровска, а также отражали многочисленные контратаки и удары противника, стремившегося сбросить советские войска в Днепр.

Затем 3-я гвардейская армия Д. Д. Лелюшенко вошла в состав Южного фронта Ф. И. Толбухина, а четыре стрелковые дивизии и корпус И. Н. Руссиянова — Степного фронта И. С. Конева. С выходом войск на Днепр 20 октября Юго-Западный фронт был переименован в 3-й Украинский.

После ликвидации запорожского плацдарма противника оперативно-стратегическая обстановка на юге Украины изменилась в пользу советского командования. Р. Я. Малиновский, произведя перегруппировку, получил возможность сосредоточить усилия дивизий на расширении плацдармов в днепровской излучине: у Днепродзержинска и Днепропетровска. Здесь появилась возможность окружения гитлеровцев. Для этой цели Родион Яковлевич решил ударить по сходящимся направлениям 46-й армией с азовского плацдарма и 8-й гвардейской с плацдарма, захваченного в районе Войсковое. На исходе второго дня сражения, начавшегося 23 октября, командующий 46-й армией В. В. Глаголев ввел в бой свой резерв — 195-ю стрелковую дивизию. Ее части, наступая вдоль правого берега Днепра, на рассвете ворвались в Днепродзержинск с юга и юго-запада. Впереди оказалась группа бойцов 2-го батальона 604-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта Н. М. Гашкова. Она пробилась на южную окраину города. Захватив фашистскую штабную автомашину с пулеметом, Н. М. Гашков сел за руль и повел ее на большой скорости по улицам Днепродзержинска, а пулеметчик в это время поливал огнем гитлеровцев. Благодаря стремительным действиям было предотвращено разрушение Днепродзержинска, который при содействии части сил 152-й стрелковой дивизии в полдень 25 октября стал полностью свободным.

Одновременно с боями за Днепродзержинск части 152-й и 39-й гвардейской стрелковых дивизий соответственно 46-й и 8-й гвардейской армий форсировали Днепр у Днепропетровска. Вперед вырвалась десантная группа

из семнадцати человек капитана И. А. Рудниченко. Она зацепилась за берег и держалась в течение суток, обеспечив переправу основных сил 120-го стрелкового полка подполковника Ю. М. Мазного 39-й гвардейской дивизии. В неравном бою И. А. Рудниченко погиб, а девять бойцов были ранены. В их числе оказалась санинструктор 4-го батальона старший сержант В. С. Кащеева. Подписывая с А. С. Желтовым наградной лист на нее, Родион Яковлевич обратил внимание на то, что 20-летняя девушка из Барнаула проявила себя подобным образом и в битве на Волге: несмотря на ранение, не покинула поле боя. Два ордена Красной Звезды и медаль «За отвагу» на ее груди — наглядное свидетельство храбрости. И Р. Я. Малиновский, не колеблясь, согласился представить В. С. Кащееву за мужество к ордену Ленина и медали «Золотая Звезда».

К утру 25 октября соединения фронта обошли Днепропетровск и поставили противника под угрозу окружения. Бросив оружие и технику, он обратился в бегство.

Так были разгромлены вражеские войска в излучине Днепра и Родине возвращены Днепропетровск и Днепро-дзержинск — важные промышленные центры юга Украины.

За форсирование Днепра, освобождение Запорожской и Днепропетровской областей от немецко-фашистских захватчиков более чем 200 воинам Юго-Западного фронта было присвоено звание Героя Советского Союза. Многие соединения и части удостоены почетных наименований «Артемовских», «Славянских», «Краматорских», «Константиновских», «Запорожских», «Днепропетровских» и других. Большие плацдармы 2-го и 3-го Украинских фронтов в районе Кременчуга и Днепропетровска явились исходными позициями для операций советских войск на Правобережной Украине.

## ОТ ДНЕПРА ДО ДНЕСТРА

Готовясь к новому наступлению, Р. Я. Малиновский не переставал думать о большом окружении гитлеровцев и неоднократно делился своими мыслями с представителем Ставки маршалом А. М. Василевским. И в этот раз, направляясь на передовую, говорили о том, почему не

удалось окружить врага восточнее Днепра, как было задумано по плану Донбасской операции.

Битва под Сталинградом явилась уникальной по результатам потому, что фашисты, уверовав в свои силы, рвались за Волгу без оглядки, ослабив свои фланги. После Сталинграда, особенно с утратой стратегической инициативы, они действовали уже осмотрительно. Известно, что к лету 1943 года советские армии стали более техничными и маневренными, а военачальники — опытными. Казалось бы, появились возможности ведения операций на окружение. Но фашистские войска тоже приспособлялись к новым способам и средствам вооруженной борьбы, умело маневрировали на внутренних коммуникациях с целью усиления флангов и вывода главных сил из-под угрозы окружения. Да и опыта у командующих Юго-Западным и Южным фронтами оказалось мало-вато для окружения противника в Донбассе.

Увлеченный разговором, Василевский и Малиновский не заметили, как быстро оказались на переднем крае, оставив автомобиль поодаль. Р. Я. Малиновский неожиданно спросил, почему под Курском не получилось окружения, хотя сил для этого было достаточно с учетом Степного фронта и резервных армий Ставки. Александр Михайлович, подумав, ответил, что к началу Курской битвы советское командование уже располагало стратегическими резервами, в два раза большими, чем под Сталинградом. Однако, несмотря на заранее спланированную операцию Западного фронта, Ставка не усилила его общевойсковыми резервами, а продолжала держать в Московской зоне обороны и Московском военном округе. После начала контрнаступления она приступила к выдвиганию их в полосу Западного фронта. Поэтому они и опоздали, были использованы по частям без должной подготовки к боевым действиям. Противнику удалось сдержать наши войска на своих флангах, осуществить отвод соединений из района Орла и усилить ими смоленское и другие направления. Ставка не соблюла заложенного в принципах использования стратегических резервов требования — не слишком рано и не слишком поздно, а именно тогда, когда оборонительные или наступательные возможности врага на главном направлении иссякли и его войска еще не перестроились для нового характера борьбы. А вот под Прохоровкой в этом плане получилось очень своевременно.

Издали папывала огромная черная туча. Налетел порывистый ветер, теребя деревья и унося сорванные листья. Полил дождь. Шум ветра приглушил раскаты близкого боя. Участился артиллерийско-минометный обстрел противником позиций. Василевский и Малиновский поняли, что пора поворачивать вспять. К машинам пробирались по ходу сообщения, приседая и кланяясь шальным снарядам и минам.

В направлении наступления 3-го Украинского фронта предстояло освободить районы криворожских и никопольских рудников, плодородные земли приморья и черноморские порты, которым немецко-фашистское командование придавало большое значение. Поэтому к январю 1944 года враг создал на этом направлении глубокоэшелонированную оборону и сосредоточил крупные силы под командованием генерал-полковника Холлидта.

В качестве первоочередной задачи армий Р. Я. Малиновского Ставка приказала во взаимодействии с войсками 4-го Украинского фронта разгромить гитлеровцев в нижнем течении Днепра и освободить Кривой Рог, Никополь.

Однако соединения фронта были ослаблены предыдущими боями: все три общевойсковые армии — 8-я гвардейская, 6-я и 46-я — стали очень малочисленны. Поэтому попытка разгромить с ходу 6-ю немецкую, оборонявшуюся в районе Никополя и Кривого Рога, не увенчалась успехом. Наступательные бои, длившиеся с 10 по 17 января, привели лишь к небольшим тактическим результатам.

Военный совет фронта вынужден был прервать наступление для более тщательной подготовки операции. Всесторонне взвесив ситуацию, он пришел к выводу о необходимости усиления фронта. Ставка согласилась с доводами Малиновского и передала 37-ю армию из 2-го Украинского, 4-й гвардейский механизированный корпус из 4-го Украинского фронтов, а также стрелковый корпус из своего резерва.

По-прежнему предстояло провести Никопольско-Криворожскую операцию силами 3-го и 4-го Украинских фронтов при ведущей роли первого. Готовилась она весьма тщательно, с учетом уже начавшейся распутицы. Военный совет разработал и довел до исполнителей мероприятия по преодолению вброд разлившихся рек и наполненных ледяной водой балок, перемещению по жирному чернозему орудий, продвижению по грязи автомашин с

боеприпасами, выделению самолетов, тягачей, гужевого транспорта, использованию местных жителей для снабжения войск и эвакуации раненых, инженерных частей для строительства, ремонта дорог и сооружения переправ.

К началу операции советские войска насчитывали 705 тысяч человек с 7796 орудиями и минометами калибра 76 миллиметров и выше, 238 танками и самоходками, 1333 самолетами. Враг мог противопоставить 540 тысяч человек, 2416 орудий и минометов калибра от 75 миллиметров и выше, 327 танков и штурмовых орудий, до 700 самолетов<sup>1</sup>. По танкам мы уступали в 1,4 раза. Света на это преимущество противника было предметом особых забот командования 3-м Украинским фронтом, поэтому Малиновский и решил втянуть их в сражение на второстепенных участках.

Операция началась 30 января наступлением 37-й армии генерала М. Н. Шарохина на правом крыле фронта. Это предпринималось для имитации удара. Холлидт принял ее действия за наступление главных сил в направлении Кривого Рога и ввел в бой две танковые дивизии, то есть все свои танковые резервы. Расчет Родиона Яковлевича удался. На рассвете 31 января левее 37-й армии на Апостолово из района Новониколаевки перешла в наступление главная ударная группировка фронта в составе 46-й В. В. Глаголева и 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова, которые имели задачу выйти к Днепру с севера и соединиться с войсками 4-го Украинского фронта. Поняв ошибку, Холлидт перебросил сюда обе танковые дивизии, но было уже поздно, поскольку оборона противника оказалась прорванной и 5 февраля советские воины освободили железнодорожный узел Апостолово, продвинувшись на 45—60 километров. Первыми пробившись к нему части 4-й и 34-й гвардейских стрелковых дивизий 46-й армии. Местные жители сообщили нашему командованию о незанятом фашистами участке местности. Это помогло разведке обнаружить разрыв в боевых порядках врага, куда устремился один из полков 34-й дивизии генерала Ф. В. Брайляна и нанес удар с тыла. Одновременная атака с фронта завершила дело разгрома частей 128-й пехотной и 9-й танковой дивизий гитлеровцев в Апостолово. Здесь Родиону Яковлевичу представили мужественную фронтovou разведчицу Е. К. Пархоменко и радиста

<sup>1</sup> История второй мировой войны. Т. 8. М., 1977. С. 77.

Г. Л. Николенко, которые снабжали штаб фронта ценной информацией, находясь в оккупированном Апостолово. Их сведения о районах дислокации войск, штабов, в том числе штаба 6-й армии, пяти крупных аэродромов, шести артиллерийских складов, о передвижении 280 железнодорожных эшелонов с боевой техникой, личным составом и имуществом помогли быстрому разгрому противника. Отважные разведчики были представлены Малиновским к высоким правительственным наградам.

Бражеская 6-я армия, с которой Родиону Яковлевичу не раз приходилось иметь дело, оказалась рассеченной на две части. Группировке никопольского плацдарма угрожало окружение, и немецко-фашистское командование стало поспешно отводить ее на юго-запад вдоль правого берега Днепра, бросая тяжелое вооружение и автотранспорт.

Желаемого окружения противника опять не получилось. Продолжало сказываться отсутствие достаточных подвижных сил. К тому же темпы продвижения наступавших ограничивались весенней распутицей. Утопавшие в размокшей почве орудия и автомашины пришлось проталкивать вручную, изнуряя людей и теряя время.

После разгрома врага в районе Никополя и освобождения города 8 февраля во взаимодействии с войсками 4-го Украинского фронта армии Р. Я. Малиновского, подтянув артиллерию, танки и пополнившись боеприпасами, 17 февраля развернули наступление на Кривой Рог. Район рудников обороняли пять пехотных и две танковые дивизии фашистов, которые отчаянно сопротивлялись. В разгар боя Родиону Яковлевичу позвонил командующий 37-й армией и доложил, что им сформирован специальный отряд из 180 человек для предотвращения взрыва гитлеровцами плотины электростанции. В него добровольно вошли 80 коммунистов и комсомольцев из частей и 6 местных партизан. Р. Я. Малиновский одобрил эту инициативу. На рассвете 21 февраля отряд под командованием подполковника А. Н. Шурупова смело прорвал вражескую позицию у Александровки, занял поселок Стахановский и вышел к реке Саксагань. Противник контратаковал, но был отбит. В 2 часа ночи 22 февраля отряд форсировал Саксагань южнее плотины и, захватив ее, организовал разминирование. Два дня сражались в тылу врага добровольцы, по свою задачу выполнили. В канун 26-й годовщины Красной Армии Кривой Рог был полностью очищен

от немецко-фашистских захватчиков. Советских воинов встретили улыбками и слезами радости после долгой разлуки.

Никопольско-Криворожская операция завершилась 29 февраля захватом с ходу плацдармов на западном берегу реки Ингулец войсками правого крыла и центра фронта. 12 дивизий противника потеряли более половины своего состава, а четыре — лишились тяжелого вооружения и автотранспорта, был ликвидирован опасный никопольский плацдарм и созданы условия для успешных действий на николаевском направлении.

После освобождения Кривого Рога, Никополя и полного разгрома немецко-фашистских войск Ставка приказала командованию 3-го Украинского фронта подготовить и провести в сжатые сроки Березнеговато-Снигиревскую операцию по окружению противника. Хорошими предпосылками для разгрома 26 дивизий 6-й немецкой и 8 дивизий 3-й румынской армий на николаевском направлении с выходом на Южный Буг были ингулецкие плацдармы. На этот раз ареной сражений предстояло стать междуречьям Ингульца, Ингула и Южного Буга, в том числе тем местам, где летом 1941 года Родион Яковлевич, переправившись через Южный Буг у Николаева, вел ожесточенный бой перевернутым фронтом своего 48-го стрелкового корпуса.

28 февраля Малиновский пригласил к себе члена Военного совета генерал-лейтенанта А. С. Желтова и начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Ф. К. Корженевича:

— Вот что, дорогие товарищи! Срочно приступаем к подготовке новой операции на николаевском направлении. — И он напомнил им про бои сорок первого года восточнее Николаева: — Тогда у немцев окружения советских войск в этом районе не получилось. Может быть, мы сумеем окружить врага? — спросил Родион Яковлевич.

— Задача очень сложная, поскольку фронт не имеет серьезного превосходства над противником и не располагает мощными подвижными войсками, — сказал Ф. К. Корженевич.

— Плохое состояние дорог из-за дождей будет сильно сковывать маневр, — добавил А. С. Желтов.

Но Р. Я. Малиновский не хотел отказаться от своей идеи:

— Знаю. Но это помеха не только для нас. Совершим прорыв и введем в него конницу совместно с механизированными и мотострелковыми частями. Они смогут легко справиться с погодными затруднениями. Во главе группы поставим опытного генерала Исса Александровича Плиева. Мне доводилось не раз видеть его решительные действия. Ну, как? — спросил Малиновский.

— Пойдет, — первым ответил Желтов, затем Корженевич.

В конно-механизированную группу И. А. Плиева включались 4-й гвардейский кавалерийский, 4-й гвардейский механизированный корпуса и 5-я мотострелковая бригада. Они должны войти в прорыв в полосе главного удара 8-й гвардейской армии, достигнуть Нового Буга и, повернув на юг вдоль железной дороги, обеспечить окружение противника к востоку от Николаева. Совместно с армией В. И. Чуйкова на правом заходящем крыле фронта предстояло нанести главный удар и 46-й армией В. В. Глаголева. В ее полосе намечалось ввести 23-й танковый корпус генерала Е. Г. Пушкина. На крайнем правом крыле было запланировано наступление 57-й армии Н. А. Галена и 37-й армии М. Н. Шарохина с задачей обеспечить главный удар с севера и выходом к Новой Одессе на Южном Буге создать внешний рубеж окружения. Были продуманы задачи и армиям левого крыла фронта. Таков в общих чертах был замысел командующего, детально разработанный штабом. Суть его сводилась к тому, чтобы прорывом в районе Широкого расчленив 6-ю армию гитлеровцев на две части и одну из них — основную — уничтожить, перекрыв войсками Плиева пути отхода на Николаев. Дата начала операции определялась так, чтобы не дать противнику времени для пополнения разбитых дивизий и приведения их в порядок.

Подготовка операции проводилась прежде всего с учетом решительных действий конно-механизированной группы и танкового корпуса после ввода в прорыв. Тщательно отрабатывались вопросы взаимодействия их с пехотой и авиацией в глубоком тылу.

На рассвете 6 марта 1944 года войска перешли в наступление. Справа успешно продвигался в направлении Умани 2-й Украинский фронт, осуществляя Уманско-Ботошанскую операцию. Слева 4-й Украинский готовился к Крымской операции. Родион Яковлевич находился на НП у В. И. Чуйкова, наблюдал ожесточенное сопротив-

ление гитлеровцев и медленное продвижение своих соединений, несмотря на умелое сосредоточение артиллерийского огня на участках прорыва. Во второй половине дня оно стало еще больше ослабевать. Войска продвинулись всего лишь на 2—4 километра вглубь обороны. Пошел сильный дождь.

— Что будем делать? — спросил Р. Я. Малиновский находившихся рядом Ф. К. Корженевича и В. И. Чуйкова.

— Пятнадцати минут артиллерийской подготовки оказалось недостаточно, — заявил Чуйков.

— К сожалению, это так, — согласился Малиновский.

Командующий фронтом думал о подвижной группе И. А. Плиева, хотя и понимал, что не следовало бы ее использовать для прорыва тактической обороны противника. Для этого обычно использовали дивизионные, корпусные и, наконец, армейские резервы и вторые эшелоны, но они были уже все израсходованы. Малиновский протянул руку к телефонной трубке:

— Товарищ Плиев! Надо выступать! К Вам прибывает Корженевич. — И, обратившись к начальнику штаба, сказал: — Срочно выезжайте и проследите за своевременным выходом Плиева к участку прорыва. Пусть при атаке танки используют впереди, а конницу за ними.

Под проливным дождем войска И. А. Плиева незаметно подошли к линии фронта и вступили в бой. К исходу дня они окончательно прорвали вражескую оборону и вышли на оперативный простор, не встречая организованного сопротивления. «Подвижная группа, — докладывал А. М. Василевский И. В. Сталину, — разгромила 16-ю моторизованную и частично 3-ю горно-пехотную дивизии противника и выполнила задачу дня благодаря исключительной энергии Плиева...»

Утром следующего дня конно-механизированная группа была обнаружена фашистскими бомбардировщиками, которые нанесли большие потери кавалерии. Малиновский приказал своей авиации уничтожить бомбардировщики, а группе продолжать наступление ночью, чтобы к утру 8 марта овладеть городом и станцией Новый Буг. К этому времени город был освобожден. Плиевцы перерезали железную дорогу Долинская — Николаев, захватив много пленных, 17 танков, 60 тонн горючего, 23 орудия, 150 исправных автомашин, элеватор с хлебом. Фронт 6-й гитлеровской армии оказался разорванным, а на ее правом фланге были созданы условия для глубокого

охвата. К образовавшейся брешии спешили резервы противника, чтобы вернуть город. Плиев перешел к обороне. Получив такие данные, Родион Яковлевич вызвал на связь всех командующих армиями и командира конно-механизированной группы:

— Товарищ Глаголев! Введите Пушкина на Казанку и отвлеките силы от Плиева. Товарищ Плиев! До подхода Чуйкова обороняйтесь 5-й бригадой, остальных поверните на юг по плану. Вам, товарищ Чуйков, ускорить выход к Новому Бугу. Всем армиям усилить темп наступления, перейдя к активным действиям и ночью.

В то время, когда советские подвижные части громили вражеские тылы, перерезав дороги в районе Баштанка, Снигиревка, южная группировка фашистов — 14 дивизий — на прежних рубежах отражала атаки 6-й, 5-й ударной и 28-й армий, несмотря на угрозу полного окружения со стороны четырех армий правого крыла фронта Р. Я. Малиновского.

Наконец и здесь противник дрогнул. 11 марта началось его отступление на запад. Малиновский переехал на КП в Кривой Рог и приказал 6-й армии И. Т. Шлемина и 5-й ударной армии В. Д. Цветаева пойти на соединение с И. А. Плиевым в районе Снигиревки для завершения окружения. Плиевцы дрались самоотверженно. Боевыми рейдами по вражеским тылам, смелыми палетами на их гарнизоны кавалеристы сеяли смерть и панику среди фашистов, загоняя их в «капкан».

Гитлеровцы пытались пробиться через боевые порядки конно-механизированной группы на запад, к реке Ингул. Первую попытку они осуществили пехотой в районе Баштанки. У танкистов Плиева кончились боеприпасы, ожидался их подвоз. Вдруг один танк тронулся с места. В шлемофонах послышалась команда: «Делай, как я!»

Танк помчался вперед. За ним — остальные с автоматчиками на броне. Старший сержант Ф. Лученок, подавший команду, первым достиг головы вражеской колонны и на большой скорости врезался в пехоту. Уцелевшие фашисты разбежались. Многих настигли пули автоматчиков лейтенанта Г. Антошина, подоспевших к месту боя. Вражеская колонна была уничтожена, а группа Плиева пошла дальше на юг, чтобы соединиться со своим передовым отрядом в Снигиревке и перерезать основной путь отступления противника на Николаев. За ней наступал 23-й танковый корпус, прославившийся исключительно

смелыми и решительными действиями. Его командир генерал-лейтенант танковых войск Е. Г. Пушкин был смертельно ранен во время вражеской бомбежки. Эта весть немедленно разнеслась по всему фронту. Скорбя, танкисты с еще большей яростью обрушились на фашистов.

С утра 12 марта гитлеровцы перешли в наступление в северо-западном направлении, на Новый Буг, чтобы соединиться со своей северной группировкой. Силы здесь оказались немалые: остатки четырех пехотных и двух танковых дивизий с 35—40 танками и штурмовыми орудиями. Советским частям даже пришлось несколько отойти, но прорваться фашистам не дали. Они действовали совместно с 23-м танковым корпусом, который был повернут в полосу 8-й гвардейской армии из района Баштанки. Во второй половине дня армия снова перешла в наступление и отбросила врага.

13 марта фашистские войска предприняли последнюю безрезультатную попытку вырваться из кольца. Они оставили на поле боя до 5 тысяч убитых и раненых, многие попали в плен. Нехватка боеприпасов в наступавших передовых частях фронта, а в некоторых — их полное отсутствие приводили к рукопашным схваткам, которых фашисты не выдерживали. Противника уничтожали в нескольких местах окружения, а в это время войска правого крыла фронта выходили на реку Южный Буг. Одновременно 5-я ударная армия В. Д. Цветаева и 28-я армия А. А. Гречкина наступали на Николаев с востока и юго-востока.

Итак, позади были еще 150 километров земли и сотни освобожденных населенных пунктов. Перед 3-м Украинским фронтом отступала обескровленная 6-я немецкая армия. Генерал-полковнику Холлидту больше не пришлось ею командовать. Гитлер не простил ему поражения и огромных потерь — 30 тысяч убитых и 11,6 тысячи пленных. В окружение попали восемь пехотных и одна танковая дивизии. Советскими войсками было захвачено 500 орудий, 72 танка, свыше 4 тысяч автомашин, 49 бронемашин, 600 пулеметов, 2,8 тысячи повозок. Однако многим фашистам удалось пробиться к своим. И все же Березнеговато-Снигиревская операция закончилась в целом успешно. Ее итогами, как и результатами наступления войск И. С. Конева, приблизившихся к рубежу Бельцы, Балта, Первомайск, где они нависли над междуречьем

Южного Буга и Днестра с севера, остался доволен Верховный Главнокомандующий.

Боевая деятельность Р. Я. Малиновского восточнее Николаева была отмечена высокой правительственной наградой. По представлению А. М. Василевского 19 марта он получил второй орден Суворова I степени, А. С. Желтов — орден Кутузова I степени. Командующий 4-м Украинским — Ф. И. Толбухин был удостоен ордена Ленина за успешное выполнение задач войсками фронта в Крымской наступательной операции. Награждены были все члены военных советов, многие командармы, генералы, офицеры и солдаты.

...Виллис Малиновского в сопровождении бронемашин с автоматчиками ехал по улицам Кривого Рога. Через несколько минут он остановился во дворе дома, где разместились штаб представителя Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевского. Родиона Яковлевича встретил начальник штаба генерал М. М. Потапов. Александр Михайлович познакомил Малиновского с командующим Днепровско-Бугской флотилией контр-адмиралом Белоусовым, который был вызван из Днепропетровска для доклада. Родион Яковлевич знал, что предстоит наступать вдоль морского побережья, так как фронт Толбухина вошел на Крым. Маршал Василевский протянул ему телеграфный бланк с текстом: «Народному Комиссару Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецову! В связи с очищением нижнего течения Днепра от противника и предстоящими задачами прошу ускорить окончание сосредоточения Днепровской флотилии и немедленно подчинить ее командующему 3-м Украинским фронтом. 17 марта 1944 года. Василевский».

Из доклада Белоусова было видно, что флотилия пока слаба: шел сбор судов в Херсоне к устью Днепра. Договорились, что на первых порах она будет активно поддерживать прибрежные войска, вести борьбу с десантами и разведку морского побережья. Белоусов отправился в штаб фронта для согласования взаимодействия.

Оставшись один на один, Василевский порекомендовал Малиновскому перевести через четыре дня свой штаб из Софиевки сюда, в Кривой Рог. Пора было уходить, но Малиновский ждал чего-то, и это почувствовал маршал Василевский, который, как бы продолжая предыдущий разговор, дал понять, что в Березнеговато-Снигиревской операции его мечта об окружении противника почти

осуществилась. Родион Яковлевич ответил, что результат хотелось бы иметь более весомый. Ведь 6-я армия, к сожалению, существует, и с ней придется иметь дело за Южным Бугом, так как Гитлер ее усиленно пополняет. Маршал Василевский заметил, что нависшие с севера войска И. С. Конева практически свели на нет военное значение южно-бугского рубежа для врага, нужен лишь нажим 3-го Украинского фронта.

Малиновский решил убедить, что такой нажим сделать пока невозможно. Из-за распутицы отстала артиллерия, растянулись тылы, далеко от фронта базировались аэродромы, железные дороги разрушены, снаряды и ящики с боеприпасами зачастую люди переносят на руках на десятки километров, пустую повозку не тянут даже две пары лошадей. Поэтому ослабленные части не смогут без подготовки, с ходу сбить противника, хотя и очень потрепанного, но укрепившегося на правом берегу Южного Буга.

Василевский поднялся, прошелся по небольшой комнате, затем вновь сел и внимательно посмотрел на Малиновского. Ему нравилась откровенная, суровая правда командующего фронтом. Представитель Ставки, заместитель Верховного Главнокомандующего, и сам знал об этом. Однако сложившаяся в целом благоприятная обстановка на юге требовала безоговорочных действий, и фронт должен был наступать. Подходили подкрепления, мобилизовывалось на помощь местное население. Поэтому Василевский, зная требования Сталина и исходя из деловых качеств Малиновского, сказал:

— Верховный требует плацдармов. Мы это должны сделать в местах, находящихся ближе к Коневу. Со взятием Николаева откроем наступление на Одессу и Тирасполь заходящим правым крылом. Туда нужно перекинуть Плиева, а пока дать войскам отдохнуть. 28-я армия после Николаева намечается в резерв Ставки. Какие будут просьбы?

— Командармы жалуются, что из-за сильной грязи не проходят виллисы.

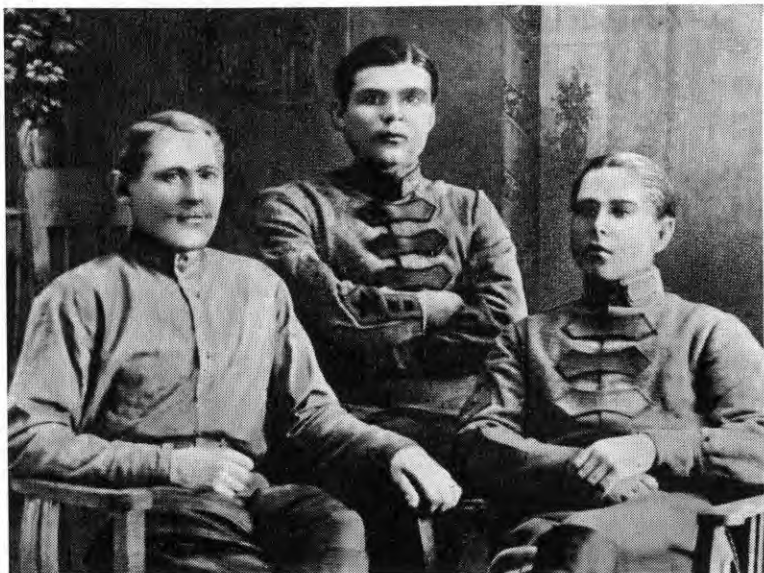
— Дам телеграмму в Москву, будут машины «додж» полулегкового типа для вас и командующих армиями — десять штук. Еще?

— Мы понесли значительные потери в самолетах У-2, которые использовали для связи в звене командования.

— Хорошо, получите двадцать штук. Еще?



*Русские солдаты во Франции. 1916 г. В первом ряду слева — Р. Малиновский*



*Р. Я. Малиновский (в центре)  
в Забайкалье. 1922 г.*

*Слушатель Военной академии  
имени М. В. Фрунзе  
Р. Я. Малиновский. 1930 г.*



*Р. Я. Малиновский с матерью.  
1934 г.*



*Р. Я. Малиновский. 1935 г.*



*Р. Я. Малиновский на позициях республиканцев под Мадридом.  
Испания, 1937 г.*



*Генерал-майор  
Р. Я. Малиновский —  
командир 48-го  
стрелкового корпуса.  
1941 г.*



*Командующий Юго-Западным фронтом  
генерал армии Р. Я. Малиновский  
и член Военного совета фронта  
генерал-лейтенант А. С. Желтов (в центре).  
1943 г.*



*Р. Я. Малиновский в освобожденном Ростове.  
Февраль 1943 г.*

*Выступление командующего 2-м Украинским фронтом  
генерала армии Р. Я. Малиновского перед летным составом  
5-й воздушной армии. 1944 г.*



*Военный совет 2-го Украинского фронта. Слева направо:  
генерал-полковник И. С. Сусайков, Маршал Советского Союза  
Р. Я. Малиновский, генерал-лейтенант М. М. Стахурский. 1944 г.*



*Командующий Дальневосточным военным округом Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский среди генералов и офицеров штаба округа. Хабаровск, 1956 г.*



*Посещение министром обороны СССР Маршалам Советского Союза Р. Я. Малиновским одной из воинских частей. Май 1958 г.*



*Р. Я. Малиновский и С. М. Буденный на XXI съезде КПСС.  
Январь 1959 г.*

*Министр обороны СССР Маршал Советского Союза  
Р. Я. Малиновский среди участников V комсомольской  
конференции Московского округа ПВО. Февраль 1960 г.*



*Р. Я. Малиновский среди курсантов Военного училища  
им. В. И. Ленина. Ташкент, 1961 г.*

*Министр обороны СССР Маршал Советского Союза  
Р. Я. Малиновский на учениях. Владивосток, 1962 г.*





Министр обороны СССР Маршал Советского Союза  
Р. Я. Малиновский на открытии Центрального музея  
Советских Вооруженных Сил в новом здании. Май 1965.

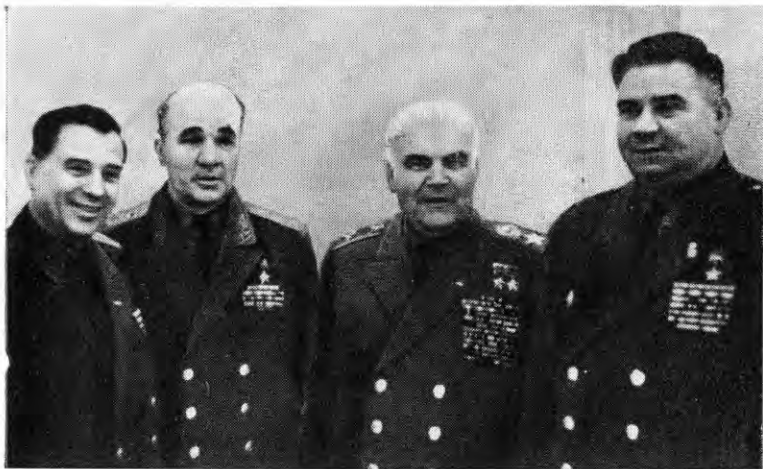
Р. Я. Малиновский во время приема Рауля Кастро. Октябрь 1965 г.



Р. Я. Малиновский с чехословацкими пионерами.  
Москва, 1965 г.

Встреча с воинами Прикарпатского военного округа. 1966 г.





*Р. Я. Малиновский среди делегатов XXIII съезда КПСС.  
Март 1966 г.*

*Посещение Р. Я. Малиновским танковой дивизии  
венгерской Народной армии. Апрель 1966 г.*



*На отдыхе*



*Бюст дважды Героя Советского Союза Р. Я. Малиновского,  
установленный на его родине, в Одессе*

— У Плиева некомплект примерно восьми тысяч шаек.

— Дадим.

— Полагал бы возможным уже сейчас представить Плиева к званию Героя Советского Союза.

— Согласен. Однако чуть повременим и посмотрим, как он будет наступать на Одессу. Об этом ему надо намекнуть: пусть считает, что Золотая Звезда для него уже приготовлена...

Планирование Одесской операции штабом 3-го Украинского фронта осуществлялось в ходе наступления войск левого крыла на Николаев. Родион Яковлевич согласился с Военным советом, что нанесение главного удара на юге после освобождения Николаева не имеет смысла, хотя и выводит соединения кратчайшим путем к Одессе. Враг вытеснялся бы на запад вдоль морского побережья. Нужно же было его окружить и прижать к морю. Тем более, что войска 2-го Украинского фронта, разбив гитлеровцев под Уманью и с ходу форсировав Южный Буг, вышли правым крылом к Днестру южнее Могилева-Подольского, а центром нанесли удар в направлении на Балту, Дубоссары с целью глубокого охвата первомайско-вознесенской группировки противника и содействия 3-му Украинскому фронту в преодолении Южного Буга.

Исходя из этого Р. Я. Малиновский поначалу решил продолжить главный удар в центре фронта теми же 46-й и 8-й гвардейской армиями с конно-механизированной группой и 23-м танковым корпусом. Общее направление — на Раздельную в обход Одессы с северо-запада. На правом крыле должны были оставаться 57-я и 37-я армии и наступать на Тирасполь, а на левом — 6-я, 5-я ударная и 28-я армии — вдоль Черноморского побережья на Одессу.

Подготовка операции проходила в исключительно трудных условиях: во-первых, в ходе наступления усложнялась отработка вопросов взаимодействия соединений по месту и времени; во-вторых, непроходимость дорог из-за дождей и распутицы ограничивала переброску войск, обеспечение их боеприпасами. Военные советы фронта и армий принимали энергичные меры для преодоления трудностей. Были мобилизованы тракторы, вездеходы, производилось доукомплектование личного состава, боевой техники. В результате этих мер 3-й Украинский фронт добился перевеса в силах и средствах. Противник не сумел восполнить потери,

так как перебросил часть своих войск на кишиневское направление против 2-го Украинского фронта.

Обстановка к 26 марта, началу операции, улучшилась. Убедившись в успешном форсировании Южного Буга 5-й гвардейской армией 2-го Украинского фронта севернее Первомайска, Ставка приказала И. С. Коневу переправить там же 7-ю гвардейскую армию, а затем, повернув ее на юг, «свернуть» вражескую оборону вдоль правого берега реки для облегчения форсирования ее армиями правого крыла 3-го Украинского фронта. Одновременно Ставка сообщила о своем решении А. М. Василевскому, продолжавшему координировать действия 3-го и 4-го Украинских фронтов.

57-я и 37-я армии 3-го Украинского фронта, воспользовавшись успехом соседа, переправились через Южный Буг, прорвали оборону противника на 45-километровом фронте и на третий день продвинулись на 25 километров. Как только наметился их успех, Родион Яковлевич приступил к переброске конно-механизированной группы и танкового корпуса на правое крыло фронта с задачей: наступая в общем направлении на Раздельную, прижать гитлеровцев к морю, загнать их в межлиманье прибрежной полосы и там уничтожить.

Ведущая роль снова отводилась И. А. Плиеву. Ему надлежало войти в прорыв севернее Вознесенска, нанести стремительный удар на Березовку, расположенную на реке Тилигул, захватить там переправу, удерживать ее до подхода пехоты, затем основными силами вырваться вперед и занять важный узел коммуникаций на подступах к Одессе и Днестру — Раздельную. В дальнейшем следовало повернуть на юг в район западнее Одессы. 23-му танковому корпусу было приказано обеспечить войска фронта справа и выйти в конечном итоге на переправы через Днестр в районе Тирасполя и севернее.

...28 марта ночным штурмом был взят Николаев. В боях за него особо отличились десантники 384-го отдельного батальона морской пехоты и 1-го гвардейского укрепрайона. В ночь на 26 марта 65 воинов под командованием старшего лейтенанта К. Ф. Ольшанского неожиданно для гитлеровцев высадились в Николаевском порту и заняли оборону в старом элеваторе. Двое суток фашисты яростно атаковали, пока не подоспели советские части. Уничтожив до 700 солдат и офицеров противника, отряд потерял 55 человек, но задачу по дезориентации вражеского

командования выполнил. Всему личному составу было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Наступление фронта успешно продолжалось. На главном направлении впереди общевойсковых армий действовала подвижная группа И. А. Плиева, а несколько севернее — 23-й танковый корпус А. О. Ахманова. Уже 31 марта войска Плиева захватили Березовку и устремились на Раздельную, став главной опасностью для гитлеровцев. Фашистское командование бросило против них авиацию, но летчики 17-й воздушной армии под командованием В. А. Судца смело вступали с ней в воздушные бои и уничтожали стервятников. Однако несла потери и советская подвижная группа. Тогда Плиев изменил тактику: скрывал лошадей в сараях и даже в сельских хатах, в садах маскировал танки и автомашины, а ночью снова устремлялся вперед, гремя на своем пути тылы и части, сея страх и панику среди врага.

Через три дня наступления группа овладела Раздельной — крупным железнодорожным узлом северо-западнее Одессы. Обстановка резко изменилась. Была перерезана последняя железнодорожная ветка, соединявшая вражеские войска в Одессе с их тылами. Остались лишь две грунтовые дороги, и то на короткое время. Гитлеровская группировка оказалась разрезанной на две: на одесскую и тираспольскую. Попав в западню, враг собрал в кулак значительные силы и ударил вдоль железной дороги Одесса—Тирасполь, чтобы вырваться из окружения. Около 3 тысяч фашистов с несколькими десятками танков напировали на пливцев у Раздельной, однако были отброшены с большими потерями. Последовала более мощная контратака, но и она захлебнулась, наткнувшись на заслон. По приказу Малиновского войска Плиева ударили по левому флангу группировки противника, а пехотные части — по правому, и фашисты попали в малый мешок. В течение последующих трех дней они оставили на поле боя более 7 тысяч убитыми, около 3 тысяч сдались в плен. После этого группа Плиева из района Раздельной наступала на одесский оборонительный обвод противника: северная часть вражеской группировки откатывалась на Тирасполь, а южная — на Одессу. Стали успешнее продвигаться и части левого крыла фронта. Об обстановке было доложено Сталину.

— Утверждаю решение товарища Малиновского на захват Тирасполя и Бендер войсками Гагена и Шарохина

совместно с группой Ахманова. Согласен, чтобы с утра 5 апреля Плиев повернул в сторону Одессы для атаки ее совместно с армиями Глаголева, Чуйкова, Шлемина. Желаю успехов, — закончил разговор по ВЧ И. В. Сталин с А. М. Василевским.

— Вновь обязан доложить об отличной работе Плиева. Войска его группы, действуя изолированно в тылу врага, за 7 апреля полностью выполнили поставленные перед ними задачи, выйдя в район Маяков, западнее Одессы. Быстрое движение Плиева по основным коммуникациям противника, оборонявшего Одессу, и выход на сегодня в указанный район полностью деморализовали врага. Пленные говорят о наступившей у них панике, о наличии приказов на отход за Днестр и об отсутствии указаний командования о том, куда и как отходить, — докладывал А. М. Василевский И. В. Сталину<sup>1</sup>.

Однако 6-я армия И. Т. Шлемина и 8-я гвардейская армия В. И. Чуйкова застряли на переправах через реки Большой и Малый Куяльник. В связи с этим Родион Яковлевич направил И. А. Плиева западнее Одессы для атаки его войсками города совместно с частями 5-й ударной армии В. Д. Цветаева, которая вырвалась вперед на левом крыле фронта и наступала на Одессу с северо-востока. В то время как дивизии 37-й армии М. Н. Шарохина и группа И. А. Плиева отражали контрудары у Раздельной, 5-я ударная армия преодолела Тилигульский лиман, овладела несколькими населенными пунктами и неудержимо устремилась к Одессе. Ни разлившиеся реки, ни сопротивление врага не могли остановить советских воинов.

10 апреля жители города радостно встретили воинов 3-го Украинского фронта. Родион Яковлевич вместе с ними вступал в свой родной город. На митинге в торжественной обстановке было зачитано приветствие Военного совета фронта войскам 5-й ударной армии в связи с освобождением Одессы.

Р. Я. Малиновскому потребовалась еще неделя, чтобы завершить операцию и уничтожить гитлеровцев в трех очагах окружения: в Плоском, восточнее Раздельной, Фестерове с выходом к Днестру и захватом ряда плацдармов. Фронт получил возможность контролировать морскую коммуникацию противника из Крыма в румынский порт

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 2294. Д. 14. Л. 132—135.

Констанцу. Враг был лишен военно-морских баз на Черном море.

Группа армий «Юг», которой до сих пор управлял «самый лучший оперативный ум», но битый уже генерал-фельдмаршал Манштейн, на этот раз потеряла 25,6 тысячи убитыми и 10,6 тысячи пленными. Было уничтожено и захвачено 367 танков, 946 орудий, 1,5 тысячи пулеметов, 11 тысяч автомашин, 370 минометов, 6,8 тысячи повозок, 3,3 тысячи лошадей и много другого имущества<sup>1</sup>. Под ударами Советских Вооруженных Сил гитлеровская военная машина зашаталась на глазах у всего мира. Но чтобы окончательно ее разрушить, нужны были еще более мощные удары.

Красная Армия была готова к этому. Совершенствовалось полководческое искусство военачальников, в том числе и Р. Я. Малиновского. В Березнеговато-Снигиревской операции войска 3-го Украинского фронта под командованием Родиона Яковлевича окружили противника в двух небольших районах, а в Одесской — в трех.

Малиновский и Василевский разрабатывали новую операцию — на этот раз по выходу на реки Прут и Дунай.

— Прошу рассмотреть и утвердить представленный Малиновским план. Я вернусь к нему незамедлительно по окончании Крымской операции<sup>2</sup>, — докладывал И. В. Сталину А. М. Василевский 13 апреля из штаба 3-го Украинского фронта.

## ЯССКО-КИШИНЕВСКИЕ КАНЫ

Они не виделись около трех лет, хотя изредка перезванивались и обменивались поздравительными телеграммами. А последние одиннадцать месяцев, после того как Матвей Васильевич Захаров стал начальником штаба Степного фронта, Малиновский постоянно чувствовал его локоть. С тех пор их фронты на Украине шли рядом и тесно взаимодействовали. Суровые будни закаляли характеры: одного — в роли командующего, другого — в роли начальника штаба.

...Готовясь к встрече нового командующего, Матвей Васильевич немножко волновался: «Каким он стал теперь?

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 986. Д. 4. Л. 47—48.

<sup>2</sup> ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 2294. Д. 14. Л. 137.

Что сделала с ним жестокая, ранящая человеческие души война?»

И все же встреча больше радовала Захарова, чем тревожила. Радовала близостью к Малиновскому по совместной службе в Одесском военном округе, душевными чертами его характера.

— Каков он на самом деле? — думал генерал-полковник.

...Малиновский летел из Сталино (Катаржино) вдоль линии обоих фронтов. С присущим ему прищуром глаз внимательно слыл карту с местностью. Оставленные им войска 3-го Украинского фронта стояли на Днестре, захватив Кицканский плацдарм южнее Тирасполя.

Штаб 2-го Украинского фронта разместился в селе Баланы (ныне Малиновское Рышканского района Молдавской ССР). Оно раскинулось на покрытой садами и изрезанной зелеными балками возвышенности. По другую сторону широкой долины виднелись очертания гор. Над селом возвышалась церквушка, на колокольне которой был оборудован наблюдательный пункт. Оттуда 22 мая 1944 года было доложено о прибытии нового командующего. Маршал Конев был занят на переговорах по ВЧ со Сталиным. Встречал Захаров, они по-братски обнялись, как и тогда, в Одессе, в марте сорок первого. Внешне Малиновский почти не изменился: среднего роста, плотный, низко посаженная голова на прямых плечах, округлое, чуть скуластое лицо, прямой зачес жестких волос, густые черные брови с изломиной у поседевших висков. В его глазах по-прежнему светилось что-то притягательное, несмотря на кажущуюся угрюмость.

Время торопило. Через два дня маршал Конев сдал фронт генералу армии Малиновскому. В этот период менялись и другие командующие фронтами. Это было вызвано тем, что Ставка решила срочно освободить маршала Г. К. Жукова от командования 1-м Украинским и использовать его на главном стратегическом направлении. Генерал армии Толбухин, бывший командующий войсками 4-го Украинского фронта, который, выполнив свою роль по разгрому врага в Крыму, перестал существовать, сменил Малиновского, последний — Конева, а тот — Жукова. Замена командующих шла эстафетным порядком с юга на север. Для нее потребовалось всего лишь десять дней.

Вскоре после вступления в должности Малиновского и Толбухина ознакомили с замыслом Верховного Главно-

командования. Им предлагалось ударами двух фронтов с севера и востока по сходящимся направлениям окружить и уничтожить мощную группировку противника восточнее Прута, чем принудить королевскую Румынию выйти из войны на стороне фашистской Германии и открыть путь к освобождению балканских народов. Для участия в операции привлекались Черноморский флот и Дунайская военная флотилия. Готовилась к боям и 1-я румынская добровольческая дивизия имени Т. Владимиреску.

На переднем крае было относительно спокойно. Лишь яские высоты противник непрерывно атаковал, стремясь сбросить с них войска 52-й армии генерал-лейтенанта К. А. Коротеева. Опасное положение создалось утром 4 июня, когда враг бросил в наступление много танков. После их отражения фронт облетела весть о подвиге красноармейца Романа Семеновича Смищука: самолеты разбрасывали листовки, потом пришла фронтовая газета с его портретом. Ее читали в траншеях, переспрашивали друг друга: «Шесть?» И узнав, что это правда, восклицали с удивлением: «Вот это да, вот это настоящий герой!» А дело было так. На роту ползло двадцать пять танков. Завязался тяжелый бой, страшилища приближались, ревя моторами, гремели пушки. Смищук взял три гранаты и три бутылки с горючей смесью и медленно пошел по траншее. Один танк был метрах в двадцати. Боец швырнул в него гранату. Неторопливо прилег, прислушался. Поняв, что танк остановился, он приподнялся и добавил еще и бутылку. А тут, справа, другой подползал. Не долго думая, и в него гранату и еще бутылку вдобавок. «Надо же, повезло, — мелькнуло в голове. — Попал точно в цель». Загорелся второй танк. Метрах в ста от Смищука, перед траншеей, остановился третий: видно, боялся ползти дальше. «Ну, думаю, коль ты не хочешь ко мне, так я сам пойду к тебе, — рассказывал потом Смищук, — и побежал по траншее навстречу. Третий точно так же вспыхнул». Роман Семенович уверовал в себя пуще прежнего, но не было гранат. Ни о чем другом не думая, боец побежал в расположение роты: «Дайте мне гранат. И бутылочек поищите еще». И снова отправился вперед. Танки наползали на траншею. Он выбрал удобное место и следил за ними. Помнил Смищук, как подбил и поджег четвертый и пятый. Выбившись из сил, он все же сумел бросить гранату под шестой. Танк загорелся.

Когда у героя спросили, как удалось побороть шесть смертей, он ответил: «Граната и бутылка с зажигательной жидкостью — очень надежное средство. Действуй ими, как учат командиры, и все будет в порядке».

Услышав об этом подвиге, Родион Яковлевич ускорил выезд на горячий участок фронта, чтобы своими глазами увидеть, что там происходит. Но Смищук в это время находился в 25-дневном отпуске в родном селе, где и услышал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя Советского Союза.

— Узнаешь места? — спросил Захаров, подъезжая к Бельцам.

— Такое не забывается, — задумчиво ответил Малиновский и еще больше погрузился в былое. Перед его глазами одна за другой проплывали картины сорок первого года...

Как только они въехали в полосу обороны 52-й армии, Захаров показал на высоты, с которых гитлеровцы пытались сбросить части Коротеева в долину Прута. Рассказывая, он как бы досадовал на происходящее. Малиновский это заметил и сказал:

— Им, как и нам, хочется иметь господствующие позиции. Владея высотой, всегда чувствуешь себя увереннее.

— Товарищ командующий фронтом! — обратился Коротеев. — По армии систематически наносятся чувствительные удары. Войска сильно растянуты. Держаться трудно. Прошу подбросить одну-две дивизии.

— Показывайте, Константин Аполлонович, работу Смищука, — распорядился Родион Яковлевич вместо сочувствия. Генералы спустились в траншею и гуськом подошли максимально близко к полю боя, который уже стал легендой. Они не отличались от других. Для поездок на передовую Р. Я. Малиновский обычно одевал походный комбинезон. Своей угловатой фигурой и неторопливой походкой он был похож на простого русского мужика.

Возвращались, обмениваясь впечатлениями и информацией о положении в армии.

— В сорок первом нам с вами было не легче в этих местах. Кажется, мы воевали рядом, — сказал Малиновский, как бы не замечая вновь поставленного Коротеевым вопроса об усилении.

— Помню, товарищ командующий фронтом.

— Дело может дойти до того, что мы окажемся в очень невыгодных оперативных и особенно тактических условиях, — вмешался Захаров.

— Этого не должно случиться. Наберитесь терпения, товарищ Коротеев, а мы подумаем, как помочь,— закончил Малиновский, дав несколько практических советов.

Обратно ехали молча. Обстановка действительно складывалась так, что нужно было отбить у противника охоту к господствующим высотам. Фронт располагал крупными резервами, и для контрударов можно выдвинуть две дивизии или корпус. Но Малиновский не спешил принимать такое решение. Он не собирался использовать эти высоты в качестве плацдарма для главного удара. И в то же время хотел сохранить их за собой, чтобы ввести фашистов в заблуждение, будто именно здесь советские войска будут наносить главный удар<sup>1</sup>.

— Значит, нужно помочь 52-й резервом,— думал Малиновский. Он знал, что такого же мнения придерживаются Захаров и другие члены Военного совета фронта.

Вместе с тем вызревало решение: не делай этого! Постарайся удержать высоты одной 52-й армией. Это приведет гитлеровское командование к ошибочному выводу, что у нас еще душа в теле, коль не можем решительно отбить охоту занять высоты. Сражение за них еще двумя дивизиями или корпусом приведет к свалке, потере времени и бог весть к каким другим последствиям.

И все же Родион Яковлевич предпочел посоветоваться с Верховным Главнокомандующим. Доложил обстановку. Сталин внимательно выслушал и спросил:

— Что вы, товарищ Малиновский, намереваетесь предпринять?

— Фашисты надоели контратаками.

— Это я уже слышал.

Не желая того сам, Родион Яковлевич почему-то мгновенно решил принять сторону своих коллег.

— Неуверенное положение 52-й армии внушает опасение, поэтому я намереваюсь ввести в бой две дивизии из фронтового резерва и отбить охоту у противника занять высоты.

Сталин сделал паузу и ответил:

— А я вам не рекомендую этим заниматься.

— Почему? Ведь у нас много резервов.

— Вот именно потому, что у нас много резервов, я и не рекомендую. Знаете, сегодня вы введете в бой одну или две дивизии, завтра противник тоже добавит дивизию на

этом направлении. Потом вы еще подбросите, коль много резервов, и завяжутся тяжелые и упорные бои, а это не в наших интересах. Так что я вам не советую и не разрешаю вводить резервы фронта.

— Вас понял, товарищ Сталин,— бодро сказал Малиновский и почувствовал себя так, будто гора с плеч свалилась.

— Учтите, что мы сейчас будем снимать у вас часть войск на новое направление, где готовим наступление. С идеей плана от 25 мая — обойти Яссы с запада, а главный удар нанести еще западнее на Тыргу-Фрумос — в принципе согласен. Все. Желаю успеха, товарищ Малиновский<sup>1</sup>.

Из разговора с Верховным Родион Яковлевич четко уяснил цели готовившихся Ставкой событий. Директива пришла незамедлительно. Оба фронта скрытно погрузили в эшелоны и отправили в резерв Ставки на центральное направление две общевойсковые, две танковые армии и еще до десятка дивизий. Несмотря на принятые меры, полностью скрыть переброску этих войск не удалось. У противника сложилось мнение, что советские армии в Молдавии оказались ослабленными. Гитлеровцы начали смело перебрасывать свои части, особенно с началом Белорусской операции, на север, для спасения групп армий «Северная Украина» и «Центр». С этих пор фашисты успокоились под Яссами, перестали атаковать наши войска, расценивая южный участок как пассивный. Даже в канун наступления, 15 августа, в бюллетене оценок общего положения на советско-германском фронте немецкие генералы утверждали: «Состояние противника на участке группы армий «Южная Украина» с начала летних операций характеризуется оттягиванием своих крупных сил для операции против группы армий «Северная Украина» и «Центр»... Поэтому наступательная операция крупного масштаба с широкими оперативными целями против группы армий «Южная Украина» продолжает быть маловероятной...»<sup>2</sup>. К такому выводу пришло фашистское руководство во главе с новым командующим группой генерал-полковником Фриснером, прибывшим, чтобы стабилизировать положение, не допустить прорыва советских войск вдоль Дуная, сохранить за собой Балканы.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 19а. Оп. 2714. Д. 2. Л. 322, 323.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 19а. Оп. 2714. Д. 2. Л. 324.

<sup>2</sup> Там же. Ф. 16а. Оп. 983. Д. 10. Л. 1—7.

А в штабах фронтов — в Балане и Сталине — работа кипела и днем и ночью. В занятых под штаб 2-го Украинского фронта крестьянских хатах и сооруженных блиндажах воплощался замысел Ставки в графиках, таблицах, схемах и расчетах. Здесь готовилась точная карта местности. Фотопленки сотен километров вражеской обороны поставляла воздушная разведка. Командиры частей получали фотопанорамы своего пути на ближайшие десять километров. Отсюда Захаров отправил в главную ударную группировку офицеров с радиостанциями, чтобы своевременно получить данные о захвате переправ и форсировании Бахлуя — неглубокой, но с болотистой долиной реки с илистым дном. Там будут вводиться в сражение подвижные силы фронта. Инженерная служба получила задачу на подготовку мостов. Слишком ответственный был момент.

...На одном из больших столов лежала главная карта фронта с выведенными на ней стрелами на фланги 6-й немецкой армии. Матвей Васильевич Захаров с головой ушел в разработку операции. При всей своей занятости он находил время для организации взаимодействия со штабом 3-го Украинского фронта. Родион Яковлевич был доволен тем, что всегда мог получить исчерпывающую информацию по любому вопросу. Вместе они радовались благоприятно складывавшейся обстановке, ошибочному мнению противника относительно возможностей наших войск и района главного удара. Важно как можно дольше держать его в таком неведении.

Вместе они не раз обсуждали новые данные по сосредоточению дивизий. Родион Яковлевич вникал в мельчайшие детали операции, которые могли способствовать наступлению. Особенно тщательно оба генерала обдумывали варианты образования внутреннего и внешнего фронтов окружения.

— Неужели будут Канны? — спросил Захаров.

— А почему бы нет? — вопросом на вопрос ответил Малиновский и призадумался.

Планы с картами на операцию в районе Ясс и Кишинева 2 августа рассматривались в Ставке. Поочередно докладывали Малиновский и Толбухин. Остальные военачальники оставались в приемной в ожидании вызова. Прохаживаясь вдоль длинного стола, Сталин внимательно слушал. Иногда подходил к карте. Как только Родион Яковлевич дошел до плотности артиллерии на один кило-

метр фронта на 22-километровом участке прорыва вражеской обороны и назвал цифру 220 орудий, Сталин заметил:

— Маловато получается — 220 орудий, надо больше.

— Больше нет, товарищ Сталин, — ответил Малиновский.

— И мы ничего не можем прибавить к тому, что дали. Тогда давайте будем атаковать, скажем, на 16-километровом участке. Сколько стволов получится?

— 250—260, — сказал Малиновский.

— Вот это хорошо, — после некоторой паузы согласился Верховный<sup>1</sup>.

Ставку особенно интересовали вопросы образования брешей во вражеской обороне, использования подвижных войск при развитии успеха из тактического в оперативный, место и время встречи передовых частей, создание внутреннего и внешнего фронтов окружения, взаимодействие соединений для достижения цели.

Главная роль в операции отводилась фронту Малиновского. Разговор шел долго. Один раз дверь из кабинета в приемную приоткрылась. Родион Яковлевич хотел было прибегнуть к помощи командующего артиллерией фронта генерал-полковника артиллерии Н. С. Фомина, но обошлось в последнюю минуту.

Ставке понравилось задуманное массирование сил и средств на решающих направлениях за счет смелого ослабления других участков. Например, на 16-километровой полосе прорыва 2-го Украинского фронта намечалось сосредоточить 76 процентов всех орудий и минометов и до 85 процентов танков и самоходных артиллерийских установок. Да и ширина прорыва здесь составляла двадцатую часть общей протяженности переднего края. Расчеты показали превосходство над врагом на направлении главного удара: в личном составе — в 4—8 раз, в артиллерии в 6—11, в танках и САУ — в 6 раз.

Услышав об этом, Сталин повеселел, зная, что для успешного наступления требуется не менее трехкратного превосходства в силах и средствах, и сел на свое место у торцовой части стола. Напряжение спало. После обычной паузы он предложил Генеральному штабу срочно подготовить директиву фронтам о проведении новой наступательной операции согласно представленным планам. Они

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 19а. Оп. 2714. Д. 2. Л. 327—335.

вместе с картой в тот же день были доставлены в Генеральный штаб.

На обратном пути в самолете Малиновский поручил Н. С. Фомину сосредоточить для прорыва вражеской обороны на участке главной ударной группировки шесть с половиной тысяч орудий и минометов из десяти тысяч имевшихся.

Фомин припелся по душе Родиону Яковлевичу. Знакомство началось с того, что Малиновский попросил его изложить свое мнение об использовании артиллерии в современной операции. Досконально изучив докладную, он сказал:

— Я собирался взять с собой из 3-го Украинского фронта командующего артиллерией М. И. Неделина. Теперь знаю, что этого делать не следует.

И не ошибся. В Ясско-Кишиневской операции Н. С. Фомин проявил себя талантливым артиллеристом. А ведь в гимназические годы он мечтал стать художником: даже были выставки его работ. После ухода в отставку он вернется к мечте юности и напишет более ста пелотен, которые в 1981 году с успехом будут демонстрироваться в выставочном зале Центрального Дома Советской Армии.

Закончив подсчеты, командующий артиллерией доложил, что получилось 280 орудий на один километр в полосе ввода в прорыв танковой армии. Это по тем временам большая плотность.

В течение десяти суток к участку прорыва предстояло выдвинуть шесть артиллерийских дивизий, тридцать бригад и двадцать семь отдельных артчастей. В общей сложности до ста артиллерийских полков. Особенно беспокоила Фомина перегруппировка с левого крыла фронта, где противник имел возможность глубоко просматривать наши позиции. Дневные марши, естественно, исключались. Командующий был доволен. Оставалось по прибытии нацелить всех на проведение артподготовки по-новому, то есть не распределять артиллерию по целям, как было до этого, а заставить все стволы работать сообща. Сначала по первой траншее, потом по артпозициям, затем по командно-наблюдательным пунктам и так далее. Еще лучше, если все 280 орудий на километр фронта ударят по опорному пункту, который, допустим, занимает площадь 300 на 300 метров. Да если с переносом огня на другие цели на этот пункт ринется сразу 40—50 танков во время общей атаки, будет обеспечен полный успех.

Директива Ставки поступила следом. Началась интенсивная подготовка к действиям, начинка силами и средствами исходных районов. Координировал их представитель Ставки маршал С. К. Тимошенко. Войска главной ударной группировки в составе 27, 52, 53-й общевойсковых, 6-й танковой армий и 18-го танкового корпуса готовились для прорыва, встречи с соединениями Толбухина и последующего продвижения на Фокшаны. Им предстояло рассеять противника. Правее расположилась 7-я гвардейская армия с конно-механизированной группой (5-й гвардейский кавалерийский и 23-й танковый корпуса) для нанесения вспомогательного удара со стороны Карпат. Эта группа предназначалась для создания надежного внешнего фронта окружения. Левее находилась 4-я гвардейская армия для наступления вдоль восточного берега реки Прут на Унгены. Она должна была захватить переправы, отбросить вражеские части и тем самым помочь остальным форсировать водную преграду с западной стороны для уничтожения окруженных. Армия целиком предназначалась для образования внутреннего фронта окружения на самых горячих точках. Наконец на крайнем правом крыле изготавилась 40-я армия для наступления на Тупилацы, Пятра с тем, чтобы гарантировать внешний фронт окружения, отодвинув его на запад как можно дальше.

В первом эшелоне оперативного построения войск 2-го Украинского фронта справа налево располагались 40-я, 7-я гвардейская, 27, 52, 4-я гвардейская армии. 53-я армия выводилась во второй эшелон на направлении главного удара. За ними — 6-я танковая армия, три стрелковых, 5-й гвардейский кавалерийский, 18-й и 23-й танковые корпуса. Наличие сил и средств свидетельствует о том, что во фронте оставались еще довольно большие резервы. Кроме того, каждая армия имела свои собственные. Наземные войска поддерживала 5-я воздушная армия.

Успешно шла подготовка к операции и на 3-м Украинском фронте, расположившемся вдоль Днестра с севера на юг. Там все внимание сосредоточилось вокруг Кицканского плацдарма, который был захвачен еще весной, когда фронтом командовал Родион Яковлевич. Отсюда и планировалось нанести главный удар. На уцелевшую высокую колокольню поднялся Толбухин, чтобы собственными глазами увидеть картину на важнейшем участке задуманного прорыва. И ничего на местности не заметил, так отлично

была выполнена маскировка. Даже свои самолеты-разведчики, летающие для контроля, возвращались ни с чем. А ведь именно здесь разместилась усиленная армия. По ночам, используя переправы и подводный мост на Днестре, прибывали части еще одной армии. В оперативной глубине фронта скрытно готовился к вводу в прорыв механизированный корпус.

Зато под Кишиневом, на стыке фронтов, подготовка велась открыто, на дорогах можно было заметить колонны танков, артиллерии, велись радиопереговоры. Противник так и не установил, что активность эта ложная. Даже тогда, когда операция началась и оборона была прорвана, Фриснер все еще ждал главного удара на кишиневском направлении.

Расположить войска — полдела. Не менее важно было дообеспечение их боеприпасами и продовольствием в соответствии с задачами и ролью соединений. К ним тянулись с тыла необозримые линии вагонов, автомашин, повозок: все сновало и копошилось подобно огромному муравейнику. Подтягивались к переднему краю и развертывались медсанбаты и госпитали. Тыловые подразделения и части все выполняли добросовестно. Да и жесткого контроля побаивались: уж очень строго взыскивали старшие начальники за нарушение порядка и дисциплины. А в штабах управлений тыла фронтов и армий смотрели вперед — намечали новые границы уже на румынской территории, обдумывали перебазирование туда складов и развешивание станций снабжения.

Учеба во время подготовки операции приобрела более конкретный характер. Казалось бы, занятия накануне сражений! До них ли? Вот в том-то и дело, что каждый солдат, подразделение, часть должны были знать свой маневр — с чем и с кем придется взаимодействовать в наступлении. На практических занятиях по картам, схемам и визуально изучались балки, позиции, опорные пункты, оборонительные узлы с точки зрения обхода, лобовой атаки, подавления артиллерией и минометами.

Родион Яковлевич и Военный совет фронта надеялись на танки при прорыве вражеской обороны не менее, чем на артиллерию. Поэтому на командно-штабных занятиях они учили и требовали все выделенные сорок-пятьдесят единиц для каждой дивизии главного удара применить массировано и смело. Опыт показал, что, как правило, командир дивизии отдавал двенадцать танков одному

полку. Столько же — другому. Около восемнадцати — второму эшелону. Пять оставлял у себя на всякий случай. С ними спокойнее. В свою очередь командиры полков представляли по три, да командиры каждого батальона — по два. И в атакующей линии участвовало только двадцать пять. В первые минуты сгорало пять-восемь танков.

— Вы думаете, если, скажем, из пяти атакующих на 500-метровом фронте два сгорели, остальные будут очень резко прорывать? — спросил Малиновский у собравшихся на занятия военачальников и ответил: — Нет. Потому, что в них сидят живые люди. У некоторых начнут «заедать» фрикционы, у других «заклиниваться» башни, и танки остановятся для «ремонта». Из поддержки, по сути дела, получится пирик. А раз так — атака захлебнется... Чтобы этого не случилось, ведите на противника все сорок — пятьдесят машин, которые вам выделены, не оставляя ни одной в своем резерве. Чувствуя броневую связь, экипажи не ступают и танки пойдут всей массой. В таком случае прорыв будет обеспечен и враг сломлен.

Для большей убедительности командующий фронтом рассмотрел этот вопрос с точки зрения психологии обороняющегося. При атаке пятью танками даже закаленным в боях людям будет не по себе, но не так, чтобы бежать. Всеми силами они сожгут пару танков, да и с остальными справятся при помощи противотанковых средств. Но когда на них на шестисотметровом отрезке злое ползут пятьдесят чудовищ, извергая из орудий огненные плевки смертоносного металла, то «екнет сердце». Через некоторое время командованию сообщат, что идут не пятьдесят танков, а видимо-невидимо. Строгий командир потребует точных данных. И все равно ему донесут вдвое увеличенное число, а это подорвет веру в возможность их отражения. Конечно, таких солдат, как Роман Смищук, никакое количество вражеских танков не испугает. Такие люди рождаются героями. На днях я беседовал с ним и прикрепил к его гимнастерке орден Ленина и «Золотую Звезду». Удивительно, что он до этого вовсе не участвовал в боях. Наш расчет на воина средней стойкости, — закончил командующий.

Это о танках непосредственной поддержки пехоты во время атаки и прорыва главной полосы обороны на глубину пять-семь километров. А дальше что? А дальше требуется развитие успеха проникновением подвижных сил в

тыл противника для завершения его окружения. Ими являлись мощная танковая армия с отдельным танковым корпусом. Им-то и принадлежала главная роль в операции. Армией командовал генерал А. Г. Кравченко. Малиновский знал о нем как о человеке храбром, с оперативным кругозором и изобретательностью. «Раз Кравченко пошел — все будет в порядке», — говорил Захаров. Вместе с тем очень важно было ввести в прорыв танковую армию вовремя — не раньше и не позже. Это самое главное после полной готовности к действиям. В отличие от установившихся правил — вступай в прорыв в назначенное планом время — Малиновский уже давно исходил из того, что на войне все может быть. В том числе самое неожиданное и невероятное. А вдруг обстановка потребует ввести армию, скажем, в первый день, а не второй — с утра, как запланировано? Так было у него в предыдущих операциях. Конно-механизированная группа Плиева иногда вводилась в сражение даже для завершения тактического прорыва. Но выйдя на оперативный простор, пливцы действовали буквально виртуозно. Они громили тылы, не оглядываясь назад. Опираясь на этот опыт, командующий фронтом потребовал от танкистов быть готовыми к действиям уже в начале операции и ринуться вперед по сигналу. Именно по сигналу, а не по приказу. «Ну, а коль войдете в прорыв, — говорил он Кравченко, — назад не оглядывайтесь. У Плиева это очень хорошо получалось в 3-м Украинском фронте. Сейчас он где-то в Белоруссии воюет».

Малиновскому вспомнился храбрый сын Северной Осетии из семьи бедного горца. Худощавый, с длинной шеей, продолговатым скуластым лицом, прямым с горбинкой носом. Одним словом, орел в свои сорок три года: чертовски подвижный, несколько замкнутый, хитрый, как лиса, и исключительно исполнительный.

Мосты через водные преграды являлись важнейшим условием для продвижения танковой армии при вводе ее в прорыв. Родион Яковлевич считал наилучшим средством подводные мосты. Выступая перед командирами инженерных частей фронта, он подчеркнул: «...противник такие мосты не видит. Они находятся под водой на глубине 50—60 сантиметров с поплавочными обозначениями на поверхности для ориентировки войск при форсировании реки. Такие переправы противнику трудно обнаружить. Обязательно надо иметь и надводные мосты, которые бы при-

влекли к себе внимание вражеской авиаразведки. Но главный упор надо делать на подводные мосты»<sup>1</sup>.

...Два часа ночи 20 августа. Войны отдыхали перед боем. В домик командующего вошел оператор И. А. Милевский с донесением в Ставку о готовности фронта. Встретил его офицер для особых поручений командующего, полковник А. И. Феденев.

— Исай! Командующий спит.

— Донесение Сталину, как быть?

Меньше чем через минуту в переднюю комнату вошел Родион Яковлевич и досадливо сказал:

— Креста на вас нет, капитан.

— Так точно, товарищ командующий! У меня его никогда и не было.

— Я не в том смысле. Сегодня же такое сражение! Где были раньше? — спросил Малиновский.

— Только сейчас подвели все итоги, товарищ командующий, — отчеканил капитан.

Малиновский подписал боевое донесение.

Поспать больше уже не пришлось. Вновь и вновь он мысленно отыскивал изъяны и возможные подводные камни в ходе наступления. По ту сторону Фриснер с двадцатью дивизиями в первом эшелоне обороны ломал голову и тоже не отдыхал. С 18 августа он привел их в полную боевую готовность и ждал своей участи. Было поздно уже что-либо поправить на линии Тыргу-Фрумос, Яссы и у Тирасполя, тем более что оттуда они до последнего времени не ожидали наступления.

Рассветало. Все заняли свои места на командно-наблюдательном пункте в Рэдений, в тридцати километрах северо-западнее Ясс. Ждали приказа. Стрелки показывали шесть часов десять минут.

— Начнем, пожалуй, Семен Константинович?!

— Пора! — маршал взмахнул рукой.

— Начали, — тихо подал команду Малиновский.

Первые залпы потрясли ночную тишину. В грозном артиллерийском хоре выделялись мощные орудия. Это были 280-миллиметровые калибры артиллерии резерва Верховного Главнокомандования. Тысячи орудий поливали передний край. Сплошной гул заполнил пространство. Тимошенко пригласили к аппарату:

<sup>1</sup> ЦАМО, Ф. 19а, Оп. 2714. Д. 2, Л. 327.

— Как у вас там, товарищ Тимошенко?

— Ведем артподготовку, все идет по плану, товарищ Сталин.

— Передайте товарищу Малиновскому пусть позвонит, как пойдет атака. Желаю успехов<sup>1</sup>.

Вскоре ближние разрывы исчезли, и вдали появились бледные сполохи. Огонь был перенесен на вражеские батареи, затем на командные пункты и узлы связи. И опять на передний край. В грохот орудий впились завывания «катюш». От их залпов на позициях поднялись султаны пыли, из которой выскакивали огненные ракеты и неслись над головами десятков тысяч советских воинов, застывших в тревожном ожидании.

С переносом артиллерийско-минометного обстрела в глубину наши бойцы опасались ответного удара, но его не последовало. К концу артиллерийской подготовки Захаров доложил, что из шестидесяти батарей, подвергшихся воздействию на участке прорыва, заработали только три, и то на флангах.

— Ай да Фомин, ай да молодец! — улыбаясь воскликнул Малиновский.

— Ваше время, — сказал Родион Яковлевич командующему 5-й воздушной армией генерал-полковнику авиации С. К. Горюнову.

Через несколько минут над головами появились наши штурмовики, бомбардировщики, покачивая крыльями, как бы приветствуя своих на земле. Красиво!

И покатилося громкое «ура!». Атакующая лавина войск неудержимо устремилась вперед. Артиллерия переключилась на поддержку пехоты и танков. К гулу моторов, орудийных выстрелов и людских голосов присоединились тонкие нити автоматного-пулеметного трескотни. Начался самый ответственный момент. Как пойдет атака?

Скоро стало ясно, что она пошла успешно. Артиллеристы и авиаторы сделали все от них зависящее. Местность оказалась буквально перепахана снарядами. На местах блиндажей чернели ямы, из них торчали бревна, металлические рельсы и прутья. Были сорваны бронеколпаки, опрокинуты сгоревшие танки, изуродованы пушки, пулеметы.

За атакующим эшелонам двинулись в болотистую

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 983. Д. 9. Л. 152—154.

долину реки Бахлуй инженерно-саперные части. Около полудня начальник инженерных войск фронта доложил:

— Товарищ командующий фронтом! Мосты готовы.

— Это хорошо! — радостно произнес Малиновский и вдруг вспомнил, как в начале войны чуть не погорел, доложив непроверенные данные о появлении перед фронтом его корпуса около двухсот вражеских танков. Это было в сорок первом в районе Скулян — рядом. В данном же случае речь шла о запуске в прорыв танковой армии для развития успеха из тактического в оперативный. Поэтому он обратился к начальнику штаба фронта:

— Матвей Васильевич! Срочно проверь и доложи.

Все подтвердилось. Дан сигнал по радио и ракетами. И в 12 часов танкисты отважного Кравченко снялись с позиций. Это был первый случай, когда танковая армия вводилась в прорыв в середине первого дня наступления. Хорошо, что все время находилась в готовности номер один. Все сложилось как нельзя лучше. Малиновский, Захаров и другие военачальники видели своими глазами, как она мощно шагнула в прорыв. Дух захватило от радости.

— Товарищ Сталин! Введена армия Кравченко, все идет нормально, — доложил Малиновский, связавшись со Ставкой.

— Уверен в вашем успехе, товарищ Малиновский. Знаете, в резерве Ставки есть конно-механизированная группа Плиева. Может быть, вы ее возьмете к себе? Все отказываются. Конницу, что ли, никто не любит?..

— Вместо Кравченко, товарищ Сталин?

— Я вам этого не сказал.

— С удовольствием возьму, товарищ Сталин.

— Она вам пригодится, когда будете вести бой в районе Галаца<sup>1</sup>.

Конечно же, никому до Малиновского конно-механизированная группа Плиева не предлагалась. Командующие фронтами слишком хорошо знали героев-плиевцев, чтобы отказываться от них. Слова Сталина Родион Яковлевич расценил как намек на то, чему Ставка будет уделять главное внимание в ближайшее время.

Основные слагаемые начала операции были выполнены успешно. Напряжение на командном пункте спало, и Малиновский многозначительно сказал:

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 19а. Оп. 2714. Д. 2. Л. 344.

— Да, времена изменились бесспорно в нашу пользу. Мы можем навязывать противнику свою волю более спокойно.

На 3-м Украинском фронте артиллерийская подготовка началась в восемь утра. Сто пять минут били орудия. Огонь переносился с одной на другую линию укреплений. Атака двух армий была решительной. Из-под Тирасполя на запад, к Пруту, рванулся механизированный корпус, чтобы встретиться в районе Хуши с передовыми силами танковой армии 2-го Украинского фронта.

Воины демонстрировали боевое мастерство, отвагу и мужество, решимость добиться успеха. В первых рядах шли политработники и коммунисты. В войска главных ударов разъехались члены военных советов фронтов и армий, работники политорганов, корреспонденты газет.

С неба эшелонами штурмовали и бомбили противника самолеты двух воздушных армий. Погода в тот день была идеальной для ударов с воздуха. Единственными помехами являлись дым и пыль.

Действиями флота и морской авиации было уничтожено тридцать семь и повреждено десять кораблей гитлеровцев. Порты Сулин и Констанца, где главным образом базировался флот фашистов, оказались парализованными. Решительные действия наших моряков отвлекли значительные силы врага.

Удары фронтов оказались неожиданными и мощными. Все, в том числе и связь, было моментально разрушено и парализовано. Динамичность сражения увлекла некоторых советских командиров к управлению частями и соединениями открытым текстом, что запрещалось. В то же время связистами 2-го Украинского фронта были подслушаны переговоры, которые свидетельствовали, что творилось в стане врага: «Сильное сосредоточение огня артиллерии, минометов, лафетных и тяжелых пехотных орудий в направлении главного удара наступления... Чувствуется налаженное взаимодействие с танками, авиацией... Нет связи с корпусами... Дивизии действуют самостоятельно...» — надрываясь, докладывал командующий 6-й немецкой армией Фриснеру. «Солдаты бросают оружие и как сумасшедшие бегут... — Так наведите порядок или вы не в состоянии это сделать?... — А вы сами попробуйте... — За последние слова вас следует расстрелять!... — В таком случае приезжайте сюда...» Или на другом участке: «Сопровождаться невозможно. Потери в людях огромные... — За-

щищайте позиции во что бы то ни стало!... — К вашему желанию прибавьте хотя бы полсотни солдат... — Это не довод... — Как это не довод? Русские атакуют со всех сторон. Окружают...» — переговаривались в звене полк — дивизия.

Появление в прорыве танковой армии Кравченко оказалось полной неожиданностью для гитлеровцев. Танкисты увлекли за собой к третьей полосе вражеской обороны огромное количество пехоты, артиллерии при мощной поддержке авиации. Неотступно следовала оперативная группа с Малиновским. Захаров, оставаясь в штабе, принимал доклады командующих армиями и донесения от своих операторов. Где можно было, принимал решения, в остальных случаях связывался с командующим.

Солнце садилось. Но операция продолжалась на огромном пространстве. Штабы подвели первые итоги. Враг потерял девять дивизий. Фронты продвинулись на десять-шестнадцать километров. Это был большой успех.

Фриснер доносил в ставку Гитлера: «...Предпринятое советским командованием крупное наступление 20 августа подвергло неслыханному испытанию немецкие соединения, расположенные на румынской территории; 6-я и 8-я немецкие армии с самого начала поставлены в исключительно тяжелое положение; к вечеру, несмотря на ввод большого количества резервных частей, удалось лишь частично задержать наступление русских; они глубоко прорвали фронт и добились большого успеха на обоих участках; в течение 24 часов пять румынских дивизий оказались полностью уничтоженными, и вряд ли следует предполагать возможность использования танковой дивизии «Великая Румыния»<sup>1</sup>.

Второй день был переломным. Войска Кравченко разбили противника на горном хребте Маре, взломав третью оборонительную полосу, и наступление фронта стало развиваться в более стремительном темпе.

Однако было бы удивительно, если бы вся операция проходила без сучка и задоринки. Не совсем удачно поначалу складывались дела в 52-й армии Коротеева, которая наступала на главном направлении своим правым флангом. Она с помощью 18-го танкового корпуса взяла Яссы. Планировалось ввести его в прорыв в первый день, но обстановка не позволила. Гитлеровское командование подклю-

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 983. Д. 10. Л. 16—17.

чило к контратакам три пехотные и одну танковую дивизии. Необходимо было их перемолоть, сохранив корпус для развития успеха. С вводом танкистов в сражение наступление 52-й армии пошло веселее. А на правом крыле фронта был освобожден Тыргу-Фрумос.

К концу дня результаты оказались хорошими. Главные силы Малиновского вышли на оперативный простор, расширив прорыв до шестидесяти пяти километров и сорока в глубину. На фронте Толбухина благодаря стремительным действиям 7-го механизированного корпуса и войск главной ударной группировки продвижение составило девять километров и тридцать в глубину. Образовался большой разрыв между 6-й немецкой и 3-й румынской армиями.

Ставка внимательно следила за ходом операции. Вечером 21 августа фронтам поступило распоряжение как можно быстрее выйти в район Хуши и соединиться. Разгадав этот замысел, немецко-фашистское командование попыталось 22 августа вывести силы с кишиневского выступа за Прут. Но было уже слишком поздно. Помешала 4-я гвардейская армия, которая, перейдя в этот день в наступление вдоль левого берега реки, овладела двумя переправами, продвинувшись на двадцать пять километров. Да и 18-й танковый корпус подошел к Хуши. На внешнем фронте взят Васлуй, и армия Кравченко устремилась на Бырлад. Дела гитлеровцев с каждым часом становились все хуже и хуже. Они недосчитались уже одиннадцати румынских и четырех своих дивизий только от действий соединений Малиновского, кроме того, лишились основных путей отхода на запад.

Это означало, что к исходу 22 августа ударными силами фронтов было создано оперативное окружение вражеской группировки. Осталось замкнуть кольцо локтевой связью. Тут все кипело как в котле.

В разгар сражения Р. Я. Малиновский чуть было не выбыл из строя. Дело в том, что между Толбухиным и ним возникли разногласия в том, где наступать 4-й гвардейской армии, поскольку она якобы препятствует действиям войск 3-го Украинского фронта. Малиновский решил лично убедиться, прав ли Толбухин.

23 августа в воздух поднялись два самолета фронтового полка связи и низко летели под прикрытием истребителей. В первом находился заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант В. Д. Иванов, прибыв-

ший по заданию Ставки выявить истинное положение армии и решить вопрос, где ей лучше быть: на восточном берегу Прута, как планировалось, или переправиться на западный.

Во втором По-2 сидел Родион Яковлевич и внимательно рассматривал местность в районе Хуши, усыпанную техникой и людьми: внизу шел яростный бой. Он отчетливо видел, как фашисты стреляли по их самолетам. Вдруг обожгло спину, и теплая струйка потекла вниз, к поясице. Он глубоко вдохнул-выдохнул: «Дышится нормально, значит, легкие целы. Что делать? Сказать летчику или нет? — пронеслось в голове. — Если сказать, может перепугаться и что-то не так сделать. Лучше не говорить». Слегка коснувшись плеча пилота, он дал понять, что нужно идти на посадку. Сели. Осмотревшись, Иванов сказал:

— Родион Яковлевич, в моем самолете двенадцать пробоин.

— Сколько в моем, Владимир Дмитриевич, я не знаю, но, кажется, в спине одна есть, — ответил Малиновский.

Последовали обработка раны, просвечивание в фронтовом госпитале. И опять Родион Яковлевич ехал в автомобиле по опаленным дорогам. Известие о ранении дошло до Сталина.

— Как вы себя чувствуете, товарищ Малиновский? — спросил он.

— Хорошо, товарищ Сталин.

— Если нужно в госпиталь, не стесняйтесь.

— Позвольте закончить операцию, а там будет видно, товарищ Сталин.

— Не возражаю.

Оценивая обстановку за 23 августа, штаб Фриснера донес Гитлеру: «...Необыкновенно высокая подвижность неприятельских соединений в районах вторжения по фронту 6-й и 8-й армий создает серьезную опасность в первую очередь восточнее Прута, а затем и для корпусной группы Мит, подчиненной с сегодняшнего дня командованию 6-й армии. Продолжать бои на стороне немецких войск не выражает желания ни один румынский генерал, а также и командир танковой дивизии «Великая Румыния» генерал Корне, на которого возлагали надежду».

24 августа на Пруте, от Леушени до Леово, кольцо окружения замкнулось. В нем оказалось восемнадцать вражеских дивизий. Радовало освобождение Кишинева. Стало ясно, что вопрос о 4-й гвардейской армии отпал сам

по себе. Но возник другой. Как помочь начавшемуся вчера антифашистскому восстанию в Румынии? Антонеску свергнут. Новое правительство объявило войну фашистской Германии. Гитлер распорядился подавить восставших ближайшими к Бухаресту частями группы армий Фрисенера и удержать Румынию в своих руках.

В той ситуации необходимо было максимально ускорить освобождение страны. И советское командование пошло на это. Оставив тридцать четыре дивизии для уничтожения окруженных, пятьдесят оно направило в глубь Румынии. Танковая армия Кравченко полным ходом устремилась на юг — к Фокшанским воротам, некогда поверженным Суворовым, сметая все на своем пути. Один танк выскочил к мосту через реку Сирет. Его экипаж — лейтенант Г. В. Бурмак, старшина Ф. А. Куликов и младшие сержанты М. А. Макаров и Г. Г. Шевцов — захватил мост, быстро разминировал, чем помог форсированию реки всей танковой бригадой. Они стали Героями Советского Союза в числе тринадцати Героев только одного танкового батальона за форсирование Сирета и освобождение Фокшан. Впереди танковой армии находились Плоешти и Бухарест, а там и конец операции.

Создававшийся в основном войсками Малиновского внешний фронт «котла» настолько отодвинулся вперед от внутреннего, что о спасении окруженных не могло быть и речи, и тем не менее те отказались капитулировать. Тогда началось их уничтожение. Фашисты пытались вырваться из окружения. Они лезли на рожон, не считаясь с потерями. Если некоторым и удавалось прорваться за внутреннее кольцо, то их уничтожали другие части — артиллеристы, связисты и тыловые подразделения. Символично, что могилой захватчиков стала граница, которую они так легко перешагнули в сорок первом.

Операция закончилась задуманным результатом: за десять дней — предельно малый срок — уничтожено и пленено 300 тысяч фашистов, в том числе десять командиров дивизий и армейских корпусов, освобождена Молдавия, выведены из войны на стороне фашистской Германии Румыния и Болгария, открыт путь в Венгрию, Югославию и Чехословакию. Ее по праву можно назвать первой советской операцией интернационалистского характера, притом в классическом исполнении.

На этот раз, как было в случае поражения под Сталинградом, специального траура в Германии не объявлялось,

хотя руководство группы армий «Южная Украина» рассматривало уничтожение армий так, что с «военной точки зрения перед этим ударом судьбы меркнут все остальные сопутствующие обстоятельства, даже отпадение Румынии и объявление ею 23 августа войны Германии, к которому нельзя, конечно, относиться легко ни с политической, ни с экономической стороны...»

Газета «Правда» в те дни писала, что это одна из самых крупных и выдающихся по своему стратегическому и военно-политическому значению операций в нынешней войне. Недаром 13 сентября 1944 года в Москве, куда были вызваны оба командующие фронтами для подписания перемирия с Румынией, напутствуя командующего 1-м Белорусским фронтом Константина Константиновича Рокоссовского, скупой на похвалы Сталин сказал: «Только вы действуйте крепко, наступайте в быстром темпе, так, как они действовали, — он протянул руку с дымящейся трубкой в сторону Малиновского и Толбухина. — А они работали, как артисты, и заслужили маршалов».

## ОСВОБОЖДЕНИЕ ВЕНГРИИ, АВСТРИИ, ЧЕХОСЛОВАКИИ

Шла последняя военная осень. Обычными стали победы советских войск. Уже никто не сомневался в скором поражении Германии.

Наряду с успехами в Прибалтике началось наступление на южном крыле советско-германского фронта. 2-й Украинский фронт маршала Р. Я. Малиновского продвигался к Венгрии с юго-востока. Правее, обтекая карпатский выступ противника с трех сторон, действовали войска опять созданного 4-го Украинского фронта генерала армии И. Е. Петрова, а южнее, на территории Югославии, сражался 3-й Украинский фронт маршала Ф. И. Толбухина. Были благоприятные условия для охвата гитлеровцев в Венгрии и Северной Трансильвании. Ближе всех к Будапешту находились армии Р. Я. Малиновского, и ему отводилась главная роль в его освобождении.

Фашистская клика стремилась сохранить за собой последнего сателлита, чтобы преградить Советской Армии путь в Австрию и Южную Германию, а также прикрыть коммуникации своих соединений, действовавших в Югославии и Греции. Она рассматривала Венгрию как крупный

промышленный и сельскохозяйственный придасток. Гитлеровское командование поспешно создавало укрепления вдоль юго-восточных венгерских границ, перебросив сюда с запада дополнительные силы, и готовилось к контрударам из районов Дебрецена и Турды для захвата и удержания выходов из Трансильванских Альп, полагая, что советские фронты не смогут одновременно и наступать, и отражать сильные контрудары.

Фронту Р. Я. Малиновского противостояла группа армий «Юг» под командованием Фриснера, состоявшая из 8-й и вновь сформированной 6-й немецких, 2-й и 3-й венгерских армий — всего 29 дивизий и 5 бригад, и 3 дивизии группы армий «Ф» — 3500 орудий и минометов, 300 танков и около 550 самолетов 4-го воздушного флота<sup>1</sup>.

Однако остановить советские фронты уже ничто не могло. По решению Ставки ВГК они осуществили на Юго-Западном стратегическом направлении серию наступательных и оборонительных, малых и больших операций. Первой из них была упредившая вражеские контрудары Дебреценская наступательная операция 2-го Украинского фронта, который после усиления его Ставкой к началу октября имел 7-ю гвардейскую, 27, 40, 46, 53-ю общевойсковые и 6-ю гвардейскую танковую армии, 18-й танковый корпус, конно-механизированные группы И. А. Плиева и С. И. Горшкова, 5-ю воздушную армию, а также румынскую добровольческую дивизию имени Т. Владимиреску — всего 40 стрелковых дивизий, 3 танковых, 2 механизированных и 3 кавалерийских корпуса с 10200 орудиями и минометами, 750 танками и самоходно-артиллерийскими установками, 1100 самолетами. Кроме того, фронту подчинялись 1-я и 4-я румынские армии<sup>2</sup>.

Родион Яковлевич решил нанести главный удар из района Орадя в направлении на Дебрецен и вспомогательный — войсками правого крыла фронта с целью овладения районом Клуж, Сату-Маре и Карей, содействуя 4-му Украинскому фронту в проведении Карпатско-Ужгородской операции. На левом крыле предусматривался разгром врага на восточном берегу реки Тиса для обеспечения левого фланга главной ударной группировки фронта.

Характерной особенностью в планировании операции являлось необычное использование танковых войск. Учтя

слабую, очаговую оборону противника, наличие подавляющего превосходства в силах и средствах над ним, Р. Я. Малиновский приказал 6-й гвардейской танковой армии А. Г. Кравченко и конно-механизированной группе И. А. Плиева наступать в первом эшелоне ударной группировки для прорыва тактической зоны обороны врага и развития успеха в оперативной глубине. По расчетам командующего, такой вариант использования подвижных соединений приведет к мощному первоначальному удару по противнику, не успевшему создать прочную оборону. И он не ошибся.

Несмотря на сильное противодействие в районе Орадя, продвижение войск Р. Я. Малиновского осуществлялось по всему фронту, а танковая армия А. Г. Кравченко совместно с группами И. А. Плиева и С. И. Горшкова ударом по сходящимся направлениям овладела Дебреценом — важным узлом гитлеровской обороны. К концу операции — 28 октября — дивизии фронта за 23 дня освободили восточные и северо-восточные районы Венгрии, вышли на Тису от Чопа до Сольнока, продвинулись на 130—275 километров, разгромив 10 вражеских дивизий, взяв в плен 42 тысячи солдат и офицеров и уничтожив большое количество военной техники противника, помогли 4-му Украинскому фронту преодолеть Карпаты и овладеть Ужгородом, Мукачево.

Командный и политический состав фронта готовил операцию в условиях непрерывающихся действий и в ходе ее обогатился новым опытом боев в горно-лесистой местности, приобрел умение быстро и правильно оценивать сложную обстановку и производить перегруппировку сил и средств. В ней ярко проявилось военное мастерство командования фронта, которое гибко управляло войсками в сражениях, умело организовало и успешно осуществило стратегическое взаимодействие с 4-м Украинским фронтом.

Войска 2-го Украинского фронта вступили на территорию Венгрии под знаменем интернационализма. В конце октября Военный совет обратился с воззванием к венгерскому народу, в котором подчеркивалось, что Красная Армия вошла в страну не как завоевательница, а как освободительница от немецко-фашистского ига, что она не имеет других намерений, кроме разгрома фашистских армий и уничтожения господства гитлеровской Германии в поработенных ею государствах. Обращение легло в основу партийно-политической работы в войсках, явилось

<sup>1</sup> История второй мировой войны 1939—1945. Т. 9. М., 1978. С. 191.

<sup>2</sup> Там же. С. 190, 191.

призывом для установления взаимопонимания между советскими войсками и трудящимися освобождаемых стран.

Фронт Р. Я. Малиновского продвигался к Будапешту. Все яростнее становилось сопротивление немецких и венгерских фашистов. Гитлер и его клика пустили в ход крайние средства борьбы и политической обработки своих войск. Генерал-полковник Фриснер, командующий группой армий «Юг», в это время издал приказ, в котором говорилось: «...чем ближе мы к нашей родине, тем фанатичнее должна быть борьба, ибо теперь речь идет о собственном доме. Слышали ли вы зов немецкого фольксштурма? Для нас, закаленных в боях фронтовиков, это — святейшая обязанность. Кто не осознаёт ее, кто не отдается всецело борьбе, где бы это ни было, — не достоин быть немцем и попирает свою честь. Смотрите друг на друга, солдаты, и следите, чтобы малодушные и трусливые не сохраняли права на жизнь в нашем боевом содружестве за честь и свободу нашего отечества. Наша армейская группа — самый отдаленный от родины вал против большевистского натиска. Требуется всеми средствами уничтожить врага в предполье, пока он еще не достиг наших границ и мы еще обладаем свободой передвижений. Этим мы окажем лучшую помощь нашим союзникам, которых тоже касаются наши задачи... Так что все к борьбе, вплоть до ножей!..»<sup>1</sup>

В ответ на это Военный совет 2-го Украинского фронта распорядился забросить в расположение противника листовки, в которых немецкому солдату разъяснялась неизбежность поражения фашистской Германии, говорилось о том, что у них имеется только один выход — безоговорочная капитуляция.

После Дебреценской операции Верховный Главнокомандующий приказал 2-му Украинскому фронту перейти в наступление на венгерскую столицу 29 октября. Оно вызывалось политическими соображениями (окончательно развалить немецко-фашистский блок и упредить высадку англо-американских войск на Балканы) и обеспечивалось возможностями советских соединений, которые превосходили врага в 2 раза по пехоте, в 4,5 — по орудиям и минометам, в 1,9 — по танкам и самоходно-артиллерийским установкам, в 2,6 — по самолетам<sup>2</sup>. Это позволило им, опи-

раясь на опыт работы штабов и военачальников, проводить операции последовательно, без оперативных пауз для их подготовки (готовились в ходе наступления), что было новым явлением в военном искусстве.

Значительный перевес 2-го Украинского фронта являлся предпосылкой для разгрома главных сил группы армий «Юг» на северо-восточных подступах к венгерской столице. Однако Ставка приказала Малиновскому осуществить прорыв к Будапешту с юго-востока 46-й армией с двумя гвардейскими механизированными корпусами. При выработке такого решения она исходила из слабости обороны юго-восточных подступов к столице Венгрии.

Армия перешла в атаку днем 29 октября после короткой, но мощной артиллерийской подготовки, и оборона противника была прорвана. На рассвете 30 октября Малиновский ввел в прорыв 2-й гвардейский механизированный корпус. 2 ноября левое крыло фронта вышло с юга на подступы к Будапешту. Гитлеровцы вынуждены были из района Мишкольца, вдоль своей обороны по Тисе, перебросить сюда три танковые и одну механизированную дивизии, которые не позволили советским войскам ворваться в город с ходу. Тем самым противник значительно ослабил защиту Будапешта на северо-востоке — на дальних подступах к нему.

Родион Яковлевич доложил об этом Ставке ВГК. Последовал приказ нанести удар правым крылом фронта, перед которым гитлеровцы оказались ослабленными. Малиновский решил как можно быстрее преодолеть Тису в районе Мишкольца и юго-западнее, а чтобы обезопасить левое крыло со стороны Сольнока — не позднее 7 ноября ударить конно-механизированной группой Плиева из района того же Сольнока на север, расчленив вражеские войска перед центром фронта и свернуть их оборону по Тисе на северо-восток, чем оказать содействие дивизиям правого крыла в форсировании реки. Все это должно было происходить во взаимодействии с активным продвижением левого крыла.

Военный совет 2-го Украинского фронта приложил максимум усилий, чтобы в трудных условиях многодневных боев, несмотря на усталость частей, сильную растянутость их коммуникаций, несвоевременный подвоз боеприпасов, успешно выполнить поставленные задачи.

Убедившись, что наступление широким фронтом в дальнейшем нецелесообразно, Ставка приказала Р. Я. Ма-

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 19а. Оп. 2714. Д. 1. Л. 5.

<sup>2</sup> История второй мировой войны 1939—1945, Т. 9. С. 195.

линовскому создать решительное превосходство над противником в полосе 7-й гвардейской армии, введя 6-ю гвардейскую танковую армию и группу И. А. Плиева, а также сосредоточив здесь не менее двух артиллерийских дивизий прорыва для выхода севернее Будапешта. Наступление предлагалось возобновить не позднее 2—3 декабря 1944 года.

Проводились усиленная подготовка соединений и накопление материальных запасов. Члены военных советов фронта и армий, командиры и политорганы работали непосредственно в войсках. Большое внимание уделялось внедрению передового опыта борьбы с врагом в артиллерийских частях, прибывших из резерва Ставки Верховного Главнокомандования.

В результате последовавшего наступления войска фронта вышли к реке севернее и северо-западнее Будапешта, отрезав врагу пути отхода на север. На левом крыле 46-я армия форсировала Дунай и устремилась вперед с целью обхода венгерской столицы с юго-запада; затем, встретив сильное сопротивление, перешла к обороне и 12 декабря вошла в состав 3-го Украинского фронта, который перерезал коммуникации противника западнее Будапешта.

После этого Ставка поставила задачу — 3-му Украинскому фронту из района озера Веленце и войскам Р. Я. Малиновского из района Шаги повести встречное наступление на Эстергом с целью окружения и уничтожения будапештской группировки. Этот замысел был выполнен полностью. В котел попали 7 пехотных, 2 танковые, моторизованная, 2 кавалерийские дивизии, 3 артиллерийские бригады, 30 отдельных полков, батальонов, разных боевых групп общей численностью 188 тысяч человек.

Гитлер и военное командование призывали окруженные войска удерживать Будапешт до последнего солдата. «Мы перенесли тяжелые бои. Нам предстоит пережить суровые дни. Мы пересилим их прочным содружеством оружия, товариществом, взаимной выручкой. Мы сумеем сковать большие силы противника, чтобы остановить натиск Востока на нашу родину. Фюрер при этом нас не забудет. Каждое подразделение, каждый солдат должны любой ценой держаться, чтобы наше кольцо не было разорвано... Я уверен, что каждый офицер, унтер-офицер и солдат будапештского гарнизона будут фанатично сражаться. верные присяге. Все для свободы Германии и Вен-

грии!»<sup>1</sup>, — говорилось в приказе командира 9-го армейского горюстрелкового корпуса СС Пфедфер-Вильденбруха на третий день окружения.

В действительности же у гитлеровцев уже давно не было «содружества» и «товарищества», так как под ударами фронтов Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина венгерские войска переходили на нашу сторону. Фашистское командование предпринимало контрмеры. После того как 16 октября командующий 1-й венгерской армией Б. Миклош с частью штаба перешел на сторону советских войск, отношение немцев к венграм круто изменилось. Против них издавались секретные приказы, например командующего 6-й армией Фреттер-Пико. «Из-за участвовавших случаев перехода целых венгерских соединений на сторону врага ...приказываю: при установлении попытки перехода венгерских солдат или соединений надлежит немедленно открывать сосредоточенный огонь всех видов оружия по предательским ордам. Каждый должен знать: кто слишком труслив, чтобы умереть с честью, тот погибнет позорной смертью!»<sup>2</sup>, — писал фашистский генерал. Располагая венгерские части попеременно со своими, гитлеровское командование надеялось повысить их устойчивость в бою.

Эти и другие факты, а также фанатическое намерение оборонять Будапешт Военный совет 2-го Украинского фронта в своей оценке политико-морального состояния противника учитывал в своей работе. Он решил включать подобного рода вражеские приказы в текст листовок, которые разбрасывались над вражескими войсками. Политорганами печатались и распространялись обращения и воззвания к венгерскому народу, плакаты, изобличавшие звериный облик фашистской военщины. Издавалась ежедневная фронтовая газета на венгерском языке «Мадяр уйшаг». Проводились встречи и митинги с освобожденным населением, на которых выступавшие рассказывали о том, что Красная Армия идет исполинской, непреодолимой силой на фашизм, неся свет и свободу измученному человечеству...

Родион Яковлевич находился на наблюдательном пункте фронта в Тиссафельдваре. Ему принесли план города со всеми деталями: бульварами в три кольца, пересекающимися с радиально расходившимися от центра улицами;

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 19а. Оп. 2714. Д. 1. Л. 2.

<sup>2</sup> Там же. Л. 9—10.

фабриками и заводами, располагавшимися в южной половине левобережной части; правительственными и военными учреждениями и иностранными представительствами; вокзалами и многочисленными рынками, парками, дворцами, памятниками культуры и искусства; анфиладой мостов на 15-километровой ленте Дуная через город: их было семь, в том числе два железнодорожных, которые славились своей красотой. В Буде на горном рельефе, возвышающемся над всей левобережной частью, виднелись виллы и Баконский лес.

Кварталов в Пеште было очень много. Топографы насчитали около 5 тысяч. По данным разведки, основу обороны левобережной части Будапешта составляли узлы сопротивления из нескольких кварталов и опорные пункты в них из одного и более зданий. Полукольцевые оборонительные линии упирались своими флангами в Дунай. Отсеченные позиции проходили по радиальным улицам.

Перед войсками левого крыла 2-го Украинского фронта находился внешний городской обвод Пешта, возведенный по линии Дунакеси, Геделле, Ишасег, Илле, Ракоцилигет, Сигетсенмиклош. Перед центром и правым крылом противник оборонял восточную часть города, далее — правый берег реки Грон до Турина. 6-я гвардейская танковая армия была сосредоточена в тылу. Основные силы 3-го Украинского образовали внешний, а его 46-я армия со 2-м гвардейским механизированным корпусом — внутренний фронты окружения в западной части венгерской столицы.

На рассвете Малиновский на самолете поднялся в воздух, чтобы рассмотреть Будапешт и окрестности, лучше изучить местность, а также расположение своих войск и противника. Родион Яковлевич внимательно разглядывал бескрайние просторы с черными лесами, городами без единого огонька и синими реками. Вдоль переднего края, удаляясь и приближаясь к нему, а местами и пересекая его, тянулись темные узкие ленты железных дорог. Вспыхивали и гасли огоньки ружейно-пулеметной перестрелки. Осветительных ракет становилось меньше. А вот и Будапешт. Малиновский увидел поблескивающие позолотой купола и шпили соборов, которые возвышались над притихшим городом...

Желая избежать больших жертв среди мирного населения, разрушений жилых зданий и исторических памятников, наше командование предложило гитлеровцам сложить оружие. Но фашисты отвергли ультиматум и, наде-

ясь на деблокаду, злодейски убили парламентариев. Тогда 1 января 1945 года советские войска начали уничтожение окруженной группировки.

Чтобы поднять дух своих солдат, гитлеровцы в ночь на 2 января нанесли первый деблокирующий контрудар по внешнему фронту Ф. И. Толбухина со стороны Комарно на Бичке, Будапешт с одновременным встречным ударом окруженных по 46-й армии. Бои приняли исключительно ожесточенный характер. Ставка ВГК внимательно следила за ними. Она приказала Р. Я. Малиновскому сорвать вражеский контрудар. Родион Яковлевич решил выйти в тыл атакующим изнутри войсками 7-й гвардейской и 6-й гвардейской танковой армий, которые в ночь на 6 января внезапной атакой без артиллерийской подготовки прорвали оборону противника на реке Грон и устремились к Комарно с северо-востока. Гитлеровцы вынуждены были ослабить контрударную группировку, повернув значительную часть ее сил против 2-го Украинского фронта.

Два последующих контрудара по войскам Ф. И. Толбухина — внешнему фронту окружения — тоже не спасли осажденных. Однако в результате третьего контрудара в 20-х числах января для 3-го Украинского фронта сложилось тяжелое положение. Он оказался расколотым пополам, и враг рвался к Будапешту с юга, через коридор между озером Веленце и Дунаем. Благодаря привлечению части сил из 2-го Украинского фронта, особенно авиации, и другим мерам удалось восстановить прежнее положение войск 3-го Украинского фронта с выходом на озеро Веленце, Балатон. В этих условиях Ставка поручила маршалу С. К. Тимошенко координацию действий 2-го и 3-го Украинских фронтов в районе Будапешта.

Вражеские контрудары не принесли желаемых результатов. Однако борьба за Будапешт затянулась, поэтому Ставка возложила ликвидацию окруженной группировки на 2-й Украинский фронт, переподчинив ему 46-ю армию.

Противника в Пеште штурмовала созданная Р. Я. Малиновским будапештская группа войск в составе 30-го стрелкового корпуса генерала Г. С. Лазько, 7-го румынского армейского корпуса, 18-го гвардейского стрелкового корпуса генерала И. М. Афонина и девяти артиллерийских бригад. Вначале она действовала частью сил в подчинении 7-й гвардейской армии, а второй частью, то есть корпусом И. М. Афонина, — в подчинении фронта. С 11 января группой стал руководить сам Малиновский с командного

пункта штаба фронта в Хевеше (32 километра южнее Эгера), куда он переместился после окружения будапештской группировки.

В ход были пущены штурмовые группы — от взвода до роты пехоты с подрывниками, самоходками, танками, орудиями и минометами. Групп было много. Каждая действовала в своем направлении от здания (опорного пункта) к зданию, от квартала (узла сопротивления) к кварталу, снабженная планами для ориентирования.

Враг сопротивлялся ожесточенно, применяя все виды оружия и техники, используя стены домов, окна, этажи, чердаки, крыши, подъезды, ворота, баррикады — все, что можно было уничтожить и разрушить лишь стрельбой из орудий прямой наводки.

Обычно штурмовая группа перебегала к атакуемому зданию после подавления артиллерией видимых целей, провизкала внутрь через окна или пробитую подрывниками брешь, завязывала бой и теснила противника от подвала до чердака и крыши, затаскивая на этажи легкие пушки и даже реактивные снаряды для уничтожения огневых средств в соседних строениях. Артподготовки не было, были стрельба минометов навесным огнем для окаймления объектов да удары орудий всех систем прямой наводкой. Был массовый и личный героизм советских воинов. Пестрая картина уличных боев представляла сумму многочисленных малых и больших атак, быстрых перебежек от дома к дому, рукопашных схваток внутри зданий.

Родион Яковлевич уточнял направление главных ударов, обеспечивал их необходимыми силами и средствами и внимательно следил за соблюдением тесного взаимодействия между 40, 27 и 53-й армиями и конно-механизированной группой И. А. Плиева, которые наступали по чехословацкой территории.

Так затягивалась петля все туже и туже. Настало время, когда самолеты противника уже не могли сбрасывать осаждаемым боеприпасы и продовольствие — их сбивали наши зенитчики, и часто контейнеры падали в расположение советских войск. С окруженным противником в Пеште было покончено через восемь дней после рассеяния его 17 января на три части и пленения уцелевших. Затем Р. Я. Малиновский перебросил группу западнее столицы для овладения Будой совместно с поступившими в его распоряжение двумя стрелковыми корпусами 3-го Украинского фронта. После ранения генерала И. М. Афонина возгла-

вил группу командующий 53-й армией генерал И. М. Манагаров, имевший опыт боев за крупные города. Ее штаб разместился на базе штаба 18-го гвардейского стрелкового корпуса возле Будакеши — западного пригорода Буды. Здесь было самое узкое место между внешним и внутренним фронтом окружения. Фашисты стремились сюда извне, чтобы ударить по внутреннему фронту и выручить осажденных. Поэтому у командования не было уверенности, что штаб не будет атакован с тыла, со стороны Бичке.

По заданию Родиона Яковлевича на самый горячий участок окруженного Будапешта пробрался Н. С. Фомин с группой офицеров и совместно с И. М. Манагаровым организовал артиллерийскую поддержку боя. Он взял в свои руки командование артиллерией нескольких корпусов, действовавших на западном берегу, и войск, находившихся в Пеште, для координации огня по противнику в Буде.

Сюда же, в Будакеши, через опасные переправы, в обход пригородов прибыл маршал с группой генералов и офицеров, чтобы ускорить разгром врага и в этой части города. Увидев выставленные пулеметы для самообороны, Малиновский заметил: «Вы тут сами, как в осаде». Меньше всего он думал о собственной безопасности. Вот и на этот раз, подвергая себя большому риску, поехал в этот узкий коридор: никто не мог дать гарантии, что фашисты не прорвут его.

Час за часом, день за днем приближался конец борьбы в Будапеште. Фашисты не хотели сдаваться. Даже пытались использовать подземные коммуникации, чтобы через смотровые колодцы, расположенные за передовой линией боя, выйти из окружения. В ночь на 12 февраля гитлеровцы лишились последних надежд на спасение и прекратили сопротивление. Сто с лишним тысяч человек сдались в плен.

13 февраля 1945 года Будапешт был полностью очищен от противника. Он представлял собой сплошные развалины. Улицы были забиты военной техникой. Всюду торчали черные остоны сгоревших домов. Не было света, не работал транспорт. Из подвалов выходили голодные и измученные жители. Началось с разминирования венгерской столицы, возведения мостов через Дунай и снабжения населения продовольствием.

После Будапештской операции и отражения 3-м Украинским фронтом контрнаступления противника в районе озера Балатон 2-й Украинский фронт под командованием

Р. Я. Малиновского развернул широкое и решительное наступление на венском направлении и в Чехословакии. Освобождение территорий Чехословакии, Венгрии, Австрии накладывало отпечаток на работу политорганов соединений, вызывало множество форм и методов их деятельности с учетом традиционно-национальных и географических особенностей государств. Об этом рассказал начальник политуправления фронта генерал-лейтенант А. Н. Тевченков на совещании Героев Советского Союза, которое состоялось 23—24 февраля 1945 года по указанию Военного совета. На нем Р. Я. Малиновский выступил с речью. Подводя итоги боевого опыта, он призвал воинов, прибывших из Будапешта, Чехословакии и из-за Дуная, передавать его молодежи.

Это были дни затишья после ожесточенных оборонительных боев 7-й гвардейской армии на гронском плацдарме у Дуная. Несмотря на мужество и беспредельную храбрость пехотинцев, артиллеристов и танкистов, войска оставили его в силу ряда крупных просчетов: армейская разведка не обнаружила сосредоточения пяти пехотных и двух танковых вражеских дивизий; осталось незамеченным, что машины 1-го корпуса 6-й танковой армии СС вооружены приборами ночного видения, позволявшими противнику успешно вести ночные бои; было нарушено тактическое взаимодействие между корпусами. Свои замечания и неудовлетворение по этому поводу Родион Яковлевич высказал на совещании руководящего состава армии неизменно спокойным тоном и потребовал покончить с благодушием и самоуспокоенностью, появившимися у некоторой части комсостава в связи с непрерывным победоносным наступлением.

В марте 1945 года войска правого крыла фронта освободили от гитлеровских захватчиков чехословацкие города Банска-Штьявница, Зволен и вышли на реку Грон. Затем, содействуя 4-му Украинскому фронту в осуществлении Моравско-Оставской операции, наступавшие в горах Словакии 40-я и 4-я румынская армии 25 марта освободили Банска-Бистрицу и развили успех на Тренчин. Войска южного крыла фронта участвовали в наступлении 3-го Украинского фронта, завершая первый этап Венской операции.

Одновременно с этим 25 марта 2-й Украинский фронт начал Братиславско-Брноскую операцию вдоль левого берега Дуная. Она готовилась свыше месяца в условиях

непрекращавшихся боевых действий на флангах. Соединения пополнились людьми, оружием и боевой техникой, были созданы запасы горючего, боеприпасов, продовольствия.

В наступлении частям предстояло преодолеть четыре водные преграды: Грон с главной полосой обороны по западному берегу большой крутизны, Нитру, Ваг и Мораву со второй полосой и тыловыми рубежами. Разлившиеся реки являлись серьезным препятствием на 120-километровом пути предстоящего наступления центральной группировки фронта (53-й, 7-й гвардейской армий и 1-й гвардейской конно-механизированной группы) к Братиславе.

В связи с этим Родион Яковлевич потребовал от начальника инженерных войск генерала А. Д. Цирлина тщательной и скрытной подготовки понтонных частей и переправочных средств, разработки плана выдвижения их к водным рубежам, а от общевойсковых командиров — отработки в штабах всех вопросов форсирования рек.

Штабом фронта был спланирован и осуществлен контроль за подготовкой войск к операции, в том числе за форсированием реки Грон вне направления главного удара, чтобы ввести противника в заблуждение. К началу наступления распоряжением начальника штаба фронта генерал-полковника М. В. Захарова на одной из высот у Грона был оборудован передовой командный и наблюдательный пункт, куда прибыл маршал Малиновский. Здесь уже находилась группа генералов во главе с начальником оперативного управления штаба фронта генералом Н. О. Павловским. Сюда прибыли также командующий артиллерией фронта генерал Н. С. Фомин, начальник инженерных войск генерал А. Д. Цирлин и начальник войск связи генерал А. И. Леонов для наблюдения и руководства соединениями в ходе сражения при форсировании реки и прорыве ими главной полосы обороны противника.

Удар наносился войсками смежных флангов 7-й гвардейской, 53-й армий и 1-й гвардейской конно-механизированной группы в центре оперативного построения в направлении Братислава, Малацки, Брно во взаимодействии с Дунайской военной флотилией. Главную ударную группировку фронта поддерживала 5-я воздушная армия, в состав которой входил румынский отдельный авиационный корпус.

Форсирование реки Грон началось в ночь на 25 марта. Родион Яковлевич в это время находился на наблюдатель-

ном пункте командира 27-го гвардейского стрелкового корпуса и вместе с командующим 7-й гвардейской армией генерал-полковником М. С. Шумиловым непрерывно следил за действиями разведотрядов. Убедившись, что они зацепились за противоположный берег, а понтонеры навели несколько мостов, Малиновский распорядился начать наступление в 6 часов утра передовыми батальонами, а затем — главными силами первого эшелона. Начальнику инженерных войск фронта поступил приказ навести мосты для ввода в прорыв 1-й гвардейской конно-механизированной группы И. А. Плиева. Этому предшествовали мощные удары по врагу артиллерии и авиации.

Будучи введенной в сражение на второй день наступления, группа Плиева форсировала с ходу реку Нитра, помогла армиям главного удара расширить прорыв до 135 километров по фронту и 40 километров в глубину и к 29 марта освободила город Нове-Замки, открыв кратчайший путь к Братиславе.

К этому времени обстановка сложилась таким образом, что 46-я армия с 2-м гвардейским механизированным и 23-м танковым корпусами, проводившая с 16 марта совместно с 3-м Украинским фронтом Венскую наступательную операцию, продвинулась далеко на запад вдоль южного берега Дуная и 28 марта овладела венгерским городом Комаром на границе с Чехословакией, тогда как от чехословацкого города Комарно, раскинувшегося на противоположном берегу Дуная, 7-я гвардейская армия находилась еще далеко. Поэтому противник имел возможность обороняться фронтом на юг по северному берегу реки. Но выход войск Плиева в район Нове-Замки, а 46-й армии — в Комаром поставил фашистов под угрозу окружения на северном берегу Дуная.

В этой ситуации проявилась еще одна яркая черта полководческого искусства Малиновского. Он приказал командующему 46-й армией генерал-лейтенанту А. В. Петрушевскому повернуть 23-й стрелковый корпус на север, форсировать Дунай западнее Комарно, выйти в тыл противника с фланга и во взаимодействии с 25-м гвардейским стрелковым корпусом 7-й гвардейской армии, наступавшим с фронта, устремиться на Братиславу. Маневр был выполнен неожиданно и привел к большому успеху. Одновременно корабли Дунайской военной флотилии по приказу Родиона Яковлевича совершили 70-километровый ночной бросок по Дунаю и десантировали западнее Ко-

марно подразделения 83-й отдельной бригады морской пехоты.

Увлекая за собой общевойсковые армии, подвижная группа Плиева 30 марта преодолела реку Ваг. Действуя вне дорог, гвардейцы выходили в тыл вражеских войск, уничтожали технику и живую силу.

Родион Яковлевич 2 апреля переместил штаб фронта из северо-восточного пригорода Будапешта во Двори (6 километров восточнее Нове-Замки), откуда поставил задачу 7-й гвардейской армии М. С. Шумилова овладеть Братиславой не позднее 5—6 апреля, 1-й гвардейской конно-механизированной группе И. А. Плиева — наступать в общем направлении на Брно, а 46-й армии с 23-м танковым и 2-м гвардейским механизированным корпусами — двигаться на Вену во взаимодействии с войсками 3-го Украинского фронта. Между фронтами была установлена новая разграничения, нацелившая войска Р. Я. Малиновского на продолжение наступления в северо-западном направлении — на Брно.

В ходе операции разведка донесла, что Братислава тщательно подготовлена фашистами к обороне и штурм ее привел бы к большим разрушениям. Чтобы этого не случилось, Родион Яковлевич приказал 7-й гвардейской армии М. С. Шумилова обойти город с северо-запада и предупредил об этом С. К. Горюнова — командующего 5-й воздушной армией и Г. Н. Холостякова — командующего Дунайской военной флотилией, которые содействовали освобождению города.

Приказ Р. Я. Малиновского был выполнен. После взятия Братиславы, несмотря на дальнейшее сопротивление противника, армии подошли 7—12 апреля к реке Морава, форсировали ее и вступили на территорию Австрии.

8 апреля Военный совет 2-го Украинского фронта обратился к населению Австрии с заявлением о том, что Советская Армия вошла в ее пределы для полного разгрома гитлеровских войск и освобождения страны от немецко-фашистской оккупации, она будет содействовать восстановлению порядка, существовавшего в стране до 15 марта 1938 года — дня вторжения фашистов. Советское командование гарантировало австрийскому народу спокойствие, мирный труд и нормальную жизнь. Вместе с тем оно призывало на помощь в борьбе с врагом с целью быстрейшего восстановления свободной и независимой Австрии.

Тем временем главная ударная группировка фронта продвигалась в направлении второго по величине города Чехословакии, важного промышленного центра — Брно. На своем пути войска форсировали реку Морава и овладели Годонином — важным узлом дорог и сильным опорным пунктом противника на западном берегу. В честь их победы 13 апреля Москва салютовала двенадцатью артиллерийскими залпами.

В тот же день в московском небе отгремел салют и в честь войск 3-го Украинского фронта Ф. И. Толбухина, которые при содействии левого крыла 2-го Украинского фронта овладели столицей Австрии Веной — стратегически важным узлом обороны гитлеровцев, прикрывавшим пути к южным районам Германии.

13 апреля Родион Яковлевич переехал со штабом в Модру (24 километра северо-восточнее Братиславы) для организации наступления на Брно и дальнейшего выхода на Прагу. Для этой цели он вновь получил гвардейскую танковую армию А. Г. Кравченко из 3-го Украинского фронта, которая совместно с 53-й армией И. М. Манагарова и 1-й гвардейской конно-механизированной группой И. А. Плиева была использована на главном направлении. Правда, до этого она три дня наступала левее ударной группировки. Малиновский убедился, что по условиям местности не достигается массированного применения танков и желаемого темпа продвижения (15—20 километров за три дня), а на правом фланге ударной группировки войска наступали успешно. Туда-то командующий и решил перегруппировать танковую армию. 21 апреля она вышла из боя и в течение двух ночей скрытно вошла в полосу наступления 53-й армии, готовившей решающий удар на Брно. Танкисты получили задачу охватить Брно с юго-запада и совместно с конниками Плиева, имевшими цель обойти город с юго-востока, овладеть им. Ввод в сражение танковой армии Малиновский наметил в полосе 18-го гвардейского и 49-го стрелковых корпусов 53-й армии, куда 23 апреля прибыл с группой генералов, чтобы на месте контролировать ввод танков в сражение.

Город Брно обороняли две танковые, моторизованная, кавалерийская и несколько пехотных дивизий противника. Это были внушительные силы. Тем не менее окрыленные успехами советские войска 23 апреля возобновили наступление после недельной передышки. Разыгралось большое сражение в районе исторических Праценских высот, где

в 1805 году русское оружие скрестилось с наполеоновским. Бои шли днем и ночью. Наши части упорно продвигались вперед. Наконец они подошли к городу с нескольких направлений.

25 апреля, накануне штурма Брно, Малиновский вручил ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» 44 солдатам, сержантам и офицерам, удостоенным звания Героя Советского Союза за отвагу и мужество, проявленные в боях на территории Румынии и Венгрии. Награжденные заверили командование и Военный совет фронта в том, что умножат славу Красной Армии. Родион Яковлевич призвал Героев вести за собой бойцов в завершающих боях с врагом.

Войска приступили к штурму Брно и к исходу 26 апреля овладели им. Этим был закончен разгром гитлеровцев в Западных Карпатах, полностью освобождены Словакия и часть Моравии совместно с войсками 4-го Украинского фронта, который сыграл главную роль в Моравско-Оставской наступательной операции.

Падение Братиславы, Моравско-Оставы, Брно, Вены под непрерывными ударами трех фронтов привело к полному крушению всего южного крыла вражеской обороны. В результате этих операций гитлеровское командование недосчиталось многих дивизий — было уничтожено и взято в плен 428 тысяч солдат и офицеров. Перед советскими фронтами открылись пути в Центральную Чехословакию и к южным районам Германии для охвата группы армий «Центр» с трех сторон.

После успешного завершения Берлинской операции войска 1-го Украинского фронта нависли над районом Праги с севера. Наступая на оломоуцко-пражском направлении, 4-й Украинский фронт находился в 250—300 километрах восточнее столицы Чехословакии, а фронт Р. Я. Малиновского — в 160—200 километрах от нее с юго-востока. Три фронта, с учетом польских, румынских и чехословацких войск, имели 2 миллиона 28 тысяч человек, 30 452 орудия и миномета, 1960 танков и САУ, 3014 боевых самолетов против соответственно 900 тысяч, 9700, 1900, 1000 в немецко-фашистских войсках<sup>1</sup>.

Оценив военно-политическую обстановку, выгодное соотношение сил и конфигурацию положения советских

<sup>1</sup> История второй мировой войны 1939—1945. Т. 10. М., 1979. С. 350.

войск в районе Праги, Ставка ВГК уже в первых числах мая разработала Пражскую операцию, избрав наиболее решительную и эффективную форму наступления. Суть стратегического замысла заключалась в том, чтобы нанести два мощных удара по флангам группы армий «Центр» с последующим развитием их по сходящимся направлениям на Прагу. Цель — окружить, рассеять и разгромить вражеские войска в Центральной Чехословакии, не допустив отхода их в Южную Германию, и освободить Прагу.

1-му Украинскому фронту предстояло нанести главный удар из района Дрездена и одновременно наступать центром и левым крылом; 4-му Украинскому — всеми силами; правым крылом 2-го Украинского — из района Брно в направлении Йилгава, Прага и частью сил на Оломоуц. Начало операции намечалось 7 мая.

Р. Я. Малиновскому и командующему 1-м Украинским фронтом И. С. Коневу необходимо было за трое-четверо суток, которые отводились на подготовку, осуществить крупные перегруппировки сил и средств. Родиону Яковлевичу требовалось вывести из боя 6-ю гвардейскую танковую армию и 1-ю гвардейскую конно-механизированную группу и сосредоточить их на пражском направлении для ввода в сражение, а также принять 9-ю гвардейскую армию и выдвинуть ее в первый эшелон фронта. Перемещение войск осуществлялось с тем, чтобы иметь в центре главного удара 7-ю гвардейскую общевойсковую и 6-ю гвардейскую танковую армии, правее — 53-ю армию с корпусами 1-й румынской армии и 1-ю гвардейскую конно-механизированную группу, левее — 9-ю гвардейскую армию. Продвижением 40-й армии совместно с 4-й румынской армией на Оломоуц противник загонялся в мешок перед 4-м Украинским фронтом. Левое крыло 2-го Украинского фронта обеспечивалось наступлением его 46-й армии.

Выполнению смелого замысла способствовала большая партийно-политическая работа по преодолению самоупокоенности в связи с падением Берлина, психологического барьера из-за близкого окончания войны, а также по укреплению боевого содружества с воинами братских армий.

5 мая было получено по радио известие о начавшемся в Праге вооруженном восстании. Оно побудило советское командование начать операцию, не дожидаясь завершения перегруппировки войск. Первым обрушил мощный удар 1-й Украинский фронт, занявший исходное положение на два дня раньше, чем фронт маршала Малиновского, ко-

торый перешел в наступление 7 мая. К исходу дня соединения 2-го Украинского фронта прорвали тактическую зону вражеской обороны, и Родион Яковлевич ввел в сражение танковую армию. В небе непрерывно висели самолеты 5-й воздушной армии С. К. Горюнова. Сюда была привлечена и авиация 17-й воздушной армии 3-го Украинского фронта, которой командовал В. А. Судец.

Утром 9 мая вслед за танковыми армиями и подвижными группами 1-го и 4-го Украинских фронтов с юга в Прагу вступили 6-я гвардейская танковая армия А. Г. Кравченко и 1-я гвардейская конно-механизированная группа И. А. Плиева. Эти генералы сражались вместе с Родионом Яковлевичем почти на всем протяжении его боевого пути. Их войска использовались в оперативной глубине противника на решающих направлениях. Особенно отличился своими ошеломляющими рейдами по вражеским тылам Исса Александрович Плиев. Он одним из первых понял возможности конницы, соединенной с танками, и сыграл большую роль в наступательных операциях, придав им высокую мобильность, динамичность и результативность. Одна из прекрасных черт полководческой деятельности Р. Я. Малиновского и состояла в том, что маршал умело использовал военный талант таких командующих, как И. А. Плиев, А. Г. Кравченко, В. И. Чуйков, И. М. Манагаров и другие, и опирался на них и их войска в решении самых сложных задач.

Когда Великая Отечественная война подходила к концу и войска 2-го Украинского фронта ломали сопротивление противника в Чехословакии, партия и Советское правительство удостоили Родиона Яковлевича высшего военного ордена — «Победа».

## НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

23 июня 1945 года Верховным Советом СССР был принят Закон о демобилизации первой очереди военнотружущих сержантского и рядового состава старших возрастов. Эшелоны с возвращающимися домой воинами отправлялись в путь 5 июля, и с каждой пятнадцаткой их количество увеличивалось. Поезда были украшены цветами, транспарантами. Ждали их на всех станциях и полустанциях, малых и больших железнодорожных узлах. Митинги проходили прямо у составов. И так повсеместно. Это Родина радовалась возвращению своих сыновей, победивших

в столь страшной войне. Она встречала их торжественно, всем народом. К этому тщательно готовились партийные, советские органы и местное население. Близ станций и пристаней возникли приемные пункты. Школы и другие здания были приспособлены под гостиницы для временного размещения демобилизованных, столовые и буфеты — для питания.

Пожалуй, такой массовой встречи людей наша страна еще не знала. К новому году народное хозяйство пополнилось четырьмя с половиной миллионами тружеников. Большая часть из них прибывала из-за границы, остальные — из внутренних округов.

Ставка ВГК использовала движение этих эшелонов для оперативно-стратегической маскировки переброски на восток своих ударных сил на Дальний Восток и к Тихому океану, где Советское правительство вынуждено было четыре года держать не менее 40 дивизий, готовых к отражению японской агрессии. Верный союзническому долгу, Советский Союз готовился выступить против Японии, чтобы окончательно ликвидировать и этот очаг мировой войны. Для разгрома Квантунской армии в мае—июле с запада на Дальний Восток перебрасывалось два полевых управления фронта, три общевойсковые и одна танковая армия, два механизированных и один танковый корпус.

В одном из эшелонов для Забайкальского фронта следовало полевое управление бывшего 2-го Украинского фронта во главе с маршалом Малиновским, который был в погонах генерал-полковника под фамилией Морозов. Рядом с ним находились его начальник штаба генерал армии Захаров — тоже в звании генерал-полковника под фамилией Золотова и другие военачальники.

После очередной остановки за Уралом поезд набирал скорость. За окном проплывали поля, глухие сумрачные леса, березовые рощи, оживленные деревушки. Мелькали телефонные столбы и отдельные избы с огородами возле них. Малиновский тихо произнес: «Тот же стук колес, то же направление, только другой комфорт». Напротив сидел Матвей Васильевич Захаров, обхватив руками фарфоровый чайник с заваркой. На столе — чашки с чаем, бутерброды с колбасой. Услышав слова и уловив задумчивый взгляд, Захаров сказал: «Что-то вспоминается, Родион Яковлевич?»

— Да, было дело... Почти тридцать лет тому назад, в первую мировую и гражданскую, я исколесил это направ-

ление и поездом, и пешком. Только теперь здешние места не узнать: похорошели, смотри, какая рожь колыхается. Видимо, Ставка учла мой опыт борьбы с бандами Унгерна в Монголии, приняв решение назначить командующим фронтом.

— И недалекое прошлое. Я имею в виду боевые действия в горных условиях Румынии. Ведь впереди суровый и грозный Большой Хинган, — добавил Захаров. — И, видимо, Ясско-Кишиневские Каньоны учтены. Следует понимать так, что Ямаду тоже надо окружать.

— Возможно. Не сомневаюсь, что и тебя особо рассматривали в Ставке. Учти, Матвей Васильевич, маньчжурский театр куда сложнее. Нас замучит бездорожье, безводье, расстояния, солончаки, жара, миражи и многое другое, чего мы не испытывали при подготовке и проведении предыдущих операций.

...Перед отъездом в Читу Родион Яковлевич вместе с оперативной группой побывал в Москве. После предварительного пятидневного изучения материалов в Генеральном штабе он доложил в Ставке обстановку и предложения по проведению операции Забайкальского фронта. В ходе планирования были определены направления главного и вспомогательных ударов, состав сил и средств и их задачи, решен вопрос с назначением командующих, начальников родов войск и служб и дублеров.

Основную роль в операции предстояло выполнять Забайкальскому фронту, он больше других усиливался соединениями и частями западных фронтов, особенно 2-го Украинского, обогатившимися опытом действий в горных условиях. Поэтому прибывали бывшие его 53-я и 6-я гвардейская танковая армии, из резерва Ставки ВГК 39-я армия<sup>1</sup>.

Ставка намечала широкий размах стратегической операции. Фронту предстояло за 20—25 дней продвинуться на 600—800 километров. Исходные позиции вдоль границы, с учетом ее изломов и изгибов, предполагалось растянуть до 2 тысяч километров<sup>2</sup>, основную массу войск — сосредоточить на территории Монгольской Народной Республики. Левое крыло фронта упиралось в северные отроги Большого Хингана, покрытые непроходимой тайгой. Применение противником значительных сил отсюда

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 1022. Д. 47. Л. 2.

<sup>2</sup> Там же. Ф. 66а. Оп. 178499. Д. 8. Л. 4.

исключалось. Дивизии правого крыла намечалось разместить на безлюдной и безводной местности Монголии и Китая. Никаких других войск правее больше не предвиделось. Общее направление наступления — на юго-восток, на встречу 1-му и 2-му Дальневосточным, которым предстояло наносить удары соответственно с востока и севера. Ставка планировала рассечь Квантунскую армию и уничтожить, если она откажется сложить оружие.

Вслед за прибытием руководства в Читу поступила директива Ставки от 5 июля для Забайкальского фронта за подписями И. В. Сталина и А. И. Антонова. В ней определялась цель операции — стремительное вторжение в Центральную Маньчжурию 39, 53, 17-й общевойсковыми и 6-й гвардейской танковой армиями для разгрома основных сил Квантунской армии и выхода главных сил фронта на рубеж Чифын, Мукден, Чанчунь, Чжалантунь. Предписывалось операцию построить на внезапности удара и использовании подвижных соединений, в первую очередь 6-й гвардейской танковой армии: иметь главную ударную группировку в центре фронта для наступления в общем направлении на Чанчунь через Солунь, предвзятительно преодолев Большой Хинган; не дожидаясь полного сосредоточения 53-й армии, к 25 июля провести и закончить все подготовительные мероприятия по группировке войск, боевому и материально-техническому обеспечению, управлению и быть готовым к действию.

В Забайкалье Р. Я. Малиновский начал с рекогносцировки. Группы операторов пользовались самолетами. Первым взору Родиона Яковлевича открылось калганское направление вдоль тракта Улан-Батор—Бейпин (Пекин); левее — направление на Долоннор, Жэхэ и еще левее — на Чифын. На всех был возможен свободный маневр войск, кратчайшим путем они выводили к Ляодунскому заливу и рассматривались Малиновским как одно операционное направление. Поэтому можно было нанести здесь сильный танковый удар для выхода к морю. Однако Малиновский отказался от него из-за отсутствия железных дорог, населенных пунктов, водоемов и наличия сплошных песков и солончаков. Здесь должна была действовать копно-механизированная группа советско-монгольских войск во главе с генерал-полковником И. А. Плиевым и левее ее — 17-я армия под командованием генерал-лейтенанта А. И. Данилова.

Вторым рассматривалось направление, которое проходило вдоль Тамсаг-Булакского выступа на Таонань. Оно способствовало скрытному сосредоточению и допускало одновременное действие двух-трех корпусов. В этой части горы Большого Хингана пологие, но все же они ограничивали маневр войск, особенно механизированных. На пути не было железных и шоссейных дорог.

Наиболее удачным командующий Забайкальским фронтом считал операционное направление от Тамсаг-Булакского выступа на Солунь. Государственная граница здесь ближе подходит к хребту Большого Хингана, а ширина его до Ванемая не превышает 200 километров. На нем не было крупных рек и трудных перевалов. Оно кратчайшим путем выводило на Маньчжурскую равнину, коммуникации солуньской группировки противника и отрезало отход халун-аршанскому гарнизону. Кроме того, левее выступа, из района плацдарма на реке Халхин-Гол через Халун-Аршан на Солунь, проходили железная и шоссейная дороги. Они пролегали меж высокими и крутыми гор на вспомогательном направлении. С Тамсаг-Булакского выступа Родион Яковлевич наметил нанести главный удар фронта 6-й гвардейской танковой, 39-й и 53-й армиями под командованием генерал-полковника танковых войск А. Г. Кравченко, генерал-полковника И. И. Людникова, генерал-полковника И. М. Манагарова.

Рекогносцировка закончилась на четвертом операционном направлении — Хайлар, Цицикар, Харбин — ось Китайско-Восточной железной дороги. Оно было очень заманчивое, но Большой Хинган здесь непроходим вне дорог, а они заперты Маньчжурско-Чжалайнорским и Хайларским укрепленными районами. Серьезным препятствием являлась река Аргунь. По емкости направление позволяло действия до одной армии, и Малиновский решил использовать на нем 36-ю армию генерал-лейтенанта А. А. Луцинского.

Посоветовавшись с начальником штаба фронта генералом армии М. В. Захаровым по окончательным итогам рекогносцировки, Р. Я. Малиновский на второй день собрал совещание командующих армиями и объявил районы сосредоточения, подчеркнув, что самым обещающим операционным направлением является солунское с прилегающей к нему с юга полосой местности шириной до 200 километров. Он также сообщил, что 17-я армия входит в ударную группировку войск фронта. Это было неожиданным,

потому что она находилась на большом удалении. Сам командующий 17-й был удивлен, когда на плане операции, в котором действия армии раньше рассматривались как вспомогательные, Малиновский написал: «Именно действует на фланге главной группировки войск фронта. А вот правее Вас Плиев будет действовать на вспомогательном направлении»<sup>1</sup>. Позже Родион Яковлевич объяснил: «Таким решением я придавал активность 17-й армии, гарантию прикрытия солуньского направления с юго-запада, обеспеченность огромного пространства войсками»<sup>2</sup>.

В директиве Ставки был опущен вопрос, по которому не было достигнуто договоренности в Москве: где иметь танковую армию вначале операции — в первом эшелоне ударной группировки или во втором? Это означало, что его надо решать.

Дело в том, что Р. Я. Малиновский в Москве доложил И. В. Сталину о целесообразности ввести танковую армию во втором эшелоне, чтобы не потерять танки на Большом Хингане. Последовало возражение со стороны Генерального штаба. Все понимали, что оно имеет смысл, если к началу операции противник не выдвинет свои силы на хребет. И та и другая позиция не являлись доказуемыми, так как отсутствовали данные о намерениях врага. Тогда Верховный Главнокомандующий поручил Р. Я. Малиновскому разобраться и принять решение на месте.

Разведкой было подтверждено, что противник по-прежнему располагает главные силы в центральных районах Маньчжурии и нет никаких признаков выдвижения войск к Большому Хингану.

И все же Р. Я. Малиновский не сразу принял решение. Его беспокоило то обстоятельство, что к началу наступления фронта, дата которого не была определена, японцы могут перегруппироваться. Предусмотрев на этот случай выдвижение вперед мотострелковых соединений, он решил вести танковую армию через Большой Хинган в первом эшелоне ударной группировки. Это ускорило бы темп наступления и обеспечило выполнение ближайшей задачи фронта на 5—10 дней раньше установленного срока для общевойсковых армий.

На случай выдвижения противника к Большому Хингану Родион Яковлевич увеличил состав танковой армии: к двум механизированным и одному танковому корпусам

прибавил две мотострелковые дивизии, длительное время находившиеся на Дальнем Востоке и хорошо подготовленные для действий в условиях пустынной и горной местности; две самоходно-артиллерийские бригады и четыре отдельных танковых батальона (всего 1019 танков и САУ, 118 бронемашин, 945 полевых орудий и минометов, 165 зенитных орудий, 6489 автомашин и 948 мотоциклов)<sup>1</sup>.

Таким образом, с учетом использования 39-й армии в первом эшелоне и 53-й — во втором в ударную группировку было включено больше половины сил и средств фронта. По расчетам командующего, они должны были на первом этапе операции преодолеть полосу пустынь и гор на глубину 400 километров, на втором — достичь района Чанчунь, Мукден, пройдя еще 300—400 километров.

Для этого 19 дивизий, 2 механизированных и танковый корпус заняли выгодный исходный район в восточном выступе территории Монгольской Народной Республики в готовности к действиям по кратчайшему пути до перевалов через суровый и грозный Большой Хинган в центральных районах Маньчжурии.

На правом крыле фронта (калганское направление) изготовились конно-механизированная группа советско-монгольских войск и 17-я общевойсковая армия для действий вдоль дорог (по наиболее доступной местности), которые выводили к жизненно важным центрам Внутренней Монголии и Маньчжурии; при этом конно-механизированная группа нацеливалась на Долоннор, Жэхэ, а 17-я общевойсковая армия — вдоль дороги на Чифын между конно-механизированной группой и ударной группировкой, фактически являясь ее составной частью.

На левом крыле (хайларское направление) была развернута 36-я армия. Ее главные силы заняли исходное положение в районе Староцурухайтуй, реки Урулюнгуй, то есть на направлении, наиболее выгодном для форсирования реки Аргунь и выводившем с востока к городу Хайлар в обход Маньчжурско-Чжалайнорского укрепленного района.

В целом Забайкальский фронт должен был соединиться с главными силами 1-го Дальневосточного в районе Чанчунь, Мукден с задачей совместно с 2-м Дальневосточным окружить и уничтожить главные силы Квантунской армии.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3116. Д. 294. Л. 91.

<sup>2</sup> Там же. Ф. 19а. Оп. 1331. Д. 182. Л. 112—113.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3116. Д. 294. Л. 107—119.

Наступление 36-й армии на хайларском и конно-механизированной группы на калганском направлениях имело задачей прочно обеспечить фланги ударной группировки фронта, а 17-я армия, в свою очередь, должна была составить ее правый фланг.

Ставка ВГК и Генеральный штаб согласились с решением Малиновского. Командование фронта приступило к выдвиганию войск в районы сосредоточения, их боевому и материально-техническому обеспечению.

Переброска 39-й армии генерала И. И. Людникова из района Кенигсберга, 53-й — генерала И. М. Манагарова и 6-й гвардейской танковой армии генерала А. Г. Кравченко из-под Праги осуществлялась на расстоянии 9—12 тысяч километров по единственной Транссибирской железнодорожной магистрали. В район восточнее Байкала до Читы по железной дороге ежедневно в среднем подавалось до 15 пар поездов в июне и до 11 — в июле. Далее участок базирования Забайкальского фронта от Карымской до Чойбалсана пропускал не более 8 пар поездов в сутки. Чтобы уложиться в сроки по сосредоточению и развертыванию войск, в Иркутск и Карымскую были высланы специальные группы офицеров, которые определяли, какие части должны следовать до Чойбалсана по железной дороге, а какие — выгружаться между Читой и Карымской для движения своим ходом (моторизованные части и артиллерия на мехтяге). В Чойбалсане те и другие соединялись и выдвигались в район сосредоточения. Идущие своим ходом войска покрывали 600—900 километров по безводным забайкальским и монгольским степям, что вызывало большой перерасход горючего. Но другого выхода не было. Решение такое оправдано, сроки сосредоточения выдержаны.

Насколько серьезно стоял вопрос материального обеспечения войск, свидетельствует личная тетрадь командующего<sup>1</sup>. Родион Яковлевич с 30 июля по 20 августа ежедневно контролировал количество прибывших грузов и убывших в армии напрямую или из фронтовых складов. Учет велся в эшелонах, вагонах, платформах, цистернах, машинах, самолетах, тоннах и штуках — в зависимости от их характера. Например, 31 июля 1945 года записано: «План — 20 эш. 1. Всего прибыло — 21. Из них: оперативных — 9, снабженческих — 6 (374 вагона), смешанных —

6. II. Отправлено: по узкоколейке (всего — 155 вагонов), из них: а) Кравченко: боеприпасов — 39 вагонов, продовольствия — 20, горючего — 36; б) Худякову: боеприпасов — 20 вагонов... По грунту: ... в) Людникову (своим автотранспортом): продфураж — 172 автомашины, горючее — 56 автомашин...»<sup>1</sup>.

Судя по записям, Р. Я. Малиновского тревожило обеспечение войск, особенно танковой армии горюче-смазочными материалами. Так, уже в ходе боев для 6-й гвардейской танковой армии 12 августа 1945 года отправлено: самолетами: автобензина 35 тонн, дизтоплива 32 тонны, масла 10 тонн; автотранспортом: автобензина 158 тонн, дизтоплива 102 тонны, масла 107 тонн...<sup>2</sup>. Из тетради видно, что с 16 августа горюче-смазочные материалы в далеко ушедшие вперед войска доставлялись только по воздуху.

Командование беспокоил вопрос скрытности, но сохранить в полной тайне от японцев переброску огромного количества войск и материалов через всю Сибирь по одной железной дороге, пусть даже под видом передвижения демобилизованных воинов и перегруппировки танковой армии, было невозможно. Тем более что в Чите находилось японское консульство, которое наблюдало движение воинских эшелонов и транспортов к границе, а в пограничном советско-маньчжурском районе были установлены мощные подзорные трубы и специальные команды наблюдали за нашей стороной. Число таких постов на севере и против Внешней Монголии достигло 40<sup>3</sup>.

Но от противника важно было сохранить в тайне направление главного удара. С этой целью Родион Яковлевич подписал ряд приказов для осуществления следующих мероприятий: отселялось все гражданское монгольское население из приграничной полосы в глубь республики; радиостанции не работали; заранее производились командирские рекогносцировки; были взяты под охрану фронтовые и армейские коммуникации. В самом начале планирования операции Р. Я. Малиновский приказал начальнику штаба фронта строго выполнять директиву Ставки ВГК, которая допускала к разработке плана в полном объеме только Военный совет и начальника оперативного управления. Начальники родов войск и служб ознакомились лишь со своими вопросами. Маршал ставил задачи коман-

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 19а. Оп. 1331. Д. 149. Л. 1—50.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 19а. Оп. 1331. Д. 149. Л. 1—50.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. Оп. 283. Д. 1. Л. 21.

дующими армиями лично, без вручения письменных директив. Вся документация хранилась в сейфе Малиновского, а планы армейских операций — в сейфах командующих армиями. Переписка и переговоры с начальником Генерального штаба по вопросам, связанным с операцией, велись только через Родиона Яковлевича.

Принятые меры дали положительные результаты. «Японцам так и не удалось получить информации, достаточной для представления о передвижениях Красной Армии на Дальнем Востоке»<sup>1</sup>, — подтвердил позже военнопленный японский генерал Мацумура.

Примерно в это же время в штабе Квантунской армии было проведено секретное совещание. В нем принимали участие командующие 3-м фронтом Усироку и 44-й армией Хонго из Мукдена, 4-й отдельной армией Чэмура из Цицикара, 30-й и 2-й воздушными армиями из Чанчуня<sup>2</sup>.

На совещании речь шла о том, что, по данным генштаба японской армии и консульства в Чите, русские накапливают силы под прикрытием передвижения демобилизованных воинов. Информировав об этом, командующий Квантунской армией Ямада требовал от имени императора драться до последнего солдата в случае военных действий Красной Армии против Японии. Далее он сообщил о необходимости уточнения оперативного плана, разработанного японской ставкой весной 1945 года. Выступивший на совещании начальник штаба Квантунской армии генерал Хата заявил, что вероятным для главного удара советских войск он считает направление со стороны Монгольской Народной Республики — от Тамсаг-Булакского выступа, так как оно имеет открытые подступы к Чанчуню. По его мнению, через южные отроги Большого Хингана также возможно направление главного удара, потому что они невысокие и легко проходимые<sup>3</sup>.

Основные силы западного сектора Квантунской армии были сосредоточены на Маньчжурской равнине, что соответствовало новому оперативному плану ставки. А именно: войска 3-го фронта (30-я, 44-я армии и отдельные соединения) занимали районы Чанчуня, Мукдена фронтом на запад и северо-запад, а 4-я отдельная армия — впереди них фронтом на северо-запад.

Задачи: главной группе войск — прикрыть подступы к железной дороге Чанчунь—Дайрен, не допустить выхода Красной Армии в этот район и Корею и находиться в готовности к нанесению мощного контрудара; частям 4-й отдельной армии — остановить противника по линии хребтов Малый и Большой Хинган, а в случае отступления — увеличить плотность войск района основного сопротивления<sup>1</sup>.

Границу предстояло оборонять заслонами 4-й отдельной армии и 10-го военного округа Маньчжурской армии, размещившимися в старых укрепленных районах. Наиболее мощным из них является Хайларский, оборудованный подземными галереями и представлявший собой неприступную крепость. Войскам здесь было приказано стоять насмерть. Командующего 10-м военным округом Маньчжурской армии генерала Гоу Венлина на это совещание не пригласили. Ставка делалась на японские войска и их генерала Чэмуру.

Суть замысла вражеского командования сводилась к тому, чтобы упорным сопротивлением в приграничных районах задержать советские войска на восточных отрогах Большого Хингана. И только в случае усиления натиска и значительного превосходства — отступить за линию Тумынь, Чанчунь, Дайрен, охраняя территорию Кореи, и одновременно готовиться к военным операциям большого масштаба по плану ставки<sup>2</sup>.

Располагать силы западнее японцам было не выгодно, так как там не было оборонительных рубежей. Подготовка маньчжурского театра по новому плану началась весной 1945 года и к этому времени еще не закончилась. Ведось сооружение оборонительного рубежа Сахалин, Бухэду, Учагоу, Ваньмяо, Таонань, Тунляо и Жэхэ. Предусматривалось строительство дополнительных укрепленных районов внутри Маньчжурии, но к этой, второй, очереди японцы еще не приступили. По их мнению, линия Тумынь, Чанчунь, Дайрен в них не нуждалась, поскольку проходила по горно-лесистой местности<sup>3</sup>.

— Всего этого недостаточно, — заметил Усироку.

— Что вы можете предложить, господин Усироку? — спросил Ямада.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 19а. Оп. 283. Д. 1. Л. 350.

<sup>2</sup> Там же. Л. 309.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 16а. Оп. 1022. Д. 47. Л. 162.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 1022. Д. 47. Л. 140, 161.; Ф. 19а. Оп. 283. Д. 1. Л. 301.

<sup>2</sup> Там же. Ф. 16а. Оп. 1022. Д. 47. Л. 159—160.

<sup>3</sup> Там же. Л. 160, 162, 163.

— Пожалуй, ничего. По-видимому, уже поздно. Тем не менее я считаю, что главный наш конек — Большой Хинган, а мы его оставляем фактически открытым и собираемся дать решающий бой на равнине. Это создает опасность, особенно если русские будут применять тяжелые танки.

— Ставка оценивает силы советских войск на Дальнем Востоке в 30—40 дивизий, преимущественно стрелковых, что не дает перевеса над Квантунской армией<sup>1</sup>, — сказал Ямада.

Разъехались неудовлетворенные тем, что не получили ясности о противнике и его намерениях. Не совсем понятен был план действий, не хватало уверенности в победе. На словах верило в нее только руководство Квантунской армии. Командующие другими армиями не высказали своего отношения.

Очень далеки были японские милитаристы от реального положения вещей. Советские фронты готовили им удар мощной силы. Вместе с Военно-Морским Флотом они насчитывали 1 миллион 747 тысяч 465 воинов, 5 тысяч 250 танков и самоходно-артиллерийских установок, 29 тысяч 835 орудий и минометов, 5 тысяч 171 самолет против 1 миллиона человек, 1215 танков, 6 тысяч 640 орудий и минометов, 1907 самолетов противника<sup>2</sup>.

Только Забайкальский фронт подготовил к наступлению 39 дивизий, 45 бригад и 54 отдельных полка основных родов сухопутных войск, 582 тысячи воинов, 2,4 тысячи танков, 9 тысяч орудий и минометов, свыше тысячи самолетов<sup>3</sup>.

Против него за сопками и Большим Хинганом стояли 24 дивизии, насчитывающие 407 тысяч солдат, 385 танков, свыше тысячи орудий, 130 самолетов<sup>4</sup>.

Наступил август 1945 года. В самом начале его закончила работу Потсдамская конференция глав правительств СССР, Великобритании и США, которые решали вопросы послевоенного устройства Европы и разгрома последнего агрессора — на Дальнем Востоке.

<sup>1</sup> Финал: Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. М., 1959. С. 81.

<sup>2</sup> История второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. М., 1980. С. 182, 194—197.

<sup>3</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 1022. Д. 47. Л. 4.

<sup>4</sup> Там же.

6 августа мир был потрясен зловещей атомной бомбардировкой Хиросимы, а затем Нагасаки. Военной необходимостью она не вызывалась, ибо вопрос разгрома Японии был предрешен обычными вооружениями с вступлением в войну Советского Союза согласно союзническим договоренностям. Руководители США об этом хорошо знали. Взрывы были произведены по политическим соображениям, с целью устрашения прежде всего СССР. Это чувствовалось по всему.

7 августа Забайкальский фронт получил приказ Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршала А. М. Василевского о начале действий против Японии: передовыми отрядами перейти границу 8 августа в 24 часа по местному времени, или в 18 часов по московскому. Главные силы должны пересечь границу не позднее 4 часов 30 минут 9 августа по забайкальскому времени<sup>1</sup>.

Штаб фронта переместился на главное направление в Матат-Сомон, а накануне боевых действий Родион Яковлевич с оперативной группой расположился еще ближе к границе — в Тамсаг-Булаке.

Поздним вечером Р. Я. Малиновский вышел на прогулку. Жара спала. Тянуло прохладой со стороны гор. К нему подошел М. В. Захаров.

— Что по ту сторону? — спросил Родион Яковлевич.

— Никаких движений, как будто бы знают и ждут...

— Вполне возможно. Как насчет светомаскировки?

— Подготовили директиву. Александр Николаевич ее уже подписал, — ответил Захаров.

Речь шла о генерале Тевченкове. Во 2-м Украинском фронте он занимал должность начальника политического управления, с марта 1945 года стал членом Военного совета. В этой же должности прибыл на Восток вместе с Родионом Яковлевичем. Александр Николаевич обладал большим опытом партийно-политической работы, приобретенным в боевых условиях на Западе.

Подготовленная директива гласила, что с 12 часов по местному времени 9 августа вводится военное положение на всей территории Читинской области, согласно которому от населения и органов власти требуется соблюдать спокойствие, дисциплину, порядок, светомаскировку, оказывать помощь и содействие военному командованию

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 4. Д. 159. Л. 11—13.

в использовании сил и средств для нужд обороны и в обеспечении общественного порядка и безопасности.

Родион Яковлевич подписал директиву и приказал передать текст в 23 часа по местному времени.

Командующий и начальник штаба уже знали, что через несколько минут Народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов примет японского посла Сато и делает ему от имени Советского правительства заявление, что с 9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией. Он сообщит также, что одновременно с этим советский посол в Токио Я. А. Малик передаст японскому правительству настоящее заявление<sup>1</sup>.

Утром 9 августа весь мир был оповещен по радио о действиях Советского Союза. Все ждали вестей с фронта. А тем временем наши воины уже шли по Маньчжурии, начав свой исторический поход в 00 часов 10 минут по местному времени передовыми отрядами и в 4 часа 30 минут — главными силами.

Наступление началось без артиллерийской и авиационной подготовки. В них не было необходимости. Во-первых, потому, что главные силы противника (3-й фронт) находились в 400—600 километрах от рубежей развертывания советско-монгольских войск. Во-вторых, в приграничной полосе оборонялись лишь небольшие отряды прикрытия.

Стремительным броском танков и моторизованной пехоты войска Забайкальского фронта должны были выдвинуться к Большому Хингану, преодолеть перевалы на хребте, захватить выходы из гор, чем упредить подход к ним вражеских резервов и обеспечить продвижение своей пехоты. Внезапность и быстрота действий — вот что лежало в основе такого решения.

Лавина техники и людей смяла японско-маньчжурские заслоны на всех направлениях и устремилась вперед. Части 6-й гвардейской танковой армии 11—12 августа перешли Большой Хинган и заняли город Лубэй у восточного подножия Хинганского хребта. 14 августа передовой отряд левой колонны, несколько отставший при преодолении Большого Хингана, вступил в Таонань, расположенный также на восточной стороне хребта.

Находясь со своим подвижным командно-наблюдательным пунктом в танковой армии, Родион Яковлевич с радостью узнал, что танкисты вышли на противоположные

скаты Большого Хингана раньше установленного срока, создав условия для прохождения горной полосы войскам 53-й армии. Первыми он встретил 227-ю и 317-ю стрелковые дивизии под командованием полковников С. З. Петрова и М. И. Добровольского, которые и доложили обстановку.

Труден был путь гвардейской танковой. Колонны шли по тропам и проселочным дорогам, соединявшим стойбища кочевников с населенными пунктами. В некоторых провинциях селения были обнесены кирпичными или каменными стенами. Иногда вместо стен сооружались валы и рвы, их приходилось брать с боем. В горах дороги проходили преимущественно в долинах рек. Дожди превратили их в серьезные препятствия, для преодоления которых использовали заранее заготовленные детали деревянных мостов, бревна, связки хвороста. Но потребность в них оказалась большей, чем располагала армия. Поэтому продвижение ее было крайне затруднительным.

Плохое состояние дорог вызвало перерасход горючего. Для доставки топлива была привлечена транспортная авиация, и она существенно помогла, хотя отсутствие удобных посадочных площадок в горах затрудняло работу летчиков. Предприимчивый Кравченко предложил и Р. Я. Малиновский согласился передать горючее с автомобилей танкам, чтобы быстрее перебросить их на восточные склоны Большого Хингана, а стрелковые части двинуть пешком. Автомашины под охраной были остановлены в горах<sup>1</sup>.

Из района Лубэй, Таонань танковая армия повернула в сторону Чанчуня и Мукдена. Правая колонна в составе 5-го танкового и 9-го механизированного гвардейских корпусов у Кайлу вступила в долину, где из-за прошедших дождей дороги превратились в сплошное болото. Произошла заминка. Генерал Кравченко принял решение, которое одобрил Малиновский: танки прошли 120 километров по насыпи железной дороги. От сильной тряски выходили из строя радиостанции, гусеницы разрушали железнодорожное полотно, но другого выхода не было. 19 августа передовые части армии находились уже в 100—120 километрах от Чанчуня.

39-я армия с исходного положения выступила тремя колоннами. 113-й стрелковый корпус, имея впереди 61-ю

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 1022. Д. 47. Л. 17, 18.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 2693. Д. 153. Л. 60.

танковую дивизию, составил правую колонну и двигался немного южнее в обход Солуня и Ванемяо с юга. 5-й гвардейский стрелковый корпус — в центре, в направлении Солунь, Ванемяо. В левой колонне находился 94-й стрелковый корпус, наступавший на Халун-Аршан и далее на Хайлар. В боях до перевалов через Большой Хинган армия разгромила 107-ю японскую пехотную дивизию, затем преодолела хребет и ударила в тыл солунской группировки вражеских войск. К 19 августа ее главные силы вышли из полосы гор и вступили на Маньчжурскую равнину. И здесь из-за отсутствия дорог для продвижения было использовано железнодорожное полотно на Солунь—Таоань.

Правофланговая группировка советских войск — конно-механизированная группа и 36-я армия на левом крыле фронта успешно продвигались вперед. На калганском направлении они вошли в оперативное взаимодействие с Народно-революционной армией Китая, наступавшей в Северном Китае на Калган и по берегу Ляодунского залива.

Таким образом, за короткое время фронт разгромил калганскую, солунскую и хайларскую группировки вражеских войск, овладев Чжанбэйским, Учагоуским, Халун-Аршанским, Маньчжурско-Чжалайнорским и Хайларским укрепленными районами, форсировал приграничную пустынно-гористую полосу и, оставив в тылу часть соединений для блокирования и пленения противника, успешно продвигался главными силами в глубь Маньчжурии.

На второй день наступления в штаб фронта начали поступать иностранные радиосообщения о решении японского правительства принять условия капитуляции. М. В. Захаров запросил командующего: «...Каким должно быть наше отношение?» Родион Яковлевич ответил: «Самое отрицательное, поскольку нас это не касается. Однако сообщите в Генеральный штаб».

Вскоре в войска фронта был передан приказ командующего следующего содержания: «Не обращать внимания на радиосообщения о возможной капитуляции Японии, а продолжать выполнение поставленных задач, не снижая темпов наступления. Получение подтвердить. 10.8.45 года 24.00»<sup>1</sup>. В штабе Квантунской армии не случайно не доверяли командующему маньчжурскими войсками. Утром 11 августа этот генерал принял решение расправиться с офицерами, препятствовавшими капитуляции. Среди пос-

ледних были четыре подполковника, шесть майоров, пять капитанов и другие. После этого он выслал парламентариев и сдался в плен нашим войскам с большой группой солдат и офицеров в 40 километрах юго-западнее Хайлара, в районе Шинхэна<sup>1</sup>.

В этот день фронтовая газета «Суворовский натиск» опубликовала экстренное заявление ТАСС: «Вчера, 10 августа, у советского посла в Японии Я. А. Малика состоялась встреча с японским министром иностранных дел господином Того. Последний сделал следующее заявление: «Японское правительство готово принять условия Декларации от 26 июля сего года, к которой присоединилось Советское правительство. Японское правительство понимает, что эта Декларация не содержит требований, ущемляющих prerogatives императора как суверенного правителя Японии. Японское правительство просит определенного уведомления по этому поводу». Господин Того также сообщил, что аналогичное заявление передано правительствам США, Англии и Китая через Швецию»<sup>2</sup>.

Английское радио сообщило, что в Японии имеется оппозиция такому решению: военный министр возражает против капитуляции и от имени императора призывает все вооруженные силы страны продолжать войну<sup>3</sup>.

Тем временем армии Р. Я. Малиновского стремительно продвигались в глубь Маньчжурии, захватывая много пленных и трофеев, подтягивая и закрепляя тылы, а также уничтожая узлы сопротивления.

14 августа правительство США получило через Швецию сообщение из Японии: «...его величество император издал императорский рескрипт о принятии Японией условий Потсдамской декларации... готов санкционировать и обеспечить подписание необходимых условий... готов дать от себя приказы всем военным, военно-морским и авиационным властям Японии и всем находящимся в их подчинении вооруженным силам прекратить боевые действия и сдать оружие, а также дать такие другие приказы, которые может потребовать Верховный Командующий Союзных вооруженных сил в целях осуществления вышеуказанных условий»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 1022. Д. 47. Л. 141, 142.

<sup>2</sup> Там же. Л. 35.

<sup>3</sup> Там же. Л. 34—35.

<sup>4</sup> Там же. Л. 55.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 1022. Д. 47. Л. 24.

Командованию фронта стало известно, что кабинет барона Судзуки подал в отставку, а военный министр Анами покончил жизнь самоубийством 14 августа. На этот раз Р. Я. Малиновский считал целесообразным, не ослабляя наступления, лично связаться с Генеральным штабом и запросить общеполитическую обстановку. По-видимому такие же запросы последовали и от других командующих фронтами.

Начальник Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов разъяснил: «Сделанное японским императором от 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией. Приказ о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Капитуляцию можно будет считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполнен. Ввиду изложенного, Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии»<sup>1</sup>.

И наступление продолжалось. Тщательно отлаженная военная машина действовала безукоризненно. Нарезались все новые и новые разграничительные линии между армиями. Одно за другим посылались в войска боевые распоряжения, уточнявшие направления и задачи продвижения вперед.

6-я гвардейская танковая армия А. Г. Кравченко подходила к Чанчуню и Мукдену — основным стратегическим центрам врага. Конно-механизированная группа И. А. Плиева и действовавшие юго-восточнее ее части 8-й НРА Китая перерезали сообщения между Маньчжурией и Северным Китаем, изолировав таким образом Квантунскую армию от группировки японских войск в этой стране. Квантунская армия разваливалась. В плен сдавались большие партии японских и маньчжурских солдат и офицеров. Стала очевидной ее окончательная гибель.

В 18 часов 05 минут 17 августа по радио был перехвачен приказ Ямады о немедленном прекращении боевых действий и сдаче оружия советским войскам. Авиаразведка отмечала движение железнодорожных эшелонов из Центральной Маньчжурии на юг и юго-восток. Японцы

пытались спасти имущество и награбленные ценности. Помешать этому могла только 17-я армия: она ближе всех находилась к морю. Родион Яковлевич принял решение выделить от каждого ее корпуса подвижный отряд в составе самоходного артдивизиона, истребительно-противотанкового артиллерийского полка, стрелкового батальона на автомашинах с задачей: к утру 20 августа выйти в район Чифыны, ближе к морю<sup>1</sup>.

Утром 18 августа началась массовая сдача в плен вражеских войск. Капитулировал гарнизон Хайларского укрепленного района во главе с генералом Номурой. Колесания японского императора были сломлены, сопротивление войск падало.

Из Москвы поступил приказ, и Р. Я. Малиновский немедленно, то есть в 12 часов, довел его до командиров полков включительно: «Советская Ставка Верховного Главнокомандования требует прекратить боевые действия на тех участках фронта, где японские войска складывают оружие и сдаются в плен...»<sup>2</sup>.

Однако Ямада по указанию из Токио не шел на безоговорочную капитуляцию, желая затянуть время и спасти от полного разгрома основную военную силу Японии.

Курс Советского Верховного Главнокомандования был один — никаких переговоров, только безоговорочная капитуляция. 19 августа в воздух поднялся самолет с десантом на борту и взял курс на Чанчунь. Одновременно Ямаде была послана предупредительная радиogramма следующего содержания: «Сегодня 19 августа в 8 часов парламентерская группа в составе пяти офицеров и шести рядовых, возглавляемая уполномоченным командующего Забайкальским фронтом полковником Артеменко И. Т., самолетом СИ-47 в сопровождении девяти истребителей отправлена в штаб Квантунской армии с ультиматумом о безоговорочной капитуляции и прекращении сопротивления. В последний раз требую обеспечить и подтвердить гарантию на перелет. В случае нарушения международных правил вся ответственность ляжет на Вас лично»<sup>3</sup>.

Ямада негодовал от злобы и собственного бессилия. В его штабе началась суматоха. Но деваться было некуда, и он согласился обеспечить безопасность парламентеров.

В 12 часов 125 десантников сводного отряда 30-й мех-

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 1022. Д. 47. Л. 56.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 1022. Д. 47. Л. 51—61.

<sup>2</sup> Там же. Л. 64.

<sup>3</sup> ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 4. Д. 101. Л. 354.

бригады приземлились в Чанчуне на транспортных самолетах вместе с группой парламентариев. Через 75 минут в Мудлене высадился советский десант численностью 225 человек во главе с генерал-майором А. Д. Притулой<sup>1</sup>.

Командующему Квантунской армией в Чанчуне генералу Ямаде и почти одновременно начальнику мукденского гарнизона (он же командующий 44-й армией) генералу Хонго было вручено требование маршала Р. Я. Малиновского о полной капитуляции. После некоторых проволочек, не видя иного выхода, генерал Ямада и премьер-министр Маньчжоу-Го Чжан Цзинхуэй, оказавшийся в Мукдене, вынуждены были подписать акт о безоговорочной капитуляции.

— Родион Яковлевич! Получен сигнал, что с десантами все в порядке, — доложил по телефону Матвей Васильевич.

— Кажется, все, — сказал Малиновский находившемуся рядом А. Н. Тевченкову. Оба с нетерпением ожидали исхода: слишком памятен был будапештский пример.

— Поздравляю, Матвей Васильевич! Немедленно отправляй комендантов, как договорились, — приказал Малиновский.

М. В. Захаров отдал последние распоряжения, и в воздух на Чанчунь поднялся самолет, в салоне его находился генерал-майор Ф. С. Карлов с отрядом в 19 человек, а на Мукден — генерал-майор А. И. Ковтун-Станкевич с группой красноармейцев и офицеров.

Коменданты приземлились на военных аэродромах, занятых советскими войсками. За ними последовали очередные службы, а затем сухопутные отряды 7-го мехкорпуса и полностью 210-я стрелковая дивизия.

Город Чанчунь издавна привлекал внимание японских захватчиков выгодным географическим положением: он являлся узлом железных дорог, крупным торговым и промышленным пунктом, административным центром провинции Цилинь (Гирин) и располагался на реке Итунхэ Сунгарийского водного бассейна. 14 лет он был оккупирован японскими милитаристами и являлся столицей марионеточного государства Маньчжоу-Го. В нем находилось множество административных зданий, мрачных казарм и военных складов. Сейчас в Чанчуне жизнь замерла. Японские чиновники, руководители учреждений и предприятий

бежали. В крупнейшем здании размещался деморализованный штаб «великой» армии. В казармах ждали распоряжений части 148-й и 117-й японских пехотных дивизий, жандармские и другие специальные подразделения. Среди них был маньчжурский отряд численностью до 3 тысяч человек под командованием полковника Чо. Кругом — долговременные сооружения, незаконченное строительство противотанковых рвов, баррикады и надолбы на улицах. По всему было видно, что город готовился к длительному сопротивлению. Радиоузел, телефонная станция, электростанция и банк Маньчжоу-Го уже охранялись советскими солдатами из первой группы.

Быстро уточнив обстановку на месте через И. Т. Артеменко, комендант прибыл к Ямаде и предложил отдать приказ войскам о выполнении условий капитуляции. В этот же день японские части вышли за город в указанные пункты и сложили оружие.

Тем временем советские части продвигались к намеченным пунктам, восстанавливая железнодорожные пути на освобожденной территории, разоружая капитулировавшие штабы и войска.

Однако на пути к цели Забайкальский фронт испытывал немалые трудности из-за нехватки горючего, вызванной динамичностью действий, большими расстояниями и климатическими условиями. Военный совет непрерывно просил Ставку об увеличении лимитов. И вот по этому поводу к исходу 24 августа состоялся разговор по прямому проводу:

— У аппарата маршал Василевский.

— Я вас слушаю, Александр Михайлович.

— Звонили из Ставки. Выразили недовольство тем, что вы безмерно расходуете горючее и просьбам нет конца.

— Тут какое-то недоразумение. Надо настаивать.

— И все же хотелось бы просить вас, Родион Яковлевич, принять более энергичные меры по экономии горючего.

— Александр Михайлович! Фронт за 14 суток продвинулся на тысячу километров, базируясь только на автотранспорт. 75 процентов машин стоит без горючего на бездорожье в диких степях Внешней и Внутренней Монголии, где хватает одной заправки только на 80—100 километров. Так как же быть дальше?

— Продолжайте настойчиво ходатайствовать, я буду поддерживать. К тому же, возможно, все скоро закончится.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 4. Д. 101. Л. 270, 353—358.

Доверительно сообщая, что завтра, в час ночи по местному времени, вылетит в город Манилу наш генерал Деревянко для подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии<sup>1</sup>.

Маршал А. М. Василевский сдержал слово. При его содействии правительство увеличило лимит расхода горюче-смазочных материалов до конца месяца в связи с быстрым продвижением войск, плохим состоянием дорог и удлинением коммуникаций подвоза. Фронт дополнительно получил 10 тысяч тонн горючего всех видов. Вместе с тем главным издал приказ об экономии горючего и ввел систему контроля за его расходованием.

Китайское население с радостью встретило вступление советских войск на территорию Маньчжурии. Люди выносили бойцам воду, огурцы, помидоры и другие продукты. Здесь же китайцы предлагали свою помощь: ремонтировать дороги и мосты, вылавливать разбежавшихся по сопкам японских солдат, указывать места вражеских засад и так далее.

В больших населенных пунктах стихийно возникали митинги и демонстрации, на которых жители выражали искреннюю благодарность за освобождение и принимали обращения. На одном из них, состоявшемся 14 августа 1945 года в городе Мулине, говорилось: «...Сегодня мы впервые после долгих лет тягостной жизни под гнетом японских милитаристов свободно собрались на митинг... Сейчас над нашей страной поднимается заря освобождения... Соотечественники! Мы призываем вас оказывать всемерную помощь Красной Армии... Вылавливайте и разоблачайте японских шпионов, диверсантов, вредителей и передавайте их в руки советского командования. Быстрее восстанавливайте работу предприятий, заведений, больниц, коммунальных и культурных учреждений. Приводите в порядок села и города. Налаживайте нормальную жизнь...»<sup>2</sup>.

...Позади сотни километров наступления. Операция подходила к концу, когда разведка сообщила, что в тылу 14-й гвардейской минометной бригады полковника Ковчура появились вооруженные группы разгромленной 107-й японской пехотной дивизии, не знавших о капитуляции Квантунской армии и намеренных прорваться в южном

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 4. Д. 101. Л. 111—113.

<sup>2</sup> Там же. Оп. 2212. Д. 657. Л. 52—53.

направлении. Задача заключалась в том, чтобы перекрыть пути отступления противника и разбить его. В качестве передового отряда впереди бригады действовала одна из батарей, которая выслала разведгруппу в количестве восьми добровольцев в горный массив Мааньшаня с заданием продержаться на перекрестке дорог до утра и обеспечить выход на него батареи.

Тяжело урча, полуторка, петляя вдоль быстрой реки, медленно поднималась в горы. Ее воды то исчезали, шумя в глубоком ущелье, то появлялись вновь. Солнце золотило вершины скал. В долине потянуло прохладой. После жары дышать стало легче. В машине ехали лейтенант М. Долгих, сержант А. Гургенидзе, младший сержант И. Тордия, рядовые П. Фролов, В. Сенькин, А. Львов, М. Сочков, П. Никонов. Всю ночь гвардейцы вели неравный бой. Загорался рассвет. Батарея спешила на помощь...

О последнем сражении артиллеристов стало известно Малиновскому и Фомину. Рано утром у подножия горной гряды минометчиков обогнали броневик и два «виллиса», в сопровождении группы мотоциклистов-автоматчиков. Они остановились впереди головной машины с антенной. С нее прыгнул высокий худощавый полковник лет тридцати пяти со шрамом на лице. Он поднял руку, и колонна остановилась. Затем, не спеша, почему-то снял с груди автомат и перевесил его на плечо. На запыленной гимнастерке сверкали боевые ордена, среди них два Красного Знамени. Р. Я. Малиновский еще подумал: «Молодой, но бывалый полковник, видимо, нарочно открыл их».

Выслушав доклад о выполнении бригадой задачи и действиях разведывательной группы, маршал спросил: «Где это произошло?»

— Там, в горах Мааньшаня, товарищ Маршал Советского Союза, в населенном пункте Алигете, километров десять вверх, — бойко и так же неторопливо ответил полковник.

Родион Яковлевич убедился, что перед ним боевой, знающий задачу и обстановку командир. Гнев, с которым ехал и хотел обрушиться на комбрига, сменился каким-то подсознательным уважением к нему, особенно когда он вспомнил доклады Фомина, как люди бригады Ковчура уже не раз храбро вступали в бой, опрокидывали самураев и брали их в плен.

— Ребята хорошие? — спросил маршал.

— Очень. Все отличились на Западе. Вызвались добровольцами. Для них разведка, что игрушка.

— Вот и доигрались. Почему не выручили?

— Выбросили туда батарею.

— Что сообщает? — торопливо спросил Фомин, стараясь снять накал, который, как ему показалось, увеличивался. Генерал-полковник артиллерии был уверен, что командующий не поступит несправедливо, такого еще не было, и все же неосознанный инстинкт защиты людей от несправедливости взял верх и он вмешался.

— Не успела, товарищ командующий. По радию донесли, что бой закончился до ее появления и японцы ушли, оставив много трупов, — ответил полковник. — Часть самураев попала в плен.

— Свяжитесь и передайте, пусть ничего не трогают, — распорядился маршал. — Едем, — кинул Малиновский, повернувшись к Фомину.

— Есть, — ответил тот.

Фомин знал, с какой болью Малиновский относится к жертвам, которых можно было бы избежать в этой операции, и понимал, что три месяца мирной жизни после большой войны на Западе вытеснили из него терпимость к смерти. Не случайно маршал предупреждал перед кампанией: «Берегите людей». Вот почему гибель группы солдат, пусть даже небольшой, Родион Яковлевич воспринял так тяжело. Взяв с собой оперативников бригады для управления огнем в случае необходимости, они отправились по дороге, которая не была обозначена на карте, но по ней уже прошли разведчики и батарея.

Пахло утренней свежестью. Лиловый туман заполнил низины и ущелья. Уходя к порозовевшему небу, вдали виднелись очертания гор. Суровые скалы нависали одна над другой. Острые зубчатые вершины скрывались и вновь появлялись в просветах облаков. Мохнатые и низкорослые горные дубы и сосны росли на скалах и пологих местах. Это справа и слева по маршруту каменистыми уступами поднимался Большой Хинган — таинственный и недоступный, по мнению японской военщины.

Показалась изуродованная полуторка. Видимо подорвана. «Наша, отечественная», — сказал Фомин, подойдя поближе. И опять по машинам. А вот и оно — селение из одного двора за противоположными скатами. Теперь здесь батарея, как передовой разведотряд. Навстречу бежал ее командир. Осмотр. «Здесь, в далеких краях от Родины, они

вошли в бессмертие тогда, когда Квантунская армия повержена и сопротивление японских самураев бессмысленно. Тем больше скорбим мы о павших юношах, — печальным голосом произнес маршал. — Похороните гвардейцев на этой горе со всеми воинскими почестями. От пленных узнайте подробности», — распорядился он...

За подготовку и проведение операции в Маньчжурии Родиону Яковлевичу Малиновскому было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Вместе с ним высоких правительственных наград удостоены видные военачальники фронта, генералы, офицеры и солдаты, героическими действиями которых был ускорен финал последней операции Великой Отечественной, а с ней и всей второй мировой войны.

## В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

После разгрома Квантунской армии и подписания 22 сентября 1945 года акта о капитуляции Японии на Дальнем Востоке заметно оживилась деятельность США по завоеванию утраченных японскими империалистами позиций в Азии и бассейне Тихого океана: готовили заключение сепаратного мирного договора с Японией, игнорируя решения Потсдамской конференции.

В этой обстановке Коммунистическая партия и Советское правительство приняли меры по защите дальневосточных границ. В сентябре — октябре 1945 года на базе Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов создавались Забайкальско-Амурский, Приморский и Дальневосточный военные округа. Командующим войсками Забайкальско-Амурского военного округа был назначен Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, членом Военного совета — генерал-лейтенант А. Н. Тевченков, начальником штаба — генерал-лейтенант Е. Г. Троценко, бывший заместитель начальника штаба Главкома советскими войсками на Дальнем Востоке, хорошо проявивший себя в последней кампании и награжденный за это орденом Красного Знамени. Командование фронтом тепло проводило М. В. Захарова на должность начальника Военной академии Генерального штаба имени К. Е. Ворошилова.

Размещение штаба округа предусматривалось в Хабаровске, и Р. Я. Малиновский приступил к передислокации

туда управлений родов войск. Оперативная группа продолжала оставаться в Чанчуне.

В конце 1945 — начале 1946 года Военный совет округа и его командующий занялись практической деятельностью по обеспечению вывода советских дивизий из Маньчжурии, организацией обучения воинов по программе боевой и политической подготовки на зимний период. Своеобразное положение войск округа, когда одна их часть дислоцировалась на территории СССР, а другая — в Маньчжурии с непрерывным передвижением подразделений и тыловых учреждений в сторону советско-маньчжурской границы, требовало от Родиона Яковлевича особой предусмотрительности.

Большая работа в это время проводилась по оказанию помощи и нормализации жизни в Маньчжурии, где активно действовали различные террористические банды. Они бесчинствовали, совершая преступления не только против мирного населения, но и советских военнослужащих и команд, оказавшихся в отрыве от гарнизонов. Так, в ноябре 1945 года бандиты зверски расправились со служащими советской районной комендатуры в Чанчуне.

Необходимость окончательной ликвидации головорезов вызывалась еще и тем, что требовалось обезопасить тылы советских войск и расчистить маршруты и прилегающую к ним местность в связи с выводом их из Маньчжурии.

В этих целях маршал Малиновский приказал создать сильные подвижные отряды, предусмотреть взаимодействие между ними и штабами армий, наметить полосы прочесывания, отработать безупречную связь и организовать разведку; банды разоружать, а в случае сопротивления — уничтожить.

Операция началась 18 февраля в районах Цицикара, Харбина, Чанчуя, Цзямусов и закончилась 9 марта 1946 года. На территории Маньчжурии за это время было разгромлено 26 банд общей численностью до 10 тысяч человек<sup>1</sup>. Мирное население получило возможность спокойно работать, а советские войска — безопасно передвигаться.

Командование Забайкальско-Амурского военного округа внимательно следило за событиями. Сведения о происходящем в Китае подчас носили запутанный и противо-

речивый характер, и Родион Яковлевич прибыл в Мукден, где дислоцировалась 6-я гвардейская танковая армия. В штабе, в здании отеля «Ямато», он провел оперативное совещание с Военным советом армии. Особое внимание уделялось оценке обстановки и выработке мероприятий, исключающих столкновение советских танкистов с каковыми бы то ни было иностранными формированиями. Здесь же было еще раз подчеркнуто, что Мукден является крупным промышленным центром, важным узлом путей сообщения и линий связи в южной Маньчжурии, удобным пунктом для размещения больших войсковых соединений и штабов, мощным исходным районом для наступления на север и юг. Поэтому, согласно условиям советско-китайского договора, в него должны войти гоминьдановские части. Военному совету армии предлагалось повысить бдительность, усилить караулы по охране своих складов и баз, разработать систему опознавательных сигналов и знаков для подтверждения принадлежности войск.

Вступившие в город гоминьдановские солдаты были плохо обмундированы и вооружены. Их строевая выучка не внушала никакого доверия. Советские воины превосходили их во всех отношениях. Родион Яковлевич гордился своими солдатами, первыми преодолевшими хинганские горы в Маньчжурской операции. Командующий 6-й гвардейской танковой армией понял эту гордость с одного слова. «Сравни», — сказал Малиновский, кивнув головой в сторону недалеко стоявших советских танкистов и гоминьдановских солдат. Кравченко ответил: «Никакого сравнения не может быть».

Значительную работу Военный совет округа проводил по подготовке первых послевоенных выборов в Верховный Совет СССР. На это была направлена вся деятельность политорганов, партийных и комсомольских организаций. Коммунисты и комсомольцы на собраниях подводили итоги и ставили новые задачи навстречу выборам. Все это вызвало большой политический подъем среди рядового, сержантского и офицерского состава, заявлявшего о готовности отдать свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

4 января 1946 года в танковом соединении округа состоялось выдвижение кандидатуры Р. Я. Малиновского в депутаты Верховного Совета СССР. Один из выступающих на собрании сказал: «Маршал Малиновский водил нас в бой, с ним ходили мы в атаки, его мы видели в боях

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 2212. Д. 189. Л. 335, 386—388.

и сражениях. Мы знали, что нами командует испытанный полководец, мы верили в него, и он всегда оправдывал наше доверие». Такой огромной любовью и глубоким уважением пользовался Родион Яковлевич среди солдат и офицеров. И в последующие годы Р. Я. Малиновский не раз избирался депутатом местных и центральных органов государственной власти. В декабре 1947 года окружная газета «Суворовский натиск» писала о нем как о кандидате в депутаты местного Совета: «...и, как в былые дни на фронте, маршал все свои силы и свой богатейший военный опыт отдает делу укрепления Советских Вооруженных Сил. Он по-прежнему большую часть своего времени проводит в войсках».

Нередко в кабинете Р. Я. Малиновского можно было видеть генерала, офицера и солдата, приходивших за советом и помощью по семейным и другим делам. К нему ежедневно поступали десятки писем от избирателей, и Родион Яковлевич не оставлял нерешенными вопросы, с которыми обращались рабочие, крестьяне, интеллигенция, студенческая молодежь и пионеры. Непосредственная связь с народом, воинами была характерна для маршала Малиновского до последних дней жизни.

В начале апреля 1946 года начался окончательный вывод наших войск из Маньчжурии. В связи с этим в Чанчуне, в резиденции ставки Чан Кайши, китайская военная миссия устроила прием в честь представителей Красной Армии, на котором с ответной речью выступил маршал Малиновский. А через несколько дней воины покинули Чанчунь. Их провожало 250 тысяч горожан.

Повсеместно, где располагались советские воинские части, люди шли на митинги, чтобы выразить чувства благодарности Красной Армии, пожелать счастливого пути своим освободителям. Они были одеты в праздничные наряды. Развевались национальные флаги. Над головами качались букеты живых цветов.

Начальник уезда Цзяохе Чжоу Хунань, обращаясь к солдатам и офицерам на прощальном митинге 13 апреля 1946 года, сказал: «Я прошу вас рассказать у себя на родине, что китайцы будут вечно помнить свою освободительницу — Красную Армию и сделают все, что в их силах, чтобы дружба между народами СССР и Китая была прочной, как сталь, и полнокровной, как воды Сунгари. Скажите у себя дома, что китайцы приложат все силы,

чтобы отстоять дело мира, которое мы пронесли через весь мир...»

В мае 1947 года на базе Забайкальско-Амурского военного округа было сформировано управление главнокомандующего войсками Дальнего Востока с подчинением ему Приморского и Дальневосточного военных округов, которое просуществовало до конца апреля 1953 года. Главнокомандующим был назначен Р. Я. Малиновский, членом Военного совета — генерал-лейтенант А. Н. Тевченков, начальником штаба — генерал армии М. А. Пуркаев.

В июне 1953 года создано управление одного военного округа на Дальнем Востоке — Дальневосточного. Командующим войсками стал Р. Я. Малиновский, членом Военного совета — генерал-майор С. П. Васягин, начальником штаба — генерал-лейтенант Н. А. Ломов.

Деятельность Родиона Яковлевича на посту главкома, а затем командующего округом была подчинена одной задаче — обеспечению надежной защиты советских рубежей, совершенствованию выучки войск в связи с развитием боевой техники и ростом ее технической оснащенности.

Учеба проводилась на основе опыта Великой Отечественной войны и боев в Маньчжурии. Малиновский ставил своей целью подготовить бойца, отделение, взвод и крупные подразделения, а также части к решению боевых задач во взаимодействии с другими родами войск в сложных условиях Забайкалья и Дальнего Востока. В зимней программе были заложены повышенные требования к тактической, огневой, строевой и физической подготовке солдат, сержантов и офицеров.

Родион Яковлевич рассматривал их как требования войны и решительно выступал против всякого рода формализма и условностей. Он нацеливал работу политорганов, партийных и комсомольских организаций на то, чтобы в основу учебы было положено изучение новых уставов и наставлений.

Большое внимание в боевой подготовке войск и штабов Р. Я. Малиновский уделял обобщению и распространению передового опыта путем инспекторских проверок, учений, совещаний, соревнований и выступлений передовиков в периодической печати.

Инспекторская проверка частей и соединений, состоявшаяся летом 1947 года, выявила положительные моменты в ночных действиях пехоты, в тактике ночной стрельбы артиллерии с танками, в маневре войск в ходе ночного

боя и т. д. На осенних 1947 года учениях войны-дальневосточники совершенствовали тактику действий в горно-таежной местности, где оборона противника предполагалась очаговой на господствующих высотах с многоярусным огнем. В таких условиях наиболее способными совершить обход, охват, а затем окружение и уничтожение отдельных изолированных очагов сопротивления врага были рота, батальон. В этих «боях» исключительную роль приобретает пехотное оружие — минометы, пулеметы, карабины, автоматы, гранаты. И, чтобы забросить, например, гранату на ярус или попасть в таежную падь, солдат должен был обладать мастерством. Скорострельщик из винтовки обязан был выследить мишень и быстро ее поразить. Поэтому не случайно Родион Яковлевич придавал большое значение совершенствованию скоростной стрельбы. Маршал лично поощрял ее инициаторов, а летом 1948 года по его инициативе был проведен ряд соревнований дальневосточной зоны по стрельбе из винтовки.

11 июня 1948 года Р. Я. Малиновский выступал на совещании лучших старшин войск Дальнего Востока. Он призвал их после возвращения в свои части и подразделения рассказать подчиненным о том, что нужно предпринять для дальнейшего повышения боеготовности, укрепления дисциплины и организованности в соответствии с требованиями уставов и других армейских законов, утвержденных Президиумом Верховного Совета СССР.

Большим событием в жизни войск Дальнего Востока явилось совещание отличников боевой и политической подготовки в мае 1949 года. Оно рассматривалось как одно из важнейших средств повышения качества учебы, поэтому с докладом выступил сам главнокомандующий. Родион Яковлевич говорил, что в подразделениях есть десятки отличников учебы, подлинных мастеров вождения танков, прекрасные артиллеристы и минометчики, стрелки и пулеметчики, классные радисты и телеграфисты, хорошие повара и пекари, лучшие расчеты, экипажи, отделения, взводы и роты. «Надо рассказать нам, — сказал Малиновский, — какими методами и путями вы пришли к успехам». И выступившие скорострельщик рядовой И. М. Демченко, танкист старшина Ф. В. Дьяков, самоходчик старшина В. С. Ильин, авиационный механик старшина И. А. Матвеев, артиллерист младший сержант В. А. Шишков, сапер старшина Ю. И. Зарубин, радист старшина Д. С. Чугунов и другие рассказали об этом. Совещание

вылилось в обмен передовым опытом, наглядно продемонстрировало армейские достижения и приняло обращение ко всем солдатам и сержантам войск Дальнего Востока.

С целью совершенствования методического мастерства руководителей политзанятий при окружном Доме офицеров был создан лекторский актив. Это способствовало усилению агитационно-пропагандистской работы в частях и подразделениях, повышало политическую сознательность защитников Родины.

Опыт работы лучших парторганизаций обобщался на гарнизонных совещаниях секретарей. Как правило, они организовывались и проводились оргинструкторским отделом политического управления округа совместно с редакцией газеты «Суворовский натиск», внесшей большой вклад в дело распространения всего передового в жизни войск.

Родион Яковлевич принимал непосредственное участие в военно-патриотическом воспитании воинов и гражданского населения. Так, в декабре 1953 года, выступая на краевой конференции ДОСААФ, Р. Я. Малиновский призвал молодежь повышать военно-спортивное мастерство, учитывая современную техническую вооруженность Советской Армии и появление оружия массового уничтожения.

Подготовка войск на случай вооруженной защиты интересов Родины на Дальнем Востоке была тесно увязана с перевооружением частей и соединений. Оно стало возможным в конце 40 — начале 50-х годов благодаря развитию экономики, успешному решению ряда научно-технических проблем. В сухопутные войска в эти годы поступили новое пехотное автоматическое оружие, новые образцы артиллерийских орудий, танков, бронетранспортеров и автомобилей. Военно-воздушные силы и Тихоокеанский флот оснащались реактивными самолетами и другой новой боевой техникой и вооружением. К началу 1954 года в Дальневосточный военный округ стало поступать ядерное оружие различной мощности<sup>1</sup>.

В связи с этим совершенствовались способы боевой деятельности войск, повышались нормативы в огневой и тактической подготовке, неотложной задачей явилось изучение техники и атомного оружия, способов их применения и защиты от них. Потребовались большие усилия маршала Р. Я. Малиновского, членов Военного совета,

<sup>1</sup> Краснознаменный Дальневосточный. М., 1971. С. 275.

партийно-политического аппарата, всех командиров и политработников по реорганизации управления военного округа, программ обучения и воспитания воинов, расстановке кадров. Надо было помочь командному и политическому составу осознать и глубоко усвоить сущность революции в военном деле, ввести части в новые условия ведения боя. Округ справился с этими задачами. Повысился уровень технических знаний. Люди были обучены действиям в условиях использования атомного оружия, способам защиты от поражения радиоактивными веществами, умению проводить дезактивацию участков местности, дорог, позиций и техники.

С полным основанием Родион Яковлевич утверждал, принимая парад войск Хабаровского гарнизона в мае 1954 года, что «если империалисты, уповая на атомное оружие, решатся на безумие и захотят испытать силу и мощь Советского Союза, то можно не сомневаться, что агрессор будет подавлен тем же оружием...»<sup>1</sup>.

Р. Я. Малиновский видел необходимость подготовки советских солдат, офицеров и генералов и в физическом отношении. В том, что кроме убежденности и знаний нужна еще и сила, сомнений не было. Вся война тому свидетельство. В последних боях войны несли местами технику буквально на себе, проталкивая ее через труднопроходимые участки: буреломы, горные ущелья, высокие перевалы, заболоченные солончаки. «Спорт, тренировки на выносливость, обучение тому, что нужно в современной войне, — одна из главных задач штабов», — говорилось в одном из приказов командующего войсками Дальневосточного военного округа.

Никакие успехи в боевой и политической подготовке немислимы были без хорошо налаженного быта и питания воинов, без забот об их отдыхе. На фронте Родион Яковлевич в самых сложных условиях строго взыскивал за несвоевременную доставку горячей пищи, обмундирования и снаряжения, периодической печати бойцам и командирам. Это являлось характерной чертой в его деятельности и в мирное время. Он требовал от членов Военного совета плотную заниматься солдатским бытом.

Посещая гарнизоны, особенно находившиеся в глухой местности, Малиновский близко принимал к сердцу отсутствие, скажем, самой обыкновенной бани, без которой не

могло быть и речи о подходящих условиях жизни. «Банку-то вы построили так себе: без парной, а солдату после тяжелых походов она нужна в первую очередь», — говорил маршал. Такое бойцами очень ценилось в командующем, что, наряду с решением крупных военных проблем, находил время вникать в житейские нужды воинов, удивительно сближаться с ними.

По указанию Родиона Яковлевича в борьбу за улучшение быта войск Дальнего Востока включилась армейская пресса. На страницах окружной печати появлялись статьи: «Больше внимания столовым», «Святой долг политработника — по-отечески заботиться о солдатском быте», «На полковых складах» и другие, направленные на устранение недостатков и пропаганду образцовых служб тыла.

По окончании рабочего дня Малиновский еще долго не выходил из кабинета. Вскоре он заметил, что ему стали подражать подчиненные, мол: «Как начальник, так и я. А вдруг понадобится!» Привычки войны и тревожных будней в Маньчжурии оказались живучими. Тогда люди вынуждены были работать на износ. Теперь такой необходимости не было. Командующий прекрасно это понимал и всем запретил находиться в штабе, за исключением дежурной службы. «Людей надо беречь, и они будут использовать рабочее время с полной отдачей», — рассуждал он.

Сам же продолжал по вечерам что-то читать и записывать в тетради. Обычно в это время в его кабинете царил полумрак, ритмично постукивал длинный маятник, с шипением и бархатным звоном часы отсчитывали бег времени. Иногда с улицы доносилось завывание сильного ветра в непогоду, за дверью слышались мерные шаги часового.

Однажды Родион Яковлевич ознакомился с опубликованным в американской прессе 28 января 1953 года докладом комиссии США по атомной энергии. Малиновский читал его с особым вниманием и тревогой. Он понимал, что Соединенные Штаты, потеряв атомную монополию в сентябре 1949 года, вновь овладели инициативой. Речь шла о взрыве водородной бомбы в ноябре 1952 года на островах Тихого океана. Президент Трумен в своем декабрьском послании конгрессу указал на ее «высокую таинственную значимость», на «потрясение мира». Лишь спустя тридцать лет человечеству стало известно, что он имел в виду: уничтожение ста советских городов трехстами

<sup>1</sup> Суворовский натиск. 1954. 1 мая.

ядерными ударами по плану «Дропшот», которым был установлен момент нападения — 1 января 1957 года. Агрессоры оттягивали этот момент — видимо, сами не надеялись на столь быстрое получение водородного оружия, вернее были потрясены испытанием его в Советском Союзе буквально по горячим следам, то есть 20 августа 1953 года. Оно стало для американского руководства громом среди ясного неба. Сторонники агрессии впали в шок, их горячие головы вновь, как и в 1949-м, охладели.

Родиона Яковлевича беспокоило также появление в конце 1954 года американских сверхзвуковых самолетов «Белл 1-А» и «Белл 1-Б», поступление на вооружение армий ведущих капиталистических государств другой новой авиационной техники, турбореактивных двигателей, дозиметрической, корабельной радиолокационной аппаратуры, материалов для защиты от радиоактивного излучения, управляемых снарядов дальнего действия. Это заставило Военный совет округа и лично маршала Малиновского серьезно задуматься, взглянуть на все по-иному.

Зачастую в вечерние часы в кабинете командующего раздавался телефонный звонок. Это беспокоилась супруга — Раиса Яковлевна.

— Что случилось? — машинально спрашивал Родион Яковлевич.

— Уже очень поздно.

Только после этого он заканчивал свои занятия и утомленный возвращался домой.

В редкие часы отдыха маршал любил читать труды по истории, отечественных и зарубежных поэтов, философов. И не просто читал, а работал над ними, оставляя след в своих тетрадях. По всему чувствовалось, что из его памяти не выходила война, в тяжелые дни которой все прогрессивное человечество боролось против фашизма.

Поэтому Малиновского беспокоила не только безопасность Дальнего Востока, но и Европы, где Германия дважды в XX веке развязывала мировые войны. Размышляя, он записал: «Немцы хорошо помнят высказывания гросс-адмирала Тирпица, которыми были оклеены стены актов залов военных академий гитлеровской Германии. Вот они: «Я хочу закрепить в сознании наших будущих поколений старое положение, что великие народы могут быть обеспечены только при помощи силы. С тех пор, как земля

населена людьми, сила в жизни народов стояла выше права»<sup>1</sup>. Очевидно, и сейчас их хранят в Западной Германии. Я полагаю, что в демократической Германии необходимо было бы во дворцах пионеров и в клубах свободной немецкой молодежи написать слова великого поэта Гете из «Фауста»:

Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной,  
Дитя, и муж, и старец пусть ведет,  
Чтоб я увидел в блеске силы дивной  
Свободный край, свободный мой народ.

Это куда ближе и роднее сердцу свободного немца, — закончил Малиновский»<sup>2</sup>.

Летом 1948 года Родион Яковлевич совершил многодневное плавание на фрегате ЭК-22 Сахалинской военной флотилии по маршруту Советская Гавань, Корсаков, Курильские острова, Петропавловск-Камчатский и другие, принимая участие в рекогносцировке сухопутно-морского театра возможных военных действий в случае империалистической агрессии на Востоке. Работа была проведена для выяснения стратегического положения географических районов и пунктов и уточнения оборонительных систем. При этом Малиновский исходил из опыта прошлой войны, показавшего, что знание особенностей местности во многом способствовало выработке правильных решений, разумному использованию родов войск и видов вооруженных сил. За месяц плавания совместно с командующим Дальневосточным военным округом генерал-полковником Н. И. Крыловым, начальником своего штаба, военачальниками военно-морских сил, воздушно-десантных, бронетанковых и механизированных войск, войск связи, генералами и офицерами штаба Р. Я. Малиновским пройдено было 6228 миль, проведена проверка боеготовности ряда гарнизонов. Руководствуясь принципом лучше один раз увидеть, нежели десять — услышать, Родион Яковлевич получил большой материал для постановки и решения важных вопросов укрепления обороноспособности региона. Все это оживило деятельность партийно-политических органов и командования, приблизило их к выполнению более конкретных задач.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 19а. Оп. 1331. Д. 148. Л. 24.

<sup>2</sup> Там же. Л. 25.

Эта задача наиболее уверенно могла быть решена применением управляемых и неуправляемых (самонаводящихся) реактивных снарядов «воздух — воздух». Самолеты — истребители-перехватчики — у нас уже были. Правда, пока не было снарядов, которые бы отвечали современным требованиям — дальности и скорости полета. Но они разрабатывались, а некоторые проходили испытания.

Десятилетняя деятельность Р. Я. Малиновского во главе войск Дальнего Востока обогатила его опытом крупного организатора Советских Вооруженных Сил и выдвинула в число видных деятелей страны.

В начале марта 1956 года Александр Михайлович Василевский, приехав на работу, почувствовал себя совсем плохо. Ему и раньше нездоровилось, и он подумывал покинуть пост к шестидесяти годам. Шел уже шестьдесят первый. Психологического барьера не существовало. Министр был подготовлен к этому в неоднократных беседах сначала здорово возражал, вспоминая совместные дела в Ставке ВГК и на фронтах, потом отмалчивался.

На этот раз сложилось так, что рука сама пошла писать, и Василевский подготовил докладную: «Прошу ходатайствовать перед Президиумом ЦК КПСС и Советом Министров об освобождении меня от должности Первого заместителя Министра обороны в связи с тем, что в последние месяцы сильно беспокоят головные боли с серьезным нарушением зрения, а временами и памяти. Те меры, которые применяют ко мне в настоящее время врачи, эффективных результатов не дают»<sup>1</sup>.

Он зашел в кабинет министра и молча протянул бумагу. Георгий Константинович Жуков, прочитав, сказал:

— Неужели пришел конец нашим совместным дорогам? Если бы ты знал, как не хочется.

— Георгий Константинович! Спасибо за все совместное прожитое и пережитое. Мне тоже жаль расставаться, но всему есть предел...

— Да, ты прав, — затем помолчал и спросил: — Кто рекомендует?

— Малиновский моложе меня на три года и чувствует себя превосходно. Пожалуй, пора его забирать в Москву, возможно, сначала главкомом, а Коневу к себе.

Г. К. Жукову почему-то вспомнилось, как он приехал к И. С. Коневу в 1941 году под Москву по зада-

И. В. Сталина. «Как давно это было и как свежо в памяти, — подумалось ему, — слишком ответственным экзаменом была для нас та обстановка. И теперь мы рядом, а Александр Михайлович предлагает быть еще ближе. С Малиновским у меня случилось единственное омрачающее наши отношения обстоятельство. Не знаю, известно ли ему об этом? Я-то знаю, когда писал Сталину: «Тов. Иванову. При всех хороших качествах Малиновский не любит активно драться, он готов до конца войны просидеть в обороне. Для того, чтобы двинуть 3-й Украинский фронт вперед, нужно обязательно заменить командующего. Вместо Малиновского советую поставить Еременко. Уверю Вас, будет лучше. 17.1.44 года. Юрьев»<sup>1</sup>. «Теперь-то я знаю, что это было моей ошибкой. И хорошо, что тогда Верховный не согласился. Он поступил в высшей мере деликатно: нацелил меня на координацию действий 1-го и 2-го Украинских фронтов, а в качестве Представителя Ставки ВГК оставил у Родиона Яковлевича моего коллегу — ныне сидящего передо мной. Возможно, Александр Михайлович тоже вспомнил этот случай? Не может быть, чтобы он не знал от Сталина о той бумаге. Мне до этого не приходило в голову спросить. Теперь самый раз», — подумал Жуков и сказал:

— Я ощущаю угрызение совести за один случай с Малиновским.

— Это было примерно в самом начале сорок четвертого?

— Так ты знаешь?

— Ну, а как же.

— Тогда я был не прав. Мне до сих пор совестно. Знает ли он об этом?

— Должно быть, нет. Во всяком случае тогда не знал. Сколько раз приходилось с ним встречаться и разговаривать на различные темы, он ни одним словом не выдал свою осведомленность. Думаю — не знает. Замечательный человек, превосходный полководец. В последней кампании проявил себя как нельзя лучше. Как с главкомом советскими войсками на Дальнем Востоке, я не имел с ним никаких затруднений. Был уверен как в себе. Помню только один случай, когда он здорово напирал на меня по вопросу горючего. Мы тогда разговаривали на повышенных тонах. Несмотря на это, я помог ему.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 19а. Оп. 1966. Д. 1. Л. 216.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3. Д. 110. Л. 191.

— Дорогой Александр Михайлович! Я тоже хорошо знаю его, притом только с положительной стороны. Черт знает, что меня тогда дернуло написать так. Не могу припомнить мотивы. Наверно, их и не было. Всем живым приуси ошибки. И я не был исключением. Было бы удивительно, если бы мне сказали сегодня, что есть человек, который ни разу не ошибался в такой большой войне.

Василевский ответил утвердительно: «Да».

— Еще задолго до войны мы были вместе, — продолжал Жуков. — Помню, как в выводах на его аттестации я написал: «Может быть хорошим начальником штаба армейской группы или начальником штаба округа (не особого)». Это было в конце 1938 года в Минске, когда я служил заместителем командующего войсками округа по кавалерии в звании комдива, он — помощником по оперативной части инспектора кавалерии, то есть в моем аппарате, в звании комбрига. Так что вот откуда я его еще знаю. И возразить тебе, Александр Михайлович, мне нечем, да и нет желания. Пожалуй, так и будем ходатайствовать. Думаю, нас поддержат в Кремле.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги и выдающиеся способности маршала Р. Я. Малиновского. В марте 1956 года он назначается главнокомандующим Сухопутными войсками и первым заместителем министра обороны, а в октябре 1957 года — министром обороны СССР.

...Тот день для Родиона Яковлевича был особенным. Во-первых, ему исполнилось 59 лет. Во-вторых, предстояла первая на посту министра обороны встреча с американскими журналистами, поэтому он прибыл на работу раньше обычного. Включил приемник, и потекли знакомые мелодии, часто заполнявшие эфир:

...Морями теплыми омытая,  
Песами древними покрытая,  
Моя родная Индонезия,  
В сердцах любовь к тебе храним....

Такие душевные слова песни тогда звучали с эстрады, на улицах и площадях городов. Они были особенно дороги Малиновскому потому, что толчком к ликвидации японского оккупационного режима в Индонезии, который установился в начале 1942 года, и сигналом для национально-освободительной борьбы, закончившейся завоева-

нием независимости в ноябре 1949 года, явился разгром Квапунской армии и капитуляция Японии.

Именно в силу последних обстоятельств, а в них маршал сыграл видную роль, а также благодаря бескорыстной поддержке со стороны Советского Союза на политической арене появилось мало кому до того известное многоостровное государство — свободная Индонезия.

Дверь открылась в назначенное время, и в зал для совещаний и приема гостей вошел Р. Я. Малиновский, чтобы дать свое первое интервью на посту министра.

Американский газетчик Рандольф Херст-младший уже бывал в этом зале. Здесь он встречался с Г. К. Жуковым в 1955 году. Сегодня его сопровождали редактор Фрэнк Конниф и корреспондент Консидайн. Малиновский был известен им как ветеран, прослуживший 43 года в царской армии и в рядах Советских Вооруженных Сил, видный военачальник, руководивший большими сражениями во второй мировой войне. Они испытывали легкое волнение в ожидании встречи.

Маршал пожал каждому руку и сел за длинный стол. Под Золотой Звездой Героя Советского Союза было прикреплено девять рядов орденских планок. «Маршальские звезды на его крупных плечах по размеру похожи на знаки американского периша», — подумал Консидайн, о чем впоследствии не забыл сообщить в американской прессе.

Министр дал понять, что готов начать беседу, и попросил всех присутствующих чувствовать себя непринужденно. Херст поблагодарил за любезность, и начался диалог, глубоко запавший тогда в душу Малиновского.

Американцы подчеркивали свои военно-технические достижения и старались приуменьшить роль человека в возможной «кнопочной войне», как они выражались. Родиону Яковлевичу не трудно было доказать, что так называемая кнопочная война скорее выдумка писателей, а не людей, по собственному опыту знающих войну и то, что никакими средствами нельзя достигнуть окончательной победы, если ее не завоеует человек, значение которого сейчас больше прежнего. В связи с этим возник вопрос об идейности современного воина. Газетчикам уж очень хотелось убедить советского министра, что их солдат не менее идеен и воевал в Корее за «свободу».

— Мне хорошо известно, — ответил Родион Яковлевич, — как ваши генералы в Корее огорчались тем, что

солдаты плохо воюют и не поддаются убеждению, ибо не видят смысла и цели кровопролития.

— Наши военнопослужащие в Корее, конечно, имели идею в голове, но сражаться не хотели,— неохотно согласился Херст.

— Последнее очень правильно,— остроумно заметил маршал, который, видимо, предпочел с ходу взять инициативу в свои руки.

Конниф решил выручить коллегу, попавшего впросак, для чего упрекнул Советский Союз в том, что он якобы всех немцев в Западной Германии считает фашистами. При этом сказал: «Они не являются коммунистами, но это не означает, что они фашисты».

— Безусловно,— откликнулся Р. Я. Малиновский и тут же спросил: — А кто сейчас командует сухопутными войсками НАТО в Европе?

— Шпейдель.

— А кто он, по-вашему, такой? — продолжал маршал.

— Кадровый немецкий генерал,— последовал ответ Коннифа, ничего не заподозрившего.

— Не кадровый немецкий генерал, а кадровый фашист. Он служил Гитлеру верой и правдой,— гневно произнес Малиновский.

— Он участвовал в заговоре, который имел целью убить Гитлера,— горячился Конниф.

— Когда увидел, что дело проиграно. Это небольшая заслуга. Вот таких мы без колебаний считаем фашистами, а не всех немцев.

Ответы Родиона Яковлевича делали каменными лица американских корреспондентов. Но это было только начало. Потом перешли к вопросу о численности армий и их назначении.

— При существовании всевозможных ракет, введении широкой механизации требуется ли для Советского Союза такая огромная армия в современных условиях? — спросил Конниф.

— Этот вопрос целесообразнее задать американским деятелям, которые неоправданно содержат большую армию. Мы же провели за последние годы сокращение на 1 миллион 400 тысяч человек и выравнялись с вами.

— У нас, кажется, около миллиона,— поспешил Херст.

— Нет, это не так. Вы можете получить более точные данные в своем военном министерстве. В американской прессе много раз говорилось о численности вашей армии.

Я считаю, конечно, и сухопутные войска, и флот, и авиацию.

— Кажется, в общей сложности цифра составляет около 2,5 миллиона. Она публиковалась в прессе,— поправился Херст.

— Так что у вас армия многочисленной. Такой военной машины США никогда не имели.

— Да, таких вооруженных сил у США еще не было,— согласился Херст, опять попавший впросак.

— Раз вы ее содержите, то мы, естественно, не можем чувствовать себя спокойно, имея поменьше.

— Во время пребывания в Советском Союзе нам рассказали много пословиц, и одна из них приходит мне на память. Она звучит так: «Неизвестно, что раньше появилось — курочка или яйцо». И поэтому у нас, в Америке, говорят, что надо иметь большие вооруженные силы, чтобы защитить страну от большого «медведя», — сказал разгорячившийся Херст.

— «Медведь», которого вы так боитесь, никогда не лазил на Американский континент и не угрожал ему, а ваши вооруженные силы неоднократно к нам забирались. Взять хотя бы гражданскую войну, когда против нас действовал целый американский корпус.

— На Востоке?

— Да, в Сибири. Это наша страна. Так что у нас есть основания вас остерегаться, а у вас их нет. Мы не имеем военно-морских и авиационных баз вокруг Америки, а вы ими опоясали Советский Союз и дружественные ему государства. Вообразите себе двух фермеров, владеющих усадьбами и сравнительно далеко живущих друг от друга. Но вот они поссорились, и один из них собирает своих людей, идет к ферме соседа, рассаживает их в кустах вокруг владений, да еще с дубинками. Разве можно говорить, что окруженный является угрозой для усадьбы, с которой пришли разбойники. Естественно, что мы должны быть начеку, чтобы защитить себя, и будем находиться в боеготовности, пока существует угроза, пока люди, пришедшие с чужой фермы, не уйдут домой. По-моему, это совершенно ясно. И для меня странно, почему поднимается этот вопрос. Вы прекрасно знаете наш мирный характер, наши добрые намерения. Вам, может быть, непривычно услышать это от военного, но у нас все советские люди, в том числе и военные, стоят на такой точке зрения. Они ненавидят войну.

— Если говорить о военных, могу согласиться с большей частью того, что вы сказали. Но ведь вам приходится следовать в том направлении, которое задают политические деятели. Я говорю об этом так, как понимают американцы: во всех случаях, когда происходят вооруженные столкновения или перевороты, как, скажем, в Корее или Вьетнаме, фигурирует советское оружие, оснащение и тогда те страны обращаются за помощью к нам. Вот ООН вынуждена была вести такую войну в Корее. Видимо, Организации Объединенных Наций виднее, кто прав, а кто виноват. И еще хочу задать один вопрос, а потом замолчу. Мы пришли для того, чтобы взять интервью, а не для того, чтобы давать его. Те наши базы, которые размещены в других странах, собственно говоря, были созданы по их просьбе. В мире существует такое мнение, что Советский Союз является самым великим агрессором.

Лицо Херста стало пунцовым. Малиновский внимательно посмотрел на американцев и сказал:

— За все 40 лет существования Советской власти мы только защищались. Это, по-моему, очень убедительный факт. Вы сказали, что те государства просили США создать военно-морские базы потому, что боялись Советского Союза. Это далеко не так. Маленькие страны согласились на размещение баз под давлением США. Трудно отнести к таким Англию, Францию, Италию, Западную Германию. Но и на них мы никогда не нападали и не угрожали им. За всю историю Англии еще ни один русский солдат не вступал на Британские острова, так же, как и на Американский континент, а англичане воевали на нашей территории, воевали американцы, французы, итальянцы и тем более немцы. Так что факты подтверждают совершенно обратное. Вы спрашивали о вооружении, появившемся во Вьетнаме, в Корее. Вьетнамцы сражались и добились освобождения не нашим оружием, а тем, которое они отняли у своих поработителей, и стреляли французскими, немецкими и английскими винтовками. Так что нас в этом упрекнуть нельзя.

— Я, видимо, ошибся. Извините, — согласился Херст.

— Пожалуйста. Вы упомянули ООН, — продолжал Р. Я. Малиновский.

— А как насчет Кореи? — напомнил Херст.

— Я как раз хочу сказать, что в Корее США воевали, а не ООН, которая служила для вас только прикрытием, а в основном, конечно, вели действия против Северной

Кореи. Об этом говорят и пленные, и пострадавшие. Это подтвердил ваш, американский, генерал, попавший в плен.

— Генерал Дин.

— Я не помню его фамилию.

— Конечно, американские войска составляли 90 процентов сил и средств, воевавших в Корее, — согласился Херст...

Можно представить, каким утомительным для Родиона Яковлевича оказался тот день. К тому же ему припомнилось одно бойкое, не лишнее местами смысла, выступление английского фельдмаршала Монтгомери в Камберли весной 1957 года перед слушателями высшей школы, которую он когда-то заканчивал и стал ее руководителем. На встрече присутствовало много иностранцев.

«...Положение теперь таково, что две стороны способны уничтожить друг друга, — говорил он. — И вопрос не в том, сколько миллионов будет убитых или кто окажется победителем, а кто побежденным. В нынешних условиях одну сторону ждет полное уничтожение и второй едва ли удастся остаться в живых...» И далее: «Первое мое правило в войне, и это стоит запомнить, — никогда не воюй с Москвой. Это вполне понятное правило, однако каждый раз находились люди, которые забывали его и за это дорого расплачивались. Второе правило сводится к тому, чтобы никогда не воевать с пехотой в Китае, ибо пока ты достигнешь половины Китая, в твоём тылу возникнет новая китайская армия. Запомните, что нельзя своей пехотой воевать с народом, насчитывающим 500 миллионов человек».

Можно подумать, что Монтгомери — этакий глашатай мира. Ничего подобного. Он употребил эти бесспорные истины для того, чтобы, обыграв их, выдать Западу и НАТО более современную стратегию английской традиционной политики — загребать жар чужими руками. «...Надо постараться во что бы то ни стало столкнуть войной Китай с Россией, чтобы она возникла между ними, ибо только таким путем можно осуществить будущую войну без уничтожения и без нарушения двух упомянутых мною важных правил»<sup>1</sup>.

При этом воспоминании маршал сдвинул брови, и выражение его лица стало суровым. Он мысленно произнес: «Китайский народ и его правительство не позволят

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 19а. Оп. 2045. Д. 5. Л. 22—29.

восторжествовать бредовой идее английского фельдмаршала. Что касается нас, то мы идем и дальше будем идти по пути ленинских заветов, провозгласивших дружбу советского и китайского народов».

Рассказывая подчиненным о встрече с американскими газетчиками, обычно невозмутимый Родион Яковлевич сокрушался преднамеренной ложью в отношении «агрессивности» Советского Союза, надоевшей клеветой, на службу которой поставлены подобные корреспонденты и реакционные средства массовой информации США. Возведенная в ранг государственной политики, она уже направлена на оправдание создания чудовищного оружия массового уничтожения против народа, спасшего недавно от фашизма мировую цивилизацию. Одним словом, много тогда роилось всяких мыслей в голове министра, находившегося под глубоким впечатлением от только что закончившейся встречи.

В день интервью маршал Малиновский приехал домой на улицу Грановского поздно вечером. Никаких домашних торжеств по случаю дня рождения не состоялось. Он устал от официальных и дружеских поздравлений.

Как всегда, вошел в квартиру, снял форму и сел за рабочий стол порешать шахматные задачи. Это было его хобби, игрой он увлекался в самолете, в поезде, а дома особенно, то есть всегда, когда позволяла обстановка. Родиону Яковлевичу шахматы доставляли большое удовольствие, поскольку он играл почти мастерски. Иногда отрывался, смотрел, как за окнами покачивались заснеженные верхушки деревьев.

Напротив сидела Раиса Яковлевна с книгой, временно поглядывая на него. Такие занятия длились не более часа. После этого Родион Яковлевич обычно спрашивал: «Ну, чем ты сегодня занималась?» Она охотно рассказывала, стараясь снять дневное напряжение. Чаше всего ей это удавалось, за что муж был безмерно благодарен.

Став министром обороны СССР, маршал Р. Я. Малиновский ничем не изменился. Как всегда, оставался спокойным, но твердым в решениях, отдавал все силы службе, которая теперь приобрела особое значение. С утра и часто до позднего вечера занимался неотложными и порой сложнейшими вопросами руководства Вооруженными Силами. Только в короткие вечерние часы и мог отвлечься от текущих дел.

Знаменательным событием в жизни Родиона Яковлевича явилось его шестидесятилетие. 23 ноября 1958 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР: «В связи с шестидесятилетием со дня рождения министра обороны СССР Маршала Советского Союза, Героя Советского Союза Малиновского Р. Я. и, отмечая его заслуги перед Советским государством и Вооруженными Силами СССР, наградить тов. Малиновского Родиона Яковлевича второй медалью «Золотая Звезда», соорудить бронзовый бюст и установить его на постаменте на родине награжденного».

Сотни друзей и товарищей горячо поздравили маршала с высокой правительственной наградой.

Военная и общественно-политическая деятельность Р. Я. Малиновского в течение 10-летнего пребывания на посту министра обороны СССР богата крупными событиями. Это были годы научно-технической революции, коренных изменений в военном деле, формах и способах ведения вооруженной борьбы. Во внешнеполитическом отношении — борьбы за мир во всем мире, когда увеличилась напряженность в международных отношениях, усилился процесс гонки вооружений.

Недобитые гитлеровские генералы пытались снять вину с немецкого фашизма за развязывание второй мировой войны. Раздавались даже голоса о том, что «Гитлер не хотел второй мировой войны». Пропагандировалась «теория упущенных возможностей» и преподносились идеи о необходимости «переиграть войну». Заправил НАТО подогревали западногерманские реваншисты.

В условиях «холодной войны», которую проводили империалистические круги, Коммунистическая партия не могла ослаблять усилий по укреплению обороны нашей Родины и повышению боевой готовности Вооруженных Сил. Она учитывала, что реакция способна перейти от «холодной войны» к «горячей». Мощь Страны Советов должна была стать такой, чтобы сорвать преступные планы агрессора, а если война возникнет — решительно разгромить любого противника.

Советское правительство видело в укреплении обороноспособности не только обеспечение безопасности СССР, но и моральную поддержку всех прогрессивных сил, борющихся за мир, демократию, национальную независимость и социализм.

С самого начала своей деятельности на посту министра Родион Яковлевич по указанию Центрального Комитета КПСС занялся выработкой мероприятий по освоению армией новой техники и вооружения. В центре его внимания находился ракетный щит Родины — Ракетные войска стратегического назначения.

Для защиты основных политических, административных, экономических и транспортных центров от нападения принимались меры к созданию средств противоздушной обороны.

Переоснащалась авиация Военно-Воздушных Сил, Противовоздушной обороны страны и Военно-Морского Флота. Фронтная, дальняя и ракетносна — вооружалась истребителями-перехватчиками, истребителями-бомбардировщиками, истребителями со сверхзвуковой скоростью полета, с более современной пилотажно-навигационной аппаратурой.

В Сухопутных войсках в эти годы на базе артиллерийских частей создавались и укомплектовывались ракетные. Совершенствовались танковые войска, которые стали для Малиновского предметом особого внимания. Дело в том, что к лету 1962 года состязание между броней и снарядом оказалось не в пользу танка. С появлением мощных противотанковых управляемых реактивных снарядов, способных пробивать броню до 500 миллиметров, была сведена на нет броневая защита экипажа. Перед Р. Я. Малиновским как министром обороны остро встал вопрос о дальнейшей судьбе танков. Можно ли отказаться от них вообще? Если да, то чем заменить? Если нет, то каким танк должен быть, какие задачи должен решать? В каком направлении развивать бронетанковую технику?<sup>1</sup>

Для того чтобы найти ответы на выдвинутые жизнью вопросы, Родион Яковлевич обратился к истории, привлёк лучшие умы, в том числе Главного маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова и маршала бронетанковых войск П. П. Полубоярова.

Р. Я. Малиновский был уверен, что организационно-штатное укрупнение и массирование танков в сражениях, маневренность и качественное совершенствование броневой техники в годы войны не потеряли своего значения и в новых условиях. Чем больше машин на поле боя, думал он, тем меньше потерь, тем вернее успех. Примером тому

явились Ясско-Кишиневская и другие наступательные операции.

По мнению Родиона Яковлевича, будущая война немыслима без брони и человека в ней. Он стоял за предельное совершенствование танка и говорил: «У нас нет никакого сомнения, что у танковых войск впереди большое будущее, что им будет принадлежать важная роль в достижении победы...»<sup>1</sup>.

Забываясь о подготовке высококвалифицированных офицерских кадров, маршал Малиновский уделял много внимания Военной академии бронетанковых войск, которая ныне носит его имя.

В бытность Р. Я. Малиновского министром обороны СССР была введена единая организация мотострелковой, танковой, воздушно-десантной дивизий.

В поле зрения министра обороны постоянно находились вопросы противолодочной обороны Военно-Морского Флота и строительства в связи с этим баз для подводных лодок.

При его участии совершенствовались органы высшего военно-политического руководства. Военный совет при Совете Оборона СССР в ноябре 1957 года был переименован в Главный военный совет при Совете Оборона СССР. Как и в прежние годы, маршал следил за совершенствованием партийно-политической работы в Вооруженных Силах, повышением роли парторганизаций в армии и на флоте.

Важное место в деятельности Родиона Яковлевича занимала проблема управления войсками. Под его неослабным контролем разрабатывались и внедрялись автоматизированные системы управления в высшем звене руководства. Были рассмотрены перспективы развития средств связи для тактического звена, введены в действие Дисциплинарный устав, Устав гарнизонной и караульной служб, боевые уставы, методические пособия для войск.

Внимательное отношение к человеку-воину независимо от его звания и должности — отличительная черта Р. Я. Малиновского. Ему было свойственно не выходить из себя, не распекал, не обижать. Его замечания, высказанные в неизменно спокойном тоне и вежливой форме, действовали сильнее любого окрика и воспринимались как наказание и как толчок к немедленному исправлению оплошности. Маршал не оставлял без внимания ни одной

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 3329. Д. 74. Л. 6—35.

<sup>1</sup> ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 3329. Д. 74. Л. 5.

слабости, не допускал компромиссов или отстрочек в устранении недостатков. Несмотря на то что с виду он казался хмурым и суровым человеком, Родион Яковлевич любил юмор и шутки. Однажды к нему поступило письмо полковника, который сетовал на то, что летом он ничем не отличается от старших офицеров ниже его по званию, в то время как зимой такое отличие делает папаху. На письме есть резолюция: «Товарищу Баграмяну И. Х. В порядке исключения можно разрешить этому полковнику носить папаху летом».

Р. Я. Малиновский обладал замечательным качеством руководителя, способного до конца выслушивать подчиненных всех рангов, начиная с солдата. При этом он преследовал цель: не лишать человека уверенности в себе, не сковывать его инициативу. Заслушивая, например, доклад командира, особенно в учебной обстановке, маршал, обнаружив отклонения, вежливо задавал наводящие вопросы, пытаясь помочь. И если ничего не получалось, министр говорил: «Ну вот что, я ваше решение не порицаю, но и не утверждаю». Можно не сомневаться, что такой подчиненный примет все меры, чтобы впредь подобного с ним не случилось.

Это отнюдь не означало, что в работе с кадрами Родиону Яковлевичу была присуща мягкосердечность. Если на фронте он не мог терпеть паникеров и трусов, способных нанести вред боевым действиям, то в мирной жизни ему не нравились военачальники, которые делались крикливыми, суетливыми и неорганизованными, разменивались по мелочам, а порой становились не в меру строгими.

Министра обороны интересовал быт военнослужащих и их семей. Летом 1964 года на заседании коллегии Министерства обороны с привлечением политических, хозяйственных, строительных и торговых органов рассматривались вопросы о состоянии и мерах по улучшению военной торговли в Вооруженных Силах СССР. При непосредственном участии Малиновского были разработаны планы и мероприятия по успешному их решению.

В военной теории Малиновский опирался на опыт Великой Отечественной войны, обобщению которого уделял большое внимание. Итогом таких раздумий является изданная в 1962 году брошюра под названием «Бдительно стоять на страже мира». В ней автор характеризует основные черты советской военной доктрины, показывает состо-

яние Вооруженных Сил на современном этапе, касается проблем формирования нового человека и воспитания воинов. Его перу принадлежит много статей теоретического и военно-исторического характера. Под редакцией Р. Я. Малиновского и при непосредственном его участии изданы труды: «Ясско-Кишиневские Канны», «Будапешт—Вена—Прага», «Фивал». Свидетельством литературных способностей маршала является автобиографическая книга «Солдаты России», которая написана незадолго до смерти. «И как знать, может, имя его было бы известно в литературном мире, если бы оно не было так известно среди славных полководцев нашей страны»,— говорил маршал М. В. Захаров.

Многочисленные семейные фотографии Малиновских, на которых запечатлены юные, добрые лица первых космонавтов,— живое свидетельство пристального внимания министра обороны к ним и их делам.

Находясь на высоком посту, маршал Малиновский наносил визиты военно-политическому руководству стран социалистического содружества. Во главе военных либо в составе партийно-правительственных делегаций он посетил ряд иностранных государств. Очень часто присутствовал на приемах в посольствах, аккредитованных в Москве. Во время общения с иностранцами настойчиво проводил миролюбивую политику Советского Союза. Здесь проявились его лингвистические способности. Он свободно говорил и читал на французском и испанском языках.

Родион Яковлевич много времени отдавал общественно-политической деятельности: неоднократно избирался кандидатом в члены и членом ЦК КПСС, был депутатом Верховного Совета СССР нескольких созывов, выступал на партийных конференциях и перед избирателями.

В редкие часы досуга или будучи на отдыхе Малиновский отдавался своему любимому занятию — рыбной ловле с удочкой или со спиннингом на Рублевском водохранилище, в Перхушково с маршалом М. И. Неделиним, в Гурзуфе, на Дунае в Венгрии, в Финляндии, а то и в далекой Индонезии: везде, где позволяло время. Он любил помечтать, глядя на водную гладь в ожидании клева, и, как ребенок, радовался приличной удаче.

Иногда ходил на охоту и предпочитал делать это без сопровождения. Яловые сапоги, водонепроницаемые брюки, длинная куртка с меховым воротником да темный берет на голове придавали ему вид бывалого охотника.

...Годы напряженного труда давали себя знать. Позади была дореволюционная Прибалтика, Франция, республиканская Испания, горечь поражений и радость побед на Западе и на Востоке в годы Великой Отечественной, пребывание на высоком посту министра. Свой двадцатый и последний парад войск маршал Малиновский принимал на Красной площади в 1966 году, будучи уже тяжелобольным; думал в тот день о дочери Наташе, которой исполнилась тоже круглая дата — 20 лет. Любопытно, что она родилась во время ноябрьского 1946 года парада войск округа в Хабаровске. Когда Родион Яковлевич, приняв парад, появился дома традиционно отметить праздник званым обедом в кругу близких сослуживцев, то узнал от собравшихся, что его жену — Раису Яковлевну — увезли в роддом и их семья пополнилась дочерью. Вместо обеда все ринулись за цветами для счастливой мамы и дочери. Супруги называли ее Наташей в честь тети Натальи Николаевны, проживавшей в Киеве.

«Теперь дочь, — думал он, — студентка филологического факультета Московского университета, изучает, как и я в свое время, французский и испанский языки, познает мир, где довелось бывать мне».

И вместе с тем радости в семье Малиновских было мало, потому что все знали, как Родиона Яковлевича одолевали боли, которые он мужественно терпел на Красной площади.

Около пяти месяцев он был прикован к постели. Молчаливо переносил неимоверную боль поджелудочной железы. Его мужеству удивлялся выдавший виды в своей лечебной практике медицинский персонал.

Наступили критические дни. Веки как будто наливались свинцом, и Родион Яковлевич видел сквозь пелену силуэты людей в белых халатах. Это врачи непрерывно дежурили возле больного. У изголовья бессонные ночи проводила Раиса Яковлевна. «Что?! Что ты говоришь?» — спрашивала она, сдерживая себя, чтобы не разрыдаться, пытаясь проглотить подкативший комок к горлу. На ее голос маршал медленно открывал глаза, и веки тут же опускались...

Настольный календарь больше не перелистывается. На листке, обозначающем 31 марта 1967 года, запись: «Вот она — проклятая пятница. Ты ее не любил, и она тебя унесла...» Он умер в 15 часов 15 минут. Запись сделана женой.

С тех пор на письменном столе из красного дерева все осталось, как при нем: довольно простая лампа под зеленым абажуром, две миниатюрные фотографии супругов, выполненные в Будапеште в 1945 году, в самшитовых рамках, обыкновенная авторучка «Союз», которой написана книга «Солдаты России». Каждая вещь в ящиках рабочего стола имеет свое место: блокноты, папка, тетради, записная книжка, готовальня, наборы чернил. Нет в кабинете и в квартире роскоши, есть тонкий вкус в обстановке жилья простыми добротными вещами, от чего чувствуешь себя уютно и непринужденно.

\* \* \*

Большой жизненный путь прошел Родион Яковлевич Малиновский: от рядового солдата до Маршала Советского Союза — выдающегося полководца. Его судьба неразрывно связана с армией, с борьбой партии и народа за укрепление могущества нашей Родины, с защитой завоеваний Великого Октября в годы гражданской и Великой Отечественной войн и с послевоенным строительством Советских Вооруженных Сил.

Маршал Р. Я. Малиновский навсегда оставил в памяти народной доброе имя человека неслышимой воли, терпения, выдержки. Душевный и отзывчивый военачальник, он до конца дней сохранял близость и любовь к солдатским и офицерским массам.

Родина высоко оценила ратные и трудовые подвиги Родиона Яковлевича, дважды удостоив звания Героя Советского Союза, наградив пятью орденами Ленина, орденом «Победа», тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, орденом Кутузова I степени, многими советскими медалями и иностранными орденами и медалями.

Его имя присвоено Военной академии бронетанковых войск в Москве, гвардейской танковой дивизии, селу Балан, где размещался штаб 2-го Украинского фронта перед началом Яско-Кишиневской операции, одной из улиц Кишинева, городскому району Одессы. Бюст Р. Я. Малиновского, установленный на его родине — в городе-герое Одессе, воплотил облик верного сына своего народа.

## СОДЕРЖАНИЕ

НАЧАЛО ПУТИ . . . . .	3
ГОДЫ СУРОВЫХ ИСПЫТАНИЙ . . . . .	25
КОМАНДУЮЩИЙ 6-Й АРМИЕЙ . . . . .	50
ВО ГЛАВЕ ЮЖНОГО ФРОНТА . . . . .	66
ВПЕРЕД, НА ЗАПАД! . . . . .	93
ОТ ДНЕПРА ДО ДНЕСТРА . . . . .	118
ЯССКО-КИШИНЕВСКИЕ КАННЫ . . . . .	134
ОСВОБОЖДЕНИЕ ВЕНГРИИ, АВСТРИИ, ЧЕХОСЛО- ВАКИИ . . . . .	155
НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ . . . . .	173
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ . . . . .	197

Массово-политическое издание

**Голубович Василий Селиверстович**

**МАРШАЛ МАЛИНОВСКИЙ**

Киев

Издательство политической  
литературы Украины  
1988

Заведующий редакцией *Н. В. Стегюха*  
Редакторы *Н. П. Галаник, А. Л. Комиренько*  
Младший редактор *Л. П. Лавринюк*  
Художник *Н. П. Еременова*  
Художественный редактор *Н. В. Синегуцкая*  
Технический редактор *М. М. Парфенюк*  
Корректоры *М. Я. Иванова, Л. Г. Марковская*

ИБ № 5259

Сдано в набор 04.11.87. Подписано в печать 08.04.88. БФ 36846.  
Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Высокая печать. Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 12,6.  
Уч.-изд. л. 12,87+0,66 ил. Тираж 100 000 экз. Зак. 8—21. Цена 1 р. 10 к.

Политиздат Украины, 252025, Киев-25, Десятинная, 4/6.

Киевская книжная фабрика, 252054, Киев-54, Воровского, 24.

